

АЛЕКСАНДР
ГЕРЗОН

ФРАГМЕНТЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МЕТАВШЕГОСЯ

ФРАГМЕНТЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МЕТАВШЕГОСЯ

АЛЕКСАНДР
ГЕРЗОН

2015

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ
СЛОВО АВТОРА**

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

юного зрителя - музыкальное училище имени В.Я. Шебалина - директорство в музее изобразительных искусств - медицинское училище города Красногорска - первые шесть лет в Израиле - хостель в Израиле.

Но можно просто читать «Фрагменты», где каждый фрагмент - отдельное произведение, большое или малое. По-моему, так даже лучше было бы. Но решать - тебе.

Еще хотел бы сказать, что вымарал при саморедактировании много строк хулительных в адрес моих обидчиков и много-много строк, которые счел ненужными по этическим соображениям.

При всем этом книга получилась весьма объемистой ...

10 февраля 2015 года, Рамат-ашарон.

Handwritten signature of Alexander Gerson in black ink, written in a cursive style.

КМБВ ул. Крестьянская

годы
СТАНОВЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

Говорил я сначала по-украински. Но слышал и русский, и идиш, на которых общались взрослые. Кое-что усваивал.

Однажды в нашей хате в деревне лежал мертвец, и мне стало страшно (тут, в хате, и мы жили, и амбулатория была, и аптека - тоже. Возможно, и моргом была та хата).

Как-то ночью мне то ли приснилось, то ли привиделось: человек в колпаке вышел из-за печки и вынул у меня кусочек сахара-рафинада изо рта движением руки своей, хотя рот я держал закрытым.

Я, как все дети, был любопытен. Однажды, когда родители были заняты, забрался в аптеку и открыл банку с эфиром. Последствия были тяжелые. Думали, что ослепну.

Вплоть до переезда в Киев были у меня везде няньки - молодые девушки, веселые и беззаботные. Одна из них как-то угостила меня картофельным пюре, густо посыпанным красным перцем, и я после первой же ложки лишился дыхания - стал пить воду - не помогло - начал хлеб жевать, кое-как пришел в себя.

Няне помогла двинуть меня на пытку перцем приехавшая к нам в гости девочка-родственница. Вот смеху-то было (не для меня, конечно)!

Многое изменилось, когда мы переехали в Фастов.

Это был железнодорожный городок. Здесь в основном говорили на русском, я быстро овладел русским языком, хотя сохранялось мягкое южное «Г» и некоторые слова типа «тудою» (той дорогой, тем путем).

Полюбил я пересекать станционные пути. Пролезал, сладко замирая от острейшего чувства опасности, под вагонами остановившегося на миг пассажирского поезда. Глядел в окна вагонов. Если мне махали рукой, с радостью отвечал тем же.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

От многих людей я слышал, что отец мой - врач по призванию, врач, который умело ставит диагноз и лечит просто, но эффективно. Я гордился.

В КИЕВЕ

ГИЛЬСКЕРЫ

Маме нужно было завершить учебу в институте на стационаре. А мне пора было в школу. И мы вернулись в Киев. Жили у бабушки, отца матери, Давида Моисеевича Гильскера.

Бабушка Эстер, я и дедушка Давид. Мне 9 лет

Дверь из темного длинного коридора вела в большую проходную комнату-столовую, из которой можно было попасть в малую комнату- спальню. В столовой жили четверо: дедушка и бабушка Эстер, тетя Лия и дядя Фима (Хаим), а в маленькой спальне - родители мои и я.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

- Чтоб наш дорогой товарищ Сталин жив был, здоров был, и никакой враг к нему не подступил.

Добрейший дядя Хаим работал на заводе, он был слесарь-котельщик, и еще он был алкоголик. Он прекрасно рисовал, писал стихи, трезвый мухи не мог обидеть. Пьяный же становился агрессивен.

Он попал в исправительно-трудовой лагерь за то, что выбросил из окна парикмахерской одного из мужчин, ожидавших очереди и почему-то оскорбившего моего дядю. Силен был дядя Хаим!

Он должен был выйти на свободу осенью тысяча девятьсот сорок первого года...

Я обнаружил дядину тетрадь со стихами и дивными рисунками. К сожалению, в эвакуационной спешке мы ее не нашли, и она пропала ...

Дядя показывал мне фокусы, катал меня на своем загорбке, я качался на его протянутой руке, как на турнике, он угощал меня, когда мы гуляли по городу, всевозможной вкусятинной.

Я любил его, он казался мне ближе всех.

Тетя Лия была старше Хаима на три года. Она была довольно милοвидна.

Иногда вдруг бледнела и теряла сознание.

Я пугался, и мне взрослые непонятно объясняли:

- У нее такой возраст.

Тетя работала в «Горплодоовощторге» экономистом.

В столовой между окнами висел большой фотопортрет молодого мужчины с чапаевскими усами и умными, печально-мужественными глазами. Это был портрет Израиля, родного брата дедушки Давида.

ГЕРЗОНЫ

Бывали у нас в Киеве и папины сестры.

Старшая, седая Гинда, носила очки, речь ее была четкой, ясной, нескорой. Она казалась мне серьезной и строгой. Гинда работала в детском саду. Готовилась к занятиям с детьми, даже будучи в гостях: все время рисовала, что-то писала красивыми крупными буквами, что-то вырезала из бумаги и картона и что-то склеивала.

Она рано потеряла любимого мужа и никогда больше замуж не выходила.

В пятьдесят шесть лет ослепла, до конца дней жила у Рахили.

Рахиль тоже рано потеряла мужа, но снова вышла замуж: за Лейба Белявского, кузнеца. Помню его сына, десятиклассника Шурика, хулигана и весельчака, футболиста и храбреца. Замирал я от восторга, глядя, как он перебирается с крыши на крышу, как прыгает, карабкается и мчится по грохочущей кровле трехэтажного дома, поощряемый воплями детворы.

Шурик никого не боялся, во дворе нашем не смели его трогать.

У него был друг Давид, красавец атлетического телосложения. Он шел по нашему двору гордо, как властитель. Я вспомнил его, увидев «Давида» Микель-Анджело Буонаротти.

В 1942 году Шурик погиб на фронте. Незадолго до этого пришло письмо, где были слова: «Нет еще той пули, чтоб меня взяла».

Родная дочь Рахили, Дуся, Двося, рыженькая девочка, была на три года старше меня. Она мне нравилась, какое-то доброе тепло исходило от нее. Это, впрочем, не мешало ссориться с ней и даже драться.

ПЕРВЫЙ КЛАСС. Я - ДВОЕЧНИК

В первом классе я не высыпался, голову утром тянуло обратно, к подушке. Мучительно собирался, не хотел умываться.

Поэтому однажды санитарная проверка обратила внимание Татьяны Григорьевны, учительницы, на мою грязную шею. Та с трудом поверила, ведь я был сын ее друзей-медиков, а сам я готов был умереть от стыда.

С тех пор я стал по утрам умываться, как следует.

Долго не мог я научиться писать, даже возникли сомнения в моей умственной полноценности. Меня, левшу, упорно заставляли держать ручку с пером в правой руке. Мучился я, мучилась учительница, перо номер восемьдесят шесть прорывало бумагу, не хотело скользить по листу. Буквы были уродливы, кляксы - огромны.

Плохо шла поначалу и арифметика: я не мог прибавить семь к пяти, не мог - и все тут. Таблица умножения казалась совершенно недоступной для запоминания.

И потому - ненужной. А решить задачу не мог даже самую простую.

Тогда вмешался мой отец.

— *Ты все можешь*, — уверял он. — Надо только знать маленькую хитрость. В условии задачи есть все, что необходимо для ее решения. Но не все дается прямо. Это вроде игры в прятки. Кто-то прячется за деревом, кто-то - на дереве, кто-то - за углом. Но все - здесь, рядом.

Поищи, поиграй с задачкой в прятки!

Но я продолжал хныкать.

Тогда он запер меня в спальне и держал там до тех пор, пока я, устав от собственного капризничанья и не на шутку проголодавшись, не вспомнил его наставления и не решил и задачу, и

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

- Нидерланды! Тува! Аргентина! - это звучало таинственно, прекрасно, будило воображение, влекло в даль.

Я заходил к соседу, Анатолию Гиммельфарбу, моему ровеснику. Он тоже собирал марки. Мы даже обменялись однажды. Но по-настоящему, как Толя и другие, я не втянулся, мне вскоре надоело. Бросил.

В середине зимы родители подарили мне коньки. Я вышел во двор, но не мог устоять на ногах, падал без конца. Промерз до дрожи. Ломило пальцы ног и рук. Не была успешной и вторая жалкая попытка.

Никто из взрослых ко мне не вышел: они и сами не умели кататься на коньках.

На один из уроков учительница принесла белую мышь, что-то долго о ней рассказывала. Я жалел бедную мышку и не слушал рассказ.

Вдруг тихая девочка-еврейка густо плюнула на пол. Учительница подошла и поинтересовалась, зачем она это сделала. Та ответила как-то странно - и тут же вызвали врача.

- Как зовут твою учительницу? - спросил он девочку.

- Хана, - тихо промолвила бедняжка.

Она сошла с ума. Так я впервые увидел ненормального человека - и надолго страшно испугался: неужто и со мной такое может случиться?!

На школьном утреннике, посвященном Пушкину, вокруг зеленого дуба ходил развеселый первоклашка - *Кот ученый*. Но не он, а *Русалка*, сказочно прекрасная третьеклассница с распущенными длинными золотистыми волосами и огромными печальными голубыми глазами, завладела моей душой.

Ушли мы без скрипки.

На улице отец хмуро объявил:

- Язык твой - враг твой. Великий скрипач Паганини, кажется, тоже был левша. Но им не хочется возиться с левшой, а ты из-за длинного языка будешь несчастным человеком.

Он делал еще одну попытку приобщить меня к музицированию: отдал в обучение к частной преподавательнице-пианистке.

У нас инструмента не было, и я ходил на уроки к знакомым отца, чья дочь обучалась частным образом.

Мрачная старуха при ошибках била меня по пальцам.

Словно ненавидела.

Меня это оскорбляло, обижало, лишало всякого стимула.

И я отказался от таких занятий.

ВТОРОЙ КЛАСС. ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Первый класс я окончил как средний ученик.

Во втором - начал учебу с удовольствием. Задачи теперь решал быстро. Писал несколько лучше, не прорывал уже пером тетрадные листы.

Увидев, как одноклассник Люсик скользит вниз, сидя на перилах школьной лестницы, я загорелся. На переменах и я скользил по перилам, даже на урок из-за этого как-то опоздал.

А Люсик уже спускался по-новому: лежа на перилах вниз головой и раскинув руки в стороны. Тогда и я решил: лег, раскинул руки, заскользил. Притормозил внизу сжавшими перила и горящими от этого ладонями. Помчался снова.

Дух захватывало. Слабость в ногах и дрожь в теле постепенно уходили - и поэтому я скользил и в своем парадном на Бессарабке.

Воздух двора был насыщен площадной бранью. Вначале она казалась мне искусственной, нарочитой, мерзкой. Но постепенно привык.

Главным врагом моим оказался Мишка. Семья этого мальчика жила в полуподвале дома, стоявшего наискосок от нашего. Старшая сестра Мишки выходила в обеденное время наружу и орала гундосо, истошно:

- Мись'а, иды ы'артоплю ис-ты!

Как бы рубила слоги, тяжелым языком одолевая согласные.

Сам Мишка был еще сильнее гундос и тяжкоязычен. Оба, едва я появлялся во дворе, начинали без устали, как заведенные, орать:

- *Жид пархатый,*

Колодком напхатый,

Гвоздыком прыбытый,

Щоб нэ був сэрытый.

Это повергало меня в отчаяние, и однажды, когда Мишка особенно усердствовал, я бросился на него, повалил наземь и яростно стал душить.

Если бы сбежавшиеся наблюдатели не отняли его, я прикончил бы несчастного, стал бы восьмилетним убийцей. *Мерзавцем-евреем, душегубом.* И вдруг я осознал: **евреями рождаются навсегда.** Как белокожими или чернокожими. Это - Судьба.

Стало страшно от этого осознания.

Юра Макаров, соученик, живший недалеко от нас, сын проститутки, был посажен со мной за одну парту. Видно, для того, чтобы я на него влиял положительно. Однако результат оказался обратным желанию моей доброй учительницы.

И повлиял отрицательно на всю мою дальнейшую жизнь.

Юра первым делом угостил меня папироской, когда мы шли домой, ласково показал, как надо правильно затягиваться. Я вдохнул дым, закашлялся. Вдохнул еще раз - сильно затошнило, го-

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

*Всякий, хто вищий,
той нищого гнэ,
Зовсим бэзсьельного
топче и мнэ.*

Богач был посрамлен. Но что-то страшное и неотвратимое чудилось мне в его нехитрой песенке. Не верилось в окончательность его поражения, в его простоватость.

Хохотали до колик на фильмах Чаплина, когда он проглатывал свисток и икал, вызывая неожиданные и смешные ситуации. Когда испортившийся автомат кормил его гайками вместо котлет. Хохотали над другими эпизодами. Задыхались, сползли с сидений.

Но с каким же трудом я сдерживал рыдания, когда прозревшая цветочница узнавала его руку - руку того, кто оплатил ее лечение! Кто представлялся ей, конечно, совсем иным, когда она еще не могла увидеть своего благодетеля.

Когда она, благодарная, создала в своем сознании образ героя и только держала эту добрую, ласковую, запомнившуюся руку.

После войны я узнал, что румяный добродушный Марик и его пышнотелая красивая мама лежат в Бабьем Яру...

Трудно сказать, как развивались бы события моего детства, если бы я не заболел тяжело.

Говорили, что это - геморрагический колит. Но я думаю, что это была дизентерия. Я плохо спал, почти не ел. Отощал до крайности.

Врачи рекомендовали Крым для моего спасения: начался туберкулез.

Отец оставил перспективную научную работу, поехал в Крым со мной, чтобы спасти мое здоровье, а возможно - и саму жизнь мою. Спасибо тебе, дорогой мой папа!

Необычна после Украины была природа ЮБК - южного берега Крыма.

Летним днем трещали веселые цикады. Потом я впервые увидел врага-скорпиона. Заползали в квартиру сколопендры, всевозможные мокрицы, сороконожки, вбегали пауки.

Меньше всех оказались крошечные москиты, но средства против них не было, от их укусов возникали на коже вспухания - и зуд был ужасен. Однако со временем я и к этому привык.

Загорая, почти перестал на укусы крошечных мучителей реагировать.

Первым моим проводником в Крыму и добрым другом моим стал более крупный ровесник Алик Долгов, живший на верхней террасе.

Две дочери купца-миллионера Долгова жили с семьями в бывшем домике для слуг. Рядом с домиком возвышалось солидное, в несколько этажей, здание дома отдыха ЛВО - Ленинградского военного округа, во дни оны принадлежавшее Долговым. Оно было бы собственностью Алика.

Мы с ним ежедневно обменивались впечатлениями о прочитанном и, конечно же, новыми анекдотами. Не всегда, правда, приличными.

Алик учил меня прыгать с ветки на ветку, перепрыгивать с крыши на дерево и с отвесного обрыва на крышу.

Иногда мы ставили опыты по физике, по химии.

Однажды деревянная пробка из трубки с водой, разогретой до пара с помощью спиртовки, вылетела пулей. Мы с удовольствием наблюдали эффект отдачи, когда тележка с трубкой и спиртовкой покатила в обратном направлении, - и тут появился гневно кричащий мужчина.

Оказывается, пробка ударила его.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

В том же четвертом классе я выступил в литературной композиции, посвященной стахановскому движению. Режиссером была незнакомая женщина - то ли педагог, то ли приглашенный режиссер, не знаю.

- А я - Кривонос! - звонко заявлял я от имени стахановца.

- Кривонос! Ха-ха-ха! Кривой нос! Ха-ха-ха! - прореагировал зал.

Затем мне была доверена *важная роль* Лентяя в пьесе «Кто не работает, тот не ест». Там был пирог, который труженики ели, а для меня, Лентяя, пирог все время оставался *слишком горячим*, недоступным.

Софья Николаевна Тутолмина аккомпанировала в концертах художественной самодеятельности санатория, она была в движениях стремительна, а взгляд ее из-за толстых стекол вечно поправляемого пенсне лучился добротой необыкновенной.

Много лет спустя, читая «Посмертные записки Пиквикского клуба», именно таким представлял я себе мистера Пиквика.

Была у Софьи Николаевны стройная дочь лет двадцати пяти, Наташа. В концертах художественной самодеятельности она пела и декламировала. И маму, и дочь я уважал безмерно.

Как декламатор участвовала в концертах медицинская сестра Валя Супикова. Хорошо она декламировала. В какой-то своей, особой, как бы пролетарской манере. Особенно мне нравилось стихотворение о любви к летчику. Там была, в частности, одна строка:

Только руки пахнут керосином ...

Валя ее произносила так, что мне казалось, летчик где-то здесь, в зале.

Валя его видит. А рассказывает о нем мне одному по-своейски, откровенно.

В курзале пел Эпельбаум, поразивший артистизмом исполнения.

Пела и танцевала вместе с ансамблем Тамара Ханум.

Множество национальных ансамблей танца и песни побывало в алупкинском курзале, обогащая наше детское представление о многообразии советской культуры и культуры всего человечества.

Иногда я приходил в клуб санатория, открывал фортепьяно и начинал на слух подбирать мелодии. Почти не ошибался, угадывая тон клавиши перед тем, как нажать ее. Но почему не учился игре на фортепьяно, почему?! Та же Софья Николаевна могла бы за плату учить! Какая досада!

Учителем в четвертом классе был Иван Дмитриевич Стоян. У него не было одной руки. Рукав пиджака был чем-то заполнен и прикреплен к карману брюк, будто рука есть и всегда - в кармане. Он понятно писал на доске, в классном журнале, рассказывал понятно.

Но с ним почему-то у меня с самого начала не было контакта, не было взаимной симпатии, хотя я жалел его как инвалида. Искренно жалел.

ПЯТЫЙ КЛАСС. ДИВНАЯ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Многое изменилось с переходом в пятый класс. Вместо одного появилось несколько преподавателей; у каждого были свои требования, причуды - приходилось приспособливаться.

Сложнее и объемнее стали домашние задания.

Я по-прежнему оставался самым младшим и самым маленьким среди одноклассников. Иногда это меня угнетало.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Славный Пипин Короткий! Навсегда он останется для меня светлым образцом интеллигентного человека. Он дополнял прекрасную и неповторимую Елену Александровну. Его любили ученики. Искренне. Но безжалостно: дети подчиняются только силе - и доброй, и злой.

Отец, как бы ни был занят, объяснял мне то, что было раньше необъяснимым, непонятым в изложении преподавателя. И я удивлялся:

- Как же это просто!

Он купил учебник немецкого языка, показал, как надо проносить первые тексты. Дальше я пытался разобраться сам. Он помогал. В результате изучение языка было легким.

Я много бегал. Однажды споткнулся, сломал руку. Гордо носил ее, загипсованную, перед собой! Писал - левой рукой!!

В другой раз я сорвался с ветки, расположенной над колючей проволокой ограды фонтана Трильби. В пятку вонзилось острое железо. Боялись заражения крови. Но обошлось: мама сразу же приняла меры.

Вечером - курзал. Там - спектакли, но больше, чем театр, нравились выступления декламаторов. Я запоминал необычные жесты, интонации, паузы. Пытался понять, что именно действует сильнее на публику. Вслушивался даже в вибрации голоса тещи, в оттенки его усиления, ослабления. Эстрада звала меня властно, но я еще не понимал этого.

После курзала, как бы порхая, мчался вниз по каменному ба-
рьеру ограждения длиннющей лестницы, прыгая с терраски на терраску радостно и свободно.

ШЕСТОЙ КЛАСС, ТРАГИЧЕСКИЙ

Я в сентябре пролистал учебники для шестого класса, кое-что прочитал. Страшными и какими-то серыми показались средние века.

Учился я по всем предметам неплохо. Так же, как и в пятом классе. Кроме русского языка и литературы, мне нравились физика, зоология, геометрия.

В течение учебного года я получал оценки «отлично» и «хорошо» при ответах, если же знал урок плохо, то к доске не шел и получал неудовлетворительную оценку.

В письменных работах по математике почти всегда проявлял недостаточную внимательность, это приводило к ошибкам и неверному ответу.

Тут пришел в шестой «А» пионервожатый, окинул всех взглядом и назначил меня председателем совета отряда.

- Я не пионер, - в ответ рассмеялся я.

- Купи сегодня же галстук и приступай к обязанностям, - спокойно возразил мне этот негнибаемый комсомолец.

И снова был летом лагерь. Мне нравилась пионерская форма: белая рубашка, синие трусы, красная шапка, как у испанских детей, и красный галстук.

Перед отъездом в лагерь я залюбовался собою перед зеркалом. Вот ведь какой орел!

Меня сразу же назначили командиром отряда, поэтому на линейках я отдавал рапорт, каждый раз боясь, что не сумею доложить по форме и опозорюсь. Но все прошло благополучно.

К нашему дому примыкала пристройка, в которой жили старики, муж с женой. Бедность их была даже по тем временам вероятна.

У старика висела длинная борода, у его жены все тряслась голова, это вызывало во мне жалость.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

был моим самым близким другом. Я стал его прогонять, объясняя, что жизнь его в опасности. Даже камни в него кидал.

Он уходил, плача, - и снова приходил. Тогда я сбежал из дому в парк вместе с ним. Голод заставил меня через день вернуться.

Повар, к которому я привел Джека, не стал брать «предателя». Не смог я уговорить обиженного старика.

И пес был убит.

Он мне явился ночью висящим молча в воздухе. Потом мне снилось, что меня убивают из ружья.

Я всю жизнь мучился, вспоминая, как не спас верного друга. Камень этот лежал на душе моей.

А в те дни я возненавидел и коменданта, и всех взрослых вообще. Только отца не мог ненавидеть, хотя именно он поддался нажиму первым.

Вчерашние выдающиеся деятели, сподвижники товарищей Ленина и Сталина, оказывались врагами. Их портреты, изрядно намозолившие глаза, снимались со стен, вымарывались в учебниках и тетрадях. Их имена переставали произносить.

Шпионы и диверсанты, предатели и мерзавцы. Слуги империализма. Говорят *наши* слова, но черны их дела. Это же ясно видно в кинофильмах, в книгах, в газетных статьях.

- Жид!

Я вскинулся и в ярости начал душить поваленного друга.

Мимо проходила завуч, стриженная худощавая женщина. Она строго, но спокойно, спросила, в чем дело. Я оставил свою жертву, взвыл:

- А чего он обзывает меня жидом?

Она отправила меня на урок, а Витя ушел с ней в кабинет.

О чем там говорили они, не знаю, но мы с Витей снова дружили.

Я любил читать Фейхтвангера. Сильнее всего потряс «Еврей Зюсс». Я рыдал, прочитав книгу. Она стала для меня испытанием психики на прочность: мне не передать словами того, что со мной было по прочтении книги. Не сначала, когда я плакал, а потом ... Когда стал думать о судьбе моего народа (стало быть, и о собственной) - тяжело, бессильно, мистически.

О как я переживал фильмы «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм»! Как радовался тому, что живу в прекрасной стране СССР, а не в жуткой, страшно жуткой фашистской Германии! Как любил Отчизну свою!

Незадолго до начала Второй мировой войны отец купил огромную политическую карту Европы, которая заняла всю боковую стену веранды.

Мы с Аликом напряженно следили за событиями в Испании, были уверены в близкой победе республиканцев. Торжество франкистов нам показалось недоразумением. Между тем, в Европе творилось что-то совсем непонятное: Германии *просто так, без войны*, при общем согласии других держав, удалось получить Чехословакию, *даже оплот пролетариата Советский Союз промолчал*.

Ах, как странно события развивались! Невероятно быстро сдалась Гитлеру такая сильная Франция! Вскоре в Европе хозяй-

Перебирался с каната на перекладину, затем доползал до одной из опор и спускался по этому столбу на землю. При этом я тренировался не только физически, но и психически: страх свой немалый преодолевал.

На стадионе был и турник.

Я вначале мог подтягиваться на нем лишь два-три раза. Но упорство позволило через некоторое время довести счет до семнадцати. Возможно, счет рос бы и далее, если бы не война ...

Трехлетний опыт лазанья по деревьям и качания на ветках тоже пригодился.

И вскоре я прыгал в спортзале через *коня*, через *козла* всеми возможными способами, перехватывался на этих снарядах, упражнялся на брусьях и на кольцах.

На уроках русского языка и литературы я был, как и прежде, счастлив: всегда готовый к уроку, всегда стремящийся к доске, всегда восторженно слушающий отраду души моей Елену Александровну.

Математика по-прежнему требовала сосредоточенности, которой мне всегда не хватало, поэтому все еще трудно было решать длинные примеры с преобразованиями по алгебре: где-нибудь да не так перепису, минус проклятый забуду поставить или плюсом его заменить - и все пойдет прахом, ответ будет неверен, хотя действия произведены правильно.

В геометрии находил утешение, радость: любил доказывать теоремы и решать задачи с построениями. И каждый раз восторженно удивлялся: вот ведь как оно решается, вот ведь как оно доказывается!

Но и здесь мучила проблема: мне казалось, что где-то очень далеко параллельные прямые могут все же пересечься.

- Не бегай по квартире с колесом, разобьешь бутылку с керосином.

- Нет, не разобью! Я умею гонять! - гордо отвечал я.

И тут же, едва он ушел, как-то так получилось, что я разбил бутылку. Запах керосина заполнил квартиру, дом, Алупку, весь Южный Берег Крыма, дошел до Альп и Кавказа, поднялся к облакам.

Плача, я мыл пол, собирал осколки, но запах не пропадал.

Отец пришел с работы - едва не задохнулся от гнева. Запах жуткий, тошнит от него, огромный объем дефицитного керосина пропал, да еще бутылки нет ...

- Разбил-таки, паразит! Я же предупреждал тебя!

И вlepил мне пощечину.

Я с гордостью показывал в школе след отцовской пятерни на щеке.

Продолжалось в седьмом классе запойное чтение. Увлекали Гоголь и Тургенев, Алексей Толстой.

Читал западно-европейских и американских авторов еще охотнее. Каждый номер журнала «Тридцать дней» был радостью. Мне нравились Мериме и Бальзак, Гюго и Золя. Волновали Стендаль и Цвейг. Захватывал Драйзер. Близкими стали Чарльз Диккенс, Джек Лондон и Марк Твен. Каждый по-своему.

По совету отца я читал Жюль Верна и Майн-Рида, полюбил и их тоже, по его же совету прочитал «Дон Кихота» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Франсуа Рабле. Потом, позже, перечитывая, понял глубже многое из того, что раньше меня просто смешило или захватывало сюжетом, находил новые глубины.

Когда я читал Александра Грина, Ганса-Христиана Андерсена или Константина Паустовского, мне казалось, что и сам я писал вместе с автором. Обожал всех троих (и до сих пор обожаю) и

Хоть и увлекался я не на шутку научной фантастикой, но сильнее приманили меня жуткие фантазмагории Эрнста-Теодора-Амадея Гофмана. Наркотически влекли меня подобные фантазмагии, я как бы переходил в иную реальность.

Эдгар По нравился *жуткостью*.

Сказки «Тысячи и одной ноч» смущали обнаженной эротикой, хотелось об этом поговорить с родителями, но не решался: разругают. О балете, опере, изобразительном искусстве я почему-то знал так мало, что мне потом пришлось этот пробел наверстывать мучительно.

Фильмы в курзале шли почти ежедневно. После каждой части фильма был перерыв на замену банки с кинолентой. Мы, мальчишки, эти перерывы использовали для обмена мнениями и курения в рукав.

Я никому не говорил, как жалею в «Бесприданнице» и Ларису Дмитриевну, и Карандышева, как презираю их обоих. Как восторгаюсь Кторовым-Паратовым - и как ненавижу его за Ларису.

Что́ никогда не утомляло, так это «Праздник святого Йоргена»: фильм я смотрел много раз - всегда с интересом. Я был благодарен Игорю Ильинскому. Вместе с моими друзьями.

Прекрасные актеры снимались в кино в то время, но больше всех восхищала меня Фаина Раневская. Некрасивая, но чудная, неповторимая, полюбившаяся на всю жизнь, она вызвала детский вопрос:

- Что же это такое - тайна таланта, в чем секрет этого обаяния?

Еще шестиклассником я согласился с фантастами, которые считали, что предки людей пришли из глубин Вселенной.

Иногда начинал перевоплощаться: соорудив из полотенца подобие чалмы, напялив домашний халат отца, подрисовав черной акварелью усы и бородку, становился халифом багдадским.

Даже какие-то жесты и позы особые появлялись.

Выходил во двор и начинал некое подобие пантомимы.

Потом снова гримировался, перевязывал пионерским галстуком один глаз, одевался пиратом. Являлся в новом образе народу.

Декламировал в клубе. В моменты обращения к залу в душе и во всем теле пела радость невыносимая.

Любимыми моими поэтами для выступлений на сцене долго оставались возвышенно-прекрасный Пушкин и мятежно-демоничный Лермонтов, гражданственно-печальный Некрасов и могуче-нежный Маяковский.

Декламируя, я пытался театрализовать свою декламацию. Так, например, в стихотворении «Орина, мать солдатская» использовал интонации знакомых бабусь, напевно жаловался:

Да недо-олги были радости:

Воротился сын больнѣ-охонек ...

В седьмом классе в репертуаре моем было до полусотни стихотворений. В их числе - и басни Крылова.

- Ах, ты, обжора! Ах, злодей! - кричал я коту укоризненно.

И внезапно начинал задыхаться от хохота, представив и разглагольствующего чудака-повара, и пиршествующего кота, не подозревающего, что именно к нему обращена укоризненная проповедь подвыпившего *правдолюбца*.

Иногда я находил в газете или журнале стихи, которые волновали, и вносил их в репертуар. Нравились мне Виктор Гусев, Лебедев-Кумач.

Выходя на сцену, я дрожал, заливался горячим румянцем. Люди в зале сливались в одного большого зрителя, его надо было

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В тот памятный день я и мои одноклассники Петя Боровский и Валя Поцелуев бродили, довольные собой, по Нижнему парку. Курили, разумеется. Шутя и смеясь, мы вышли на Пятачок, знаменитую площадку перед радиоузлом санатория, - и тут увидели совершенно незнакомых девочек своего возраста.

Самая маленькая и незаметная девочка была с какой-то коростой на верхней губе. Она досталась мне.

Подруги стали ежедневно приходиться из своего Симеиза, что в пяти километрах от Алупки.

Вскоре у Тамары, как звали подругу мою, сошла с губы короста, она с каждым днем хорошела. Она превращалась в милую девушку. Она становилась мне все ближе, я как бы обретал ту половину своей души, отсутствие которой смутно ощущал до того. Рождалась любовь. Я был убежден в том, что мы после школы поженимся. Новый смысл получила вся жизнь моя. Теперь я уже не мыслил своего будущего без Тамары.

Мне хотелось удалиться с ней от всего мира, смотреть в глаза ее - и не расставаться никогда. Я не решался сказать ей об этом - и, гуляя с ней по парку, все старался ее рассмешить, подтягивался на ветке, как на турнике, взбирался по дереву.

Но она, наверно, чувствовала то, что происходит в душе моей, сквозь мое смешное поведение.

Мы шли рядом в парке, и я боялся даже притронуться к Тамаре. Она была как бы нематериальна.

А глаза ее так светились! Да-да, светились! Возможно, светились и мои глаза.

И глаза наши говорили о чем-то совсем другом, а не о том смешном, что я рассказывал. Потому что мне хотелось сказать, прошептать, прокричать зычно на весь мир:

- Мамочка, не унижайся перед ним!

Выбежал из кабинета и, уже жалея о своем нелепом вопле и потому плача еще горше, умчался в парк. Сел на землю, зарыдал.

- Что же я наделал, дурак?! Бедная мама! Бедная мама моя!

Почему о ней, а не о себе думал я в те часы? Почему ее, а не себя жалел я? Потому что в тот мрачный миг понял, что я предал ее любовь ко мне, ее материнскую гордость, предал отвратительным поведением: питьем водки, сквернословием в общественном месте, дурным воплем у директора.

На следующий день в классе заговорили о том, что меня могут исключить из школы. Я был угнетен, я был несчастен, я понял, что быть отличником - еще не все.

Я понимал, что виновен. Но не нашел ничего умнее, чем, шмыгая носом, написать *оду против директора* - прямо на уроке. Мои мысли и эмоции переключились только на директора школы.

О рыжий плут!

Сгубил меня ты.

Но знай: приду в твои палаты...

Написав эту нецензурную (поэтому цитирую только две первые строчки) оду, я как бы даже поуспокоился. Дал себе слово исправиться, если меня не исключат.

Но, уходя домой, забыл свой мерзкий опус в парте.

Дежурившая в классе отличница, тоже мечтавшая стать писателем (возможно, стала) нашла и прочла его - и *возмущенно* отнесла «куда следует».

Я и сегодня считаю, что девочка поступила подло: она могла *мне* вернуть мою мерзкую поэму и сказать *мне* все, что она обо мне думает. И *при мне* порвать эту мерзость.

Тамара вдруг положила голову на грудь довольно высокой подруги. К ним подбежал Петя и, мгновенно вернувшись к автобусу, знаками показал мне, что девушка плачет.

Он был само изумление.

Выскочить из автобуса, обнять Тамару! Прижать к сердцу, тихо сказать, нет, крикнуть громче грома небесного:

- Я люблю тебя, Тамара! Люблю! Жди меня!

Но автобус тронулся ...

Сердито рыча, он одолевал крутые подъемы, а я мечтал, как вернуться, как стану инженером и писателем, а Тамара - учителем или врачом. Мы весело будем ездить из Алупки в Симеиз и обратно на четырех велосипедах: я, она - и наши дети, мальчик и девочка.

Приехав в Киев, отец сразу же устроился на работу в Пущеводице. Он был главным врачом санатория. Здесь была только украинская школа, но ко мне отнеслись хорошо, подбадривали, разрешили сдать экзамены за седьмой класс на русском языке. Я сдал все весьма прилично.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

В Пущеводице почва - песчаная, даже после сильного дождя грязь на обувь не налипает. Сосны - огромные, красивые. Воздух - чистый, вкусный. А мне так хотелось обратно, в Алупку!

- Тамара, я соскучился! - шептал я, бродя меж соснами. - Где ты сейчас, что ты делаешь? Я ведь не знаю ни адреса твоего, ни фамилии. Почему раньше не записал? Почему?! Проклятая водка! Зачем пил?!

До трагедии Бабьего Яра оставалось несколько месяцев.

- Пятнадцать минут на сборы, - объявил сурово сопровождающий. - Брать по чемодану на человека.

Начали выхватывать из собранного то одно, то другое. Много, очень дорогое для нас: фотографии, документы, записи дневниковые, рисунки - осталось там.

Тетя Лия поехала с нами, но лишь проводить: ее в список нашей семьи отказались внести. Она все плакала.

В полночь подошел пароход «Владимир Ленин».

В это же время появились вражеские бомбардировщики.

Прожекторы их ловили, скрещиваясь, зенитки били непрерывно, но самолеты, словно заколдованные, спокойно делали свое дело. Посадка шла под рупорные крики команд.

Суматоха. Давка. Вопли. Ругань. Плачущая тетя на берегу.

Веселое шлепанье плиц по воде. Ночь.

ПАВЛОВСКАЯ, ВОЛЬСК, ТЮМЕНЬ

В СТАНИЦЕ

Я проснулся рано утром. Рядом увидел дедушку с бабушкой, отца с матерью. Мы все сидели на палубе, где ночью спали рядом со своим *имуществом*.

Небо синело лаской бескрайней. Успокаивало.

В салоне парохода пел мальчик лет десяти, ему аккомпанировал отец-композитор Оскар Сандлер:

Нэвжеж? Так-так, сам Сталин у Крэмли!

До Днепропетровска наш пароход плыл без происшествий. Не верилось, что идет война. Синее небо, тихая гладь Днепра ...

Выгрузив в Днепропетровске с парохода, нас, эвакуируемых, которых, как говорили, было не то две, не то три тысячи, разместили в большом четырехэтажном здании школы-десятилетки.

ленное течение. Вдоль гребли и плавал я ежедневно. С каждым днем быстрее и увереннее.

Из событий в станице сильнее всего запомнился случай, когда на маслобойке, куда мы пришли есть «сыщики» (отжимки), мой новый приятель, еврейский подросток Гриша сказал, что занимался в Киеве боксом, и в подтверждение этого одержал уверенную победу в драке с довольно крепким (ростом - больше Гриши) парнем-станичником.

Молоденькие казаки возмутились, заулюлюкали и стали бросать камни в победителя. Тот был вынужден обратиться в бегство.

Хотя мне парни с ласковой настойчивостью предлагали остаться с ними, я счел свои долгом ретироваться вместе с Гришей. Не мог я остаться, хотя и хотелось, потому что неверно это было бы, как я считал.

Поведение парней было, по моему мнению, мерзким. И не нужна мне была больше дружба с ними, которая только зародилась было.

В соседнем дворе жила девочка Тайка, моя ровесница. Когда мы с ее братом курили, беседуя, она бросала в меня яблоки с дерева. Брат ее хохотал, когда яблоко попадало в меня, и говорил:

- Тайка в тебя влюбилась.

Начались занятия в школе. Здесь меня посадили за одну парту с девочкой, которая мне под партой сильно давила ногу своей ногой. Я недоумевал: то ли издевается она, ненавидя, то ли, как Тайка, влюбилась?

Помню, что ходил я в какой-то клуб на открытом воздухе, где давали представление такие же эвакуированные, как и мы, артисты. Целый ряд скетчей я запомнил и потом использовал в конференсах, когда учился в техникуме и вузе.

А война неумолимо приближалась.

- Фраер расстанется с портфелем. И с костюмом. А то и с жизнью.

Прошло еще трое суток.

И ночью нам удалось, наконец, уехать.

Мы втиснулись в тамбур переполненного вагона с помощью проводника, сильного и сердитого мужчины, кричавшего всем прочим, что «нет местов в вагоне».

Я был так благодарен этому доброму человеку, сжавившемуся над нами. Отец однако же разочаровал меня:

- Никогда бы мы не вошли в вагон, если бы я не сунул деньги твоему доброму проводнику, - сказал он мне горько.

И пояснил, что потерял уже всякую надежду погрузиться в вагон законным путем, поэтому и решился ради семьи предложить проводнику деньги, хоть и не был уверен в успехе, и лишь таким способом мы смогли уехать из Тихорецкой.

Я так и не смог представить себе моего отца, дающего взятку проводнику! У меня не хватило для этого воображения.

В ВОЛЬСКЕ

ДОМИК В ИЗВЕСТКОВОМ ПЕРЕУЛКЕ

Долго ехали мы в Вольск, куда вызвал нас дядя Вася, Василий Гаврилович Щербаков, алупкинский друг отца.

За продукты мы на станциях отдавали еще сохранившиеся вещи. Их оставалось все меньше и меньше ...

Щербаков был болен: туберкулез, из-за которого умерла его жена, красавица-казачка, и во избежание которого он привез детей в Крым, расцвел у него самого. Молодой красивый мужчина таял на глазах. Он судорожно кашлял, сплевывал мокроту в ба-

ног, а затем - и рук от холода распухали, болели и зло, немилосердно чесались.

Термометр в доме показывал шесть-восемь градусов, иногда и четыре. Только после того, как хорошо протапливали печь, температура поднималась до четырнадцати-пятнадцати градусов Цельсия.

Одна сердобольная женщина сшила мне из старой ватной куртки шубянки. Носил их с калошами, чтобы ноги не промокли от растаявшего снега. Чтобы сухими были стеганые матерчатые подошвы.

Сохраняла тепло ног эта обувь. Стало веселее жить.

Появились и рукавицы-голицы, из того же ватника скроили. И нашлась потертая шапка-ушанка.

Кожаная, с серым каракулем внутри! Правда, невероятно потертая, местами - до белизны. Шапка спасала уши. Но не нос ...

Я разрезал четырехсотграммовую *пайку* на крошечные кубики, ел их по одному - как можно медленнее. Но они исчезали со скоростью сказочной. Изжога, которая раньше мучила только после определенных блюд, теперь стала донимать непрерывно. Особенно сильной была она после жареного.

В те дни я не умел, да и не хотел покончить с курением. Знал, что вредно, особенно, если голодаешь. Что еще сильнее мучит изжога после курения. Но голод заглушался куревом.

Сильнее всех страдал дедушка. Он худел на глазах.

- Эстер, халышт мир сарц. Гиб мир эпых эсн (Эстер, слабеет мое сердце, дай мне что-нибудь поесть), - клянчил он жалобно.

Но не притрагивался к свинине.

Никогда.

- Неужели это никогда не кончится? - вопрошал я Небо.

В те дни я, былой отличник, стал средненьким учеником, а по литературе и русскому языку, которые недавно были любимыми, - был *не успевающим*. Преподавала эти предметы полноватая небольшая старушка в пенсне.

Я не любил ее морщинистое лицо с отвислыми бульдожьими щеками, холод отчужденных глаз.

Улыбки ее так ни разу и не увидел.

Как ни старался, я *путал* тире и двоеточие, *не там* ставил скобки и точку с запятой, а уж восклицательный знак ... Я, по ее мнению, писал *слишком* длинные предложения. Впрочем, позже, вообразив себя писателем, я даже благодарно вспоминал эту суровую жрицу Синтаксиса.

Снижались оценки без объяснений, холодно и неумолимо. О содержании сочинений не шло и речи. Я был придавлен морально этой жрицей Грамматики. Я разлюбил предмет. Но надо было заниматься, и я занимался.

Кое-как. Через пень-колоду. Отбывал повинность.

Помню также преподавателя географии, молодую женщину со страдальческим выражением лица, помню преподавателя немецкого языка, стриженую пожилую женщину, требовавшую заучивать целые тексты, спасибо ей, это позже пригодилось.

Куриль мы бегали во двор, к туалету, где было, мягко говоря, *антисанитарно*. Обычно одну самокрутку курили несколько человек.

- Оставь, - просил бестабачник владельца самокрутки.

- *Состав уехал за границу,*

Оставил х ... да оголицу, - наставительно подтрунивал тот.

- Ну, ты, добил до *коммунизма*, - ворчал ожидающий очереди, чтобы пару раз затянуться.

Я удивлялся: при коммунизме же, наоборот, будет все!

УЧЕНИК СЛЕСАРЯ. ИЗБИЕНИЕ

Настали каникулы, но тут же отец отправил меня трудиться на электростанцию цементного завода, где он сам работал. Видимо, это была альтернатива сельскохозяйственной практике школьников.

Я только сейчас, когда пишу, об этом подумал.

-Инструмента нет, - как бы сердито произнес мастер. - Сделаешь сам поэтому. И будет у тебя свой. В своем ящике. Для начала сделай кронциркуль. Вот такой, как у меня в руках. Понял? Работай давай!

- А из чего же мне делать этот кронциркуль? - изумился я.

- Из железа, понятно. Походи по двору, поищи куски подходящие. Принесешь - поговорим.

Постепенно из металллолома я изготовил весь инструмент: очищал железяку от ржавчины, вырубал зубилом форму, пилил напильником, закалял, потом шлифовал, полировал.

И получалось!

- Теперь - первая тебе работа, - торжественно произнес мастер, когда я, наконец, обзавелся своим инструментом. - Надо сделать щит для подстанции. Смотри, как делается заклепка.

Он откусил кусачками кусок проволоки, вставил в тиски и несколькими ударами молотка сформовал полукруглую шляпку. Затем кусок проволоки с этой шляпкой пропустил через отверстия соединяемых железных полос, ловко расклепал второй конец, скрепив намертво две полосы металла.

- Вот и вся наука. Делай так, как я. Для остальных отверстий.

Нет, только со стороны это было просто. Я вместо полукруглых головок создавал нечто чудовищно бесформенное, самому было противно смотреть. Срубал зубилом брак, начинал снова. Наконец, стало получаться.

Погуляли-погуляли, да и покинули горсад.
Тут кто-то сзади сбил с меня отцовскую фуражку.
Я оглянулся - и получил новый удар по голове. Сзади.
Услышал истошный вопль Риты:
- Помогите! Помогите!
- Только бы не упасть! - думал я, кружась и инстинктивно отражая удары семерых, каждый из которых был больше и крепче меня.

Избиение внезапно почему-то прекратилось, на голову мне напялили омерзительный старый картуз вместо сбитой с моей головы еще приличной отцовской фуражки.

Сглатывая кровь из носа и рта, вытирая кровь из левого уха, я проводил Риту, кисло с ней попрощался и горестно ушел на берег Волги.

Умылся холодной речной водой, состирнул испачканную кровью одежду и дал волю слезам. Картуз чужой яростно утопил.

Вспомнил, как бросали камни в Гришу станичные парни. И в душу мою навсегда вошел страх перед новым, до войны не изведанным, подлым: *семеро одного не боятся.*

Мама стала военным врачом в госпитале, который вскоре был отправлен на фронт.

Пришли письма.

Теть Рахиль сообщала, что получила похоронную на веселого Шурика Белявского, ее пасынка. Я вспомнил храброго родственника, его песню как бы слышал:

*Ура-ура-ура, пионеры -молодцы,
Они уничтожают селедку-огурцы.*

Теть Лия прислала нам вызов в Омск, где она оказалась благодаря одному знакомому, который усадил ее в эшелон с рабочими завода, эвакуировавшегося в Сибирь.

- Слава Вс-вышнему. Теперь будет новая жизнь, - сказал дедушка с тихой улыбкой.

Мы с отцом оставили стариков, а сами, основательно окочев на ветру в ожидании трамвая, приехали через час к тете Лии.

Остановка трамвая была совсем недалеко от дома на улице Орджоникидзе, бывшей Тобольской.

Тетя еще не ушла на работу и растерялась, увидев нас. Потом, заплакав, начала обнимать и целовать. Накормила, напоила горячим чаем. Тут же отправились все вместе на вокзал.

Бабушка ждала нас на вокзальном кольце трамвайной линии. Под левым глазом у нее был синяк. Еще не поняв, в чем дело, я не смог сдерживать дурацкий смех.

- Что с тобой, мама? А где папа? - спросила тетя растерянно.

- Нет у тебя больше папы, - заплакала бабушка. - Умер.

Мы подумали, что ослышались. Но это была правда. Тяжелая, неожиданная, горькая.

- Он сидел рядом со мной, - говорила на идиш вдова, - и вдруг сказал тихо и жалобно: «Эстер, укрой меня, что-то холодно».

- И заснул навсегда.

Таков был наш трагический пролог к жизни в Сибири.

Тетя Лия жила в семнадцатиметровой комнате вместе с эвакуированными жительницами Москвы.

Несколько дней здесь размещались и мы.

Когда мы с отцом пришли в морг, дедушка лежал голый на спине: некогда могучий, а теперь - жалкий. Вдоль груди и живота дико вопил грубый шов, след вскрытия трупа (как на варенике, подумалось мне с ужасом). Я был в шоке. Казалось, надо поскорее проснуться, чтобы прервать этот угнетающий сон.

Одной ночью вдруг стало светло, как днем: горел расположенный рядом фанерный комбинат. Усилия пожарных не давали результата: огонь пылал гневно, грозно и ликующе. Жарко стало, когда я подошел ближе.

- Какая мощь! - подумал я. - Как слаб человек перед стихией ...

Через несколько дней нам предоставили комнату в ведомственном домике рядом с колонией. В другой комнате жил один из офицеров с женой, дочерью и стариками-родителями. Здесь мы прожили почти год.

Холод стоял там не такой жуткий, как в санчасти, чернила редко замерзали, но вставать утром было не просто: приходилось заставлять себя, уговаривать, вытаскивать себя из постели едва ли не за волосы, как делал это барон Мюнхгаузен.

Раздобыв кусок доски или фанеры, я, плеснув немного керосину, а то и порвав тетрадку и скомкав листок, разжигал небольшую железную печку-буржуйку, которая имела коленчатую трубу-дымоход. Труба эта напоминала мне перископ подводной лодки. Она сердито вгрызлась в круглое вентиляционное отверстие в стене и создавала неплохую тягу.

Пока печь топилась и докрасна раскалялась, в комнате было тепло и даже порою жарко. Тем холоднее казалось потом.

Вши с моего тела упорно не эмигрировали.

Трудно было в те дни представить, что вшивость будет через несколько лет со смехом вспоминаться, а потом и вовсе забудется.

Вошебойка была в колонии мощная.

Но чудом вновь появлялись, росли и размножались в одежде гнусные насекомые.

Во дворе бегала черная мохнатая собачонка. Приветливая, ласковая. Все любили ее.

И вот однажды один из охранников вышел из дома с винтовкой и направился к животному, махавшему радостным хвостом.

- Герзон.

Взгляд казаха стал ласков, все лицо его как-то размягчилось. Он тихо произнес:

- Твой отец - хороший человек. Справедливый. Добрый. Много людей освободил. Женщин, больных. Иди спокойно.

В колонии работала высокая, гордая медсестра, которая имела друга-заключенного. Она курила, считала, что женщина должна курить, красиво отставляя мизинец.

Ее друг был молодой, сильный, видимо, авторитетный вор. Когда его захотели отправить этапом в другое место, он не пожелал разлучаться с возлюбленной. Поэтому распорол себе живот ножом.

Его подлечили - и все же отправили этапом. Я жалел и его, и медсестру. Очень уж сильная была у них любовь!

ТЮМЕНСКАЯ ШКОЛА. ВЕСЕЛОЕ СОЧИНЕНИЕ

Как и в Вольске, я сидел на уроках, мучимый то голодом, то изжогой, то вшами. Как и там, думал довольно часто не о теме урока, а о желанной вкусной (или хотя бы сытной) пище и о распроклятых насекомых, издевательски ползущих по телу. Правда, их было все же намного меньше, чем в Вольске, но много ли нужно вшей, чтобы портить жизнь?! Пожалуй, и одной, ползущей по телу, хватит.

Но обо всем этом забывал я на уроках литературы. Преподаватель, высокая, худощавая девушка, романтическая, одухотворенная, была мне душевно близка и понятна. Она как бы приняла эстафету от моей милой, моей самой прекрасной из педагогов, моей Елены Александровны.

И потому понятными и близкими казались Печорин, Рудин, Базаров, Пьер Безухов, другие литературные герои.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Когда доходили до слов «Где же нашему знакомству продолжаться суждено», то вместо «... или в Туле» пели «иль в Тюмени», и особый смысл вкладывали в это.

Но самое сильное влияние на меня оказал ВВВ - мой соученик Виталий.

Пятнадцатилетний, он смотрелся на все двадцать. Высокий, стройный, с черными усиками, он был само изящество. И в одежде не найти изъяна, и красные кавказские сапоги облегали стройную мускулистую ногу как чудо ремесла.

Лицом напоминал артиста Кторова. Под стать внешности был и его голос: густой бархатный баритон. Он уже ухаживал за женщинами.

Печорин и Байрон, как выяснилось, были идеалами его. Страдания не понятого окружающими юноши, действительные или мнимые, стали мне близки, его проповеди делали свое дело: внушаемая и противоречивая натура моя эмоционально все сильнее склонялась к мрачному мироощущению товарища вопреки критичным усмешкам разума моего.

По примеру его я завел дневник. Полились мои стихи:

В пятнадцать лет разочарован

Он в жизни был. Судьбой ему

Удел был лучший уготован,

Но скрылось счастье во тьму.

Между тем, сами события были буднично серы.

Только волею насильно взнужданного воображения рождались преувеличенно горькие исповедальные строки:

Мне пришлось пережить очень много,

Идеалы развеяны в прах.

Если б мог, я поверил бы в Б-га ...

С этим другом я попадал пару раз в опасные ситуации, которые описал позднее в своей книге «Блудный сын».

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Он рассказал мне, как был разжалован на фронте за воздушное хулиганство и как здесь добился того, что его снова посылают в авиацию воевать.

Он был совсем молодой, чуть старше меня.

Отец ли направил меня после военного лагеря на минометный завод (чтобы не болтался неизвестно где и с кем) или сам я туда пришел помочь фронту, уже не помню. Однако сразу же там начались и нарастали разные неприятности.

Это было совсем не то, что в Вольске на электростанции.

В первый же день я узнал, что работать буду не по шесть часов, как родившиеся в июне и позже, но все двенадцать часов. В ночную смену тоже двенадцать.

Трудным и угнетающим был первый трудовой день.

Мастер подошел к сверлильному станку, ловко вставил болванку в приспособление, зажал ее рычагом и вогнал в нее сверло с помощью рукоятки до упора.

Вставил другую болванку. Повторил операцию.

- Сверли такие же дыры. Дело несложное.

Я сломал сверло уже на второй втулке.

Пошел, жалкий, к мастеру.

Он показал мне, как заточить сверло. Не ругал почему-то.

За смену я надсверлил восемьдесят шесть болванок вместо двух тысяч, заточил и сломал шесть сверл.

Я был подавлен.

На следующий день я надсверлил вдвое больше болванок. Но и это было далеко от нормы выработки.

Я попросил свои руки работать получше, не срамить меня. Сказал, что надеюсь на них.

«Все для фронта, все для победы!» - призывала доска показателей, где мелом было написано, кто сколько сделал деталей.

Мастер сердился на меня. Он был прав. Но открыться ему я не мог: думал, что позором обернется это для меня. О если бы не этот стыд! Не раз еще в жизни проклятый стыд подводил меня: я скорее умер бы, чем раскрыл тайну ...

К счастью, меня перевели на слесарный участок. Здесь работали сидя, и болезнь моя временно не беспокоила меня.

Мы рихтовали крылышки стабилизаторов, покоробленные после их приварки к втулкам и отжига в муфельной печи. В той же печи мы пекли картошку, наворованную в соседних огородах с риском получить заряд соли в задницу.

И тяжелые мысли о стыдной болезни временно ослабели.

За верстаком шестеро рихтовщиков разного возраста постукивали молотками по крылышкам, а затем стабилизатор прогонялся сквозь пройму диаметром около двадцати сантиметров.

В пройме было отверстие-круг и шесть прямых прорезей-лучей, расходящихся от него. Пройма окончательно выравнивала крылышки стабилизатора. Прогонять деталь сквозь нее было нелегко: требовались сильные удары по вставленному хвостовику мины.

Операцию эту выполнял Андрей (видимо, Генрих), немец лет двадцати, сильный и добродушный.

Он с одного удара корпусом мины прогонял стабилизатор сквозь калибрующее отверстие.

Около трех тысяч ударов наносил солдат трудфронта за смену.

Однажды Андрей не пришел. Сказали, что больше не придет. Мастер поставил на его операцию меня.

Это была ночная смена.

Первый стабилизатор я прогнал лишь с шестого удара. На втором десятке стабилизаторов как-то изловчился и пробивал их с трех ударов, а хорошо отрихтованные - и с двух.

На третью ночь стал промахиваться под утро.

Пришли в нашу комнату пьяные, развеселые дезинфекторы, обработали всю площадь. Сказали, хохоча, что и я могу заболеть. И даже умереть. И ушли, веселые.

В колонии мне выдали для отца целую курицу. Я сварил ее на печке-буржуйке, понес отцу бульон и *пулочки*.

Меня снова не пустили, но бульон взяли. Сказали, что отцу стало получше, но он еще настолько слаб, что мне нельзя с ним разговаривать.

Несколько раз я варил по частям курицу и носил бульон отцу. Наконец, меня пустили к нему. Он лежал в постели, он еще был невероятно слаб, а речь его была похожа на речь маленького мальчика, еще не произносящего правильно звуки человеческой речи.

Это пугало меня, и было жаль отца до боли в сердце.

Впервые я ощутил всю силу своей любви к нему.

Наконец, я увидел, что отец поправляется.

Тут начальника колонии, капитана Каратеева, перевели в Казахстан. Повысили в должности. Он добился, чтобы и отца моего перевели туда же.

Меня же по болезни в это время уволили с завода, и отец отправил меня к тете Лии в Омск. Был ноябрь 1943 года.

АВИАЦИОННЫЙ ТЕХНИКУМ

ПЕРВЫЙ КУРС

Приехав в Омск, я сразу съел поданную бабушкой Эстер тарелку картофеля.

Посмотрел на бабушку. Моя добрая бабуля поняла, заполнила снова доверху мою тарелку. И эту я умял.

- Хочешь еще? - спросила очень уж серьезно бабушка.

получили страшный урок от нового Саши. Он уложил всех - и с серьезными травмами.

Я восхищался. Особенно после того, как в одной из драк нашей группы с другой группой первокурсников, где мне порядком досталось, я краем глаза видел работу Саши Л.

К сожалению, вскоре друг мой уехал в Москву.

Учиться становилось все труднее. Как-то незаметно из-за черчения я стал кандидатом в *не успевающие и отчисляемые*.

Задание следовало за заданием, моя задолженность росла. Не раз я рвал листы ватмана, причудливо украшенные пролитой нечаянно тушью. Нужно было долго и нудно тереть палочку туши, чтобы получить раствор для черчения, меня раздражали непослушные циркуль и рейсфедер. Неровности обеденного стола, к которому прикалывался лист, искажали начерченную линию.

Я задолжал восемь работ. Ситуация складывалась угрожающая. И тут помог мне Иван П., с которым я подружился после отъезда Саши Л. Крепкий, круглолицый и курносый парень моего роста, с белыми мягкими волосами и кривоватой улыбкой, чертил быстро, хоть и весьма небрежно. Через несколько дней я сдал задолженности по черчению.

Познакомил меня П. со своей соседкой Машей. Это была милая девушка, напоминавшая мне Тамару. Я приходил к ее бараку на улице Девятая Линия, и мы шли с ней на танцы в Рощу (Парк культуры и отдыха на улице Десятая линия, позже - улице Богдана Хмельницкого), где права качали Иван и его друзья, вечерами ходили в кино.

Потом я провожал ее до барака. Родители ее, как мне казалось, явно были не в восторге от нашей дружбы. А мы с Машей потянулись друг к другу.

Но не сложилось у нас. Расстались.

- Запевай! - командовал Абрамов. - Где запевала? Не пришел? Герзон, давай запевай, хоть у тебя басок жиденский.

И я бодро *тенорил*:

- *Скажи-ка, дядя, ве-едь недаром ...*

Ходили мы на лыжах по зимнему горсаду, что рядом с техникумом. Ботинок не было, надевали мягкие крепления на валенки.

Ближе всех мне Гена Субботин.

По пути в техникум он заходил за мной. Иногда, чувствуя, что опаздываем, мы вскакивали на переполненную подножку проходившего мимо трамвая и лепились к ней, цепко ухватившись за поручни.

Во время одного такого авантюристического путешествия я оказался буквально повисшим на руках, когда трамвай въезжал на мост через реку Омь.

Между вагоном и оградой моста было узкое расстояние, и от первого же столба я получил удар по голове. Потемнело в глазах, я истошно заорал:

- Продвиньтесь хоть чуток, я об столб ударился.

Произошло некоторое движение - и следующий столб ударил гораздо слабее, а затем и вовсе прекратились удары.

Однажды, когда мы опаздывали, я встал между вагонами трамвая, и когда он начал тормозить, спускаясь под гору около горсовета, задний вагон стал наезжать на меня, придавливая к переднему вагону. Я еле выдержал напор, а на остановке скореехонько выбрался из ловушки. Мог бы и свалиться, не вынеся давления, тогда не писал бы эти строки.

Мы с Геней Субботиным стали часто бывать друг у друга, делились радостями и бедами. Он и раньше рассказывал много хорошего о Вовуське, своем соседе, который учился в музыкальном училище.

У Геры Матвеева был велосипед, и я попросил его научить меня ездить на нем. Тот согласился. Отправились к Облисполкому, где вокруг памятника Ленину была широкая круговая асфальтовая дорога.

После короткой инструкции товарищ посадил меня на велосипед, я заработал педалями - и поехал.

В этот момент показался идущий серединой асфальтовой дороги милиционер с портфелем подмышкой. Велосипед упрямо нес меня на милиционера.

- Уйдите, уйдите с дороги! - заорал я.

- Что это еще за ... - так и не успел закончить возмущенную фразу сбитый с ног пешеход в мундире.

Я поднялся, печально разглядывая окровавленные руки и порванные брюки, сквозь которые просматривались разодранные колени. Поднял голову. Увидел быстро удаляющегося на велосипеде товарища и поднимающегося с асфальта разгневанного милиционера.

- Ну, что скажешь? - спросил лейтенант угрожающе, мрачно.

- Я первый раз сел в седло. И вот ...

- Иди домой, промой раны и смажь йодом, герой несчастный, - угрюмо посоветовал второй участник инцидента и вдруг улыбнулся.

Постепенно я научился ездить нормально. С Герой Матвеевым мы дружили до самого его отъезда в Москву. На прощанье он подарил мне нож, сделанный из опасной бритвы. Я носил этот нож в верхнем кармане пиджака внутри красивого носового платка.

В том же доме, где Матвеев, жил романтичный юноша Юрий Зильс. Он учился в школе рабочей молодежи. Однажды я пришел с ним на урок немецкого языка и даже отвечал вместо него.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

который за все заплатит. Пели лирические песни русские. И тогда на всех нисходила благодать.

Я работал хорошо, но старался при этом соблюдать режим. И это какое-то время удавалось.

- Сегодня будешь возить мешки, - сказал бригадир.

Я вооружился прутом, сел в телегу, крикнул:

- Нно!

Лошадь и ухом не повела.

Ударил ее прутом.

- Нно, ленивая!

Тот же результат, хоть и повела ухом.

Хлестнул ее сильнее, но не двинулась буланая с места.

- Да ты матюгни ее, - посоветовал кто-то. - Сразу побежит.

- Нно, мать твою ...

Чудо! Лошадь потянула телегу.

Черный день пришел, когда меня включили в бригаду косарей. Сначала все было хорошо. Коса не очень долго поиздевалась надо мною, то упираясь концом в землю, то взмывая к небесам, то стремясь воткнуться в ногу или отрезать ее: уже через час она подчинилась и работала честно.

Хоть и потел, хоть и задыхался, я попевал за бригадиром, фронтовиком Савченко.

Но к концу дня нарушился режим, болезнь проявилась. И с каждым днем мне было все хуже. Я уже не мог работать!

Если бы на подсобном был медработник! Я бы рассказал ему, в чем дело, получил бы на пару дней освобождение, пришел бы в

Дина Сегаль

Правда, Дина - в Омске, а Лева - в письме издалека, где он снят в военной форме.

Я бережно хранил все годы оба портретики.

АКТЕР И РЕЖИССЕР

Раечку Гехтман несколько раз я провожал домой. Болтали о пустяках, и ни разу не пришло мне в голову взять ее под руку. Не говоря уже о поцелуях. Почему? Ведь с ее сестрой Лилей мы целовались уже через два часа после знакомства.

Как-то поставили мы с ней «Ночь перед судом» по Чехову. Руководил я. У нас получалось, Раечке нравилось. Общая работа сближала. Казалось, вот-вот мы раскроемся друг другу.

Но будто кто-то держал обоих на привязи: шаг так и не был сделан ни с одной стороны.

Мне предложили роль Дона Гуана в «Каменном госте» Пушкина. Режиссером оказалась пожилая преподавательница. Она где-то видела постановку пьесы и целиком перенесла все в свою *режиссуру*. Вскоре я перестал радоваться. Я делал бы совсем не так! Совсем по-другому!

Наконец, настал день спектакля.

Это происходило в спортивном зале: в техникуме не имелось иного подходящего помещения. Я облачился в костюм, арендованный в театре. Посмотрел на Лепорелло: мускулистые ноги ласкали взор; рост внушал уважение; бархатный баритон завораживал девиц. Он был создан для роли Дон Жуана! А я был бы *смешным и обаятельным* Лепорелло. Но ...

В сцене дуэли с Доном Карлосом я фехтовал с Ильей Килем, огромным добродушным евреем, мастером шпаги, который дал

секунд, глаза его утратили осмысленное выражение, лицо стало смертельно бледным.

На следующей тренировке один из тяжеловесов был без своего партнера. Огуренков предложил мне выручить товарища. Я согласился, не ожидая подвоха.

- Удары только констатировать, - предупредил нас тренер, - слишком велика разница в вашем весе.

Однако мой партнер улучил момент и нокаутировал меня.

Открыв глаза, я увидел склонившихся надо мною товарищей, а среди них довольно улыбающегося тяжеловеса. Огуренков почему-то ничего ему не сказал о его безобразном поступке. Я поэтому сильно обиделся на них обоих и ушел из бокса. Навсегда.

Второй нокаут нанес мне строгий математик. Он не любил лодырей, прогульщиков. Я знал, что на экзамене будет трудно: основы аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления были для меня темным лабиринтом.

Тут подоспел грипп. Свалившись с температурой, поневоле взялся я за учебник аналитической геометрии. Не пропуская ни строчки, читал. Постепенно открывалась новая реальность, удивительный мир высшей математики. Как усталый путник, обнаруживший оазис в пустыне, поглощал я живую воду знания. Весь день и часть ночи читал, вдумывался, восторгался. Крылья росли у меня! Я был счастлив, я забыл обо всем, кроме математики.

Все быстрее двигалось чтение: я как бы пробил стену и шел по волшебному дворцу, все богатства и красоты которого видит только посвященный в тайну.

То же было с дифференциальным и интегральным исчислением. Я был сама радость. Я словно заново родился.

На экзамене я быстро справился с билетом.

Кольга, один из преподавателей техникума, регулярно читал перед строем учащихся лекции о международном положении - превосходно и без бумажек. Литературная речь, мужественный голос этого громадного усатого мужчины, четкое и логичное изложение материала всех потрясали. Казалось, призови он с разбегу стукнуться головой об стену - все сделаем это, не колеблясь. Такое же чувство охватывало меня, когда вместе со всеми я пел «Интернационал». Вообще есть некая сила в хоровом пении.

И вот однажды Кольга уверенно сказал, что победа совсем близка. И пришел он, Великий День Победы.

День был необычным: все казались родными, все готовы были обнять и целовать встречных.

Лица светились. Почти не было пьяных.

Капитан Щечилин был трезв абсолютно, был благородно сержезен и торжествен.

Нас снова отправили летом в военный лагерь. Он размещался в сосновом бору, почти у самого берега Иртыша. На большой поляне стреляли и ползали по-пластунски, а крутой берег использовали для многотрудных тренировок в штурме высот. Я все делал успешно, рад был.

Хорошо спать на нарах, покрытых все еще душистым сеном! Утром, до сигнала побудки, весело сгоняют твой сон свежий воздух и пение птиц.

После умывания до пояса холодной водой приходит бодрость - веселая, радостная; и весь день - такой же бодрый и радостный. Я привык к интенсивной зарядке, к солидной пробежке. Курил мало - и одышка во время бега уменьшилась. Но осталась. Нравились стрельбы, где стал я далеко не худшим.

ТРЕТИЙ КУРС

ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Любимцем нашей группы и ее руководителем был Иосиф Михайлович Бродский, тридцатилетний худощавый человек с большими, красивыми, черными глазами и длинными ресницами.

Увлекательно рассказывал он, хорошо диктовал, но меня ни *технология металлов*, ни *допуски и посадки* не волновали. Там слишком много надо было запоминать, а я не любил запоминать, не получалось.

Лучше всего обстояло дело с *промучетом*. Бухгалтерские тонкости я ухватывал налету, поражая старика-преподавателя. Он даже сказал мне однажды:

- Вам, молодой человек, следовало бы стать экономистом.

Отлично осваивал я электротехнику.

Преподаватель *сопротивления материалов* был для всех образцом интеллигентного человека. Подтянутый, в дорогом костюме, с безупречно повязанным галстуком и безупречной русской речью, он в то же время обескураживал странным:

- Если вас оскорбляют, вы не должны отвечать той же грубостью и тем же хамством. И таким образом вы станете на голову выше.

- Нет, если оскорбляют, надо дать в морду, и только так станешь на голову выше, - возражали молодые слушатели.

Деформирующие силы и результат их действия этот инженер демонстрировал с помощью резинового бруска длиной не более десяти сантиметров. Наглядно было видно, как работает балка: и на сжатие, и на растяжение, и на скручивание, и на изгиб. Увлекаясь, преподаватель пачкал свой безукоризненно чистый, дорогой

От бревен в сарае я отпиливал чурбаки и колол их топором. Пила была двуручная, но я быстро наловчился в одиночку пилить - после того, как уехал удивительный Саша Л. и закончилась такая же недолгая дружба с не менее удивительным, хотя и в совершенно другом плане, Ваней П.

Бывали тяжелые для колки чурбаки, тогда я бил по топору большим колуном, применял всякие ухищрения - и зимой потел. На мне была и сушка поленьев за печкой, и растопка печи. Все это у меня получалось неплохо. Потом пригодилось в Таре.

Мы с бабушкой Эстер ездили на край города за мацой на праздник песах. Были и другие заказчики: молчаливые, озабоченные. В небольшом домишке том на окраине из привезенной муки быстро замешивалось тесто, раскатывалось, прокалывалось зубчатым колесиком, быстро пеклось в печи русской.

Пожилая женщина, которая пекла мацу, говорила с бабушкой на идише, а со мной - по-русски. Она оказалась не еврейкой: была в детстве сироткой, ее приютила и вырастила еврейская семья. Любопытно, смогла бы она пройти гиюр в Израиле сегодня?

На зиму я промазывал жирной замазкой стекла окон.

С помощью победитового резца, купленного на барахолке за гроши, нарезал стекла, если было надо стеклить. Потом купил алмаз - резать стало легче намного.

Вся электрика (утюг, плитка, выключатели, проводка) тоже была на мне, я это дело любил. И позднее - тоже.

Еще и опасность удара током привлекала почему-то. Током меня било не раз. Впервые - когда я, шестилетний, влез на стол, потом - на стул, вывернул лампочку и всунул палец в патрон, чтобы понять, почему и как светит электролампа.

Потом, в Киеве, движимый странным любопытством, я замкнул ток в вилке провода, ведущего к детектору радиоприемника: нож приложил к задним контактам всунутой в розетку вилки - и увидел, и услышал ...

Подчас я влюблялся.

Причем не в своих техникумовских девушек, а в других, с которыми знакомился случайно. Влюбившись, писал стихи и дарил. Мне однажды пришло в голову, что надо бы оставлять себе копии (могу потом детям показать рифмованные строки). Я попросил у девушки, в которую был влюблен в тот день, дать посвященное ей стихотворение на сутки.

- Я только перепишу и верну тебе, - успокаивал, уверял я.

- Ни за что, - ответила она жарко и тут же спрятала листок за свой немалого размера бюстгальтер.

Я понял, что она не отдаст. А на улице лезть за пазуху девице не решился. Милиция может неправильно понять меня, да и не только она.

Подлинной любовью, любовью страстно-восторженной, стыдливо-тайной и пока еще не разделенной, был Театр. Дошло до того, что редкий день проходил без посещения спектакля.

Приходилось, конечно, сидеть на галерке, но я высматривал свободные места в партере, бельэтаже, после антракта переходил, втягивался в действие - и не сразу воспринимал хозяина места, если тот вдруг объявлялся.

Со временем и все контролеры уже знали меня как заядлого театрала и пропускали, если не было билета. Областной театр драмы становился вторым домом.

Но вот в техникуме пронесся слух о том, что приглашен руководить театральным коллективом Вацлав Дворжецкий. Мне нравился этот актер. Особенно - в отрицательных ролях. Вацлав Янович предложил поставить пьесу Виктора Гусева «Твоя песня» - о девушке, проводившей друга на фронт, а затем приехавшей туда, к любимому.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

- *Здесь живут чужие господа ...*
Как много перенес этот человек!
И не только он! Сотни тысяч эмигрантов, оторванных от корней своих ...

*Я знаю, я совсем не тот,
Кто вам для счастья нужен ...*

Я украдкой прячу слезы. Мне стыдно: мужчина не должен быть сентиментальным ...

- Не стыдись, это - святые слезы, - улыбнулся Вацлав.

Ко мне подошел секретарь комитета комсомола Илья Поз:
- Послушай, в агитбригаде нашего техникума нет конференции. Давай, а? У тебя получится, я уверен.

Я согласился, недолго поколебавшись.

Решили мы во главу концерта бригады поставить нашу пьесу «Твоя песня». Она стала как бы заголовком концерта: шла недолго, после нее сразу же начинались эстрадные номера. И получился большой концерт агитбригады.

Я после пьесы читал с пафосом «Стихи о советском паспорте» и вел программу. Гвоздем же ее был первокурсник Борис Шапиро, читавший басни. Особенно хорошо получался у него «Заяц во хмелю» - это был театр одного актера. Рыжий весельчак Боря играл также на аккордеоне, поэтому был он у нас и аккомпаниатором, и солистом. В случае необходимости половину концерта мог дать один этот веселый юноша.

Мы стали друзьями на долгие годы.

Нам приходилось выступать в разных районах города. Бывали и моменты весьма неприятные, когда окраинные хулиганы, накурившиеся анаши, пытались сорвать концерт.

К счастью, все наши концерты состоялись.

Решили в техникуме поставить пьесу «Старые друзья» Мамлюгина. Режиссером был Юрий Воронов, тоже учащийся наш.

Выходи, о друг мой нежный!
Бил свиданья час ... - издевательски пытался я басить.
А от песни в погребке Ауэрбаха у самого у меня мороз бежал по спине. Была бы шерсть - дыбом встала бы ...
В угожденье богу злата
Край на край встает войной -
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.
Люди гибнут за металл ...

Продолжал распевать поллюбившуюся арию Джима из «Роз-Мари»:

- Прекрасней ты всех в Ка-а-ана-аде!

Нравились застольные песни Бетховена: шотландская и ирландская, я их, понятно, тоже пел, стараясь подражать профессору Доливо. Он исполнял на пластинках ряд песен, которые я добросовестно обезьянил (попугаил):

- Ах, Лизетта, вновь тебя увидеть рад я, очень рад, - пел я, и слезы почему-то наворачивались на глаза

Слушал художественный свист Ефима Нейда, пытался подражать, но так и не сумел. Джона Данкера с его гавайской гитарой слушал многократно, мечтал научиться играть на гитаре (так никогда и не выучился, хотя не раз начинал), но за неимением гитары изображал ее звук с помощью зажатого пальцами носа. Получалось как бы похоже.

Побывал я однажды на концерте Александровича, старался подражать.

Казалось мне, что получается хорошо и у меня. Мне нравился тембр моего голоса, который я легко мог менять от самого нежного, лиричного, до самого грубого, но я никак не мог понять, что же это за голос: тенор или баритон.

- Да, сынок, совсем. А тебе, сынуля, я привезла велосипед. Купила у одной немки. Ты ведь очень хотел иметь свой велосипед? Видел его в коридоре? Это твой велосипед.

Больше ничего, кроме подаренной кем-то пивной кружки с крышкой, не привезла она из Германии. Это было странно: офицеры привозили много вещей. Да и солдаты тоже. Но я был рад тому, что любимая мама бескорыстна. А главное - что вернулась живой.

Узнав о том, что я не комсомолец, мама сильно огорчилась.

Но тут как будто специально меня встретил Илья Поз.

- Герзон! Хватит дурака валять, вступай в комсомол, - требовал Поз, - ты же руководишь агитбригадой, где все комсомольцы. Заполний анкету - и вперед!

Я был ошарашен. Как это? Вот так сразу - и в комсомол? И я же знал, что *не достоин*. Знал, что много таких, как я, в комсомоле, но это же не причина вступать. Вот мама, например, на фронте вступила в партию, это правильно.

Но я-то совсем не из передовых ...

Меня в группе приняли.

И тут же состоялись выборы в комитет комсомола, куда меня избрали и сразу же поручили культурно-массовый сектор. И, не на шутку увлекшись этой своей деятельностью, я незаметно начал снова закружиться неудовлетворительными оценками.

В одно и то же время я и увлекся активной общественной жизнью, и не ладил с уставом комсомола в быту: с дружками выпивал, нарушал подчас нормы морали и права, не говоря уже о дисциплине (вернее, о недисциплинированности) на занятиях.

Однажды мы с приятелем даже закурили в аудитории на занятии, за что были тут же гневно изгнаны преподавателем.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Но одновременно тянула иная сторона, где меня звали друзья и приятели мои: веселые, прагматичные, порой - циничные, а то и явные правонарушители. Там было все просто, особенно после водки.

Метание души моей сказывалось болезненно, и я в итоге ощущал мир как нечто бестолковое и бесперспективное.

И все же надеялся перейти этот хрупкий, шатающийся мост - перейти в нужную, светлую сторону.

Сравнивал я себя с *нормальными, цельными, душевно здоровыми людьми по обе стороны моста* - и терял почву под ногами: и у плохих, и у хороших все просто и крепко, а у меня - метания, искания, все так сложно и так хрупко.

Чувствовал, что начал уставать от своих метаний, от своих болей физических и духовных.

Устал от неясности, безвыходности сильного, до боли в сердце, пламени самовыражения, бушующего в душе.

Метания затянулись, я все более отставал в учебе, меня угнетал груз академических задолженностей. Он все рос и рос.

Возможно, именно в этом и была главная причина пессимистического настроения. Ведь я уже не верил, что смогу сдать экзамены и защитить диплом. Дома вида не показывал, боялся расстроить родителей, раскрыв ситуацию и свой в угол загнанный внутренний мир.

знали меня раньше по моей активной комсомольской работе в техникуме и вне его: я активно участвовал в избирательных кампаниях, честно и добросовестно выполнял все поручения райкома, горкома и даже обкома комсомола.

И как же не вспомнить добрым словом секретаря Куйбышевского райкома комсомола Екатерину Сухину и секретаря обкома комсомола Надежду Якуб?!

Катя поняла меня, поддержала. Надежда не только поняла меня, но вдохнула новую веру в себя и в мое лучшее будущее, в мое сильнейшее желание приносить пользу народу советскому.

Возможно, я даже в Надежду влюбился после нашего долгого (до двух часов ночи) искреннего разговора в обкоме.

В те дни работники обкома партии, обкома комсомола и облизполкома работали долго: с десяти утра до пяти вечера, а потом - после перерыва - снова работали - более поздним вечером. Под час - до глубокой ночи.

УХОД БАБУШКИ

Бабушка Эстер уже не могла стирать, готовить. Когда начали таять снега, ее положили в больницу. Потом она вернулась, но не ходила, а лежала в постели. И все худела, худела ...

Она, такая жизнерадостная, такая веселая, так умеющая любить, понимать и прощать, стала грустной, молчаливой, как бы отстраненной от всего в окружающей ее жизни.

Однажды праздничным утром она села, отдышалась, позвала обеих дочерей:

- Дети мои, сегодня я уйду от вас: ваш папа позвал меня, он скучает. Прошу вас, живите дружно, не ссорьтесь.

- Мама, перестань, не надо! Саша, вот рецепт, садись на велосипед, поезжай в дежурную аптеку! - кричали мама и тетя Лия.

Я видел, как молодой токарь работал сразу на трех станках. Как метеор, метался между ними, едва успевая вставлять детали на одном станке, снимать проточенные - на другом, включать суппорт - на третьем. Детали - крупные, довольно тяжелые.

- И так все восемь часов? - ужаснулся я.

- Семья ведь у меня, дети.

Встретил Басина.

- Здравствуй, Боря, - обрадовался я.

Борис Басин еще год назад сбежал из техникума и поступил в медицинский институт. Он уже перешел на второй курс.

- Почему ты не бросил техникум? - спросил он. - Ведь у тебя родители - врачи, это же так здорово: эстафета поколений!

Я только плечами пожал. *Я должен был получить диплом!!!*

Басин стал доктором наук, руководил клиникой.

Я приводил к нему свою дочь на консультацию.

Теплой была встреча наша.

Тема проекта: «Технологический процесс обработки ...».

Далее шло название детали - распределительной шайбы звездообразного мотора, которая должна быть обработана.

Работали мы над проектом и в техникуме, и дома. Я долго сидел над расчетами и чертежами, но все-таки уложился в отведенное время, хотя даже сам не все понял в собственном «сочинении», то есть в объяснительной записке к проекту.

Настал день защиты диплома.

В мрачной аудитории сидела государственная комиссия во главе с директором техникума. На досках прикалывались листы ватмана с чертежами и схемами к дипломному проекту очередного выпускника.

Каждый студент-дипломник выходил к кафедре: кто - бодро, кто - важно, кто-то самоуверенно, кто-то - скрывая волнение.

Мне хорошие знакомые подсказали, что надо давать ему клюкву с сахаром - и это поможет. Я ухватился за эту «соломинку» с надеждой.

Врачи не возражали, хотя видно было, что они не верят в исцеление от страшной болезни какой-то кислой ягодой, да еще с сахаром.

К удивлению и радости всей нашей семьи желтизна начала сходить с лица моего больного отца, он почувствовал желание есть, и теперь настроение его улучшалось с каждым днем, он просил нас читать ему газеты, так как зрение его стало совсем слабым.

Он продолжал слепнуть, и здесь я ничем не мог ему помочь. Так же, как и врачи-офтальмологи тех лет.

ЗАВОД

ОТДЕЛ ГЛАВНОГО ТЕХНОЛОГА

Я пришел на агрегатный завод имени В.В. Куйбышева без энтузиазма. Но я был обязан отработать три года и искренне хотел поработать хорошо. Однако мое понимание хорошей, правильной работы и понимание моего начальства не всегда совпадали.

До проходной завода всего пятнадцать минут быстрой ходьбы. Но я едва успевал к восьми утра: мне всегда было трудно вставать. А за опоздание всего на пять минут полагалось суровое наказание, за двадцать минут - можно было попасть в исправительное заведение за колючей проволокой.

Уже более двух лет прошло со Дня победы, но режим на заводе был все еще военный. Это не удивительно: нарастала напря-

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Все шло ужасно медленно. Меня поторапливали. Мне было стыдно.

Наконец, кондуктор был сконструирован с соблюдением всех ГОСТов, допусков и посадок.

И оказалось, что это сделано в нормальный срок!

Самое удивительное - мое детище сразу же было применено без предъявления каких-либо претензий и рекламаций.

Я, конечно, ликовал.

- Сашка, я поступаю в политехнический на вечернее отделение, - заявил мой друг Субботин. - Советую и тебе.

Он был воплощением энтузиазма.

Я же не верил в то, что поступлю, но в тот год благодаря недобору все кандидаты стали студентами.

В том числе и я.

Трудно сказать, как дальше шла бы моя работа, но тут при-
слали из Министерства приказ,
требовавший всех молодых спе-
циалистов, окончивших техни-
кум, направить на производ-
ственные участки.

Меня во исполнение этого,
возможно, и правильного тре-
бования, направили старшим
мастером в доводочное отделе-
ние механического цеха. Здесь
притирали плунжерные пары,
проверяли форсунки, притира-

Генрих Андреевич
Субботин. 1950 г.

ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКОЕ БЮРО

За отказ работать в доводочном отделении я был поставлен к токарному станку, где «загонял в брак» детали при проточке.

То ли операция была для меня довольно сложной, то ли нужен был навык, то ли иная была причина тому, но мне было стыдно! Прошло несколько дней. И по решению начальника производства меня и еще одного молодого специалиста перевели в ОКБ.

В опытно-конструкторское бюро я пришел пятого октября тысяча девятьсот сорок седьмого года, меня здесь определили в группу вакуумных насосов, где кроме меня работал еще лишь один конструктор, руководитель группы Николай Андреевич Курохтин, позднее - главный конструктор. Это был серьезный, вдумчивый и требовательный инженер.

Мне было поручено разработать вакуумную помпу, как бы заново, но на базе уже существующей в эксплуатации - копии американской (явно украденной). Я мог пользоваться также японским агрегатом.

Чужие помпы работали безотказно, а наша копия, сделанная на заводе как бы целиком по образу американского агрегата, «бахлила».

В задней крышке корпуса был узел подачи масла вовнутрь для смазки пластин и якоря.

Вот этот-то узел у *них* работал исправно, а у нашего агрегата-копии почему-то расход масла нарастал с ростом скорости вращения ротора. Причина: быстрое истирание трущихся поверхностей.

Я копировал зарубежную технику, используя чертежи и действующие агрегаты (якобы конструируя нечто новое) и удивлялся, как чужие агрегаты могли к нам попасть.

ЖЕНИТЬБА

Ида Фориико поразила мое воображение своим острым, я бы даже сказал, вольтеровским, умом, смелостью, не говоря уже о ее ладной фигуре, длинных до пят волосах и голосе - как раз таком, какой мне с детства нравился у женщин.

Существовала и еще одна причина, расположившая меня к Иде. Мы были близки по нашей ситуации в обществе: я был *еврей-такой-сякой* (шел сорок восьмой год), а она - *спецпереселенка*: в сорок первом семья была выслана вместе с немцами Поволжья *навсегда* в Казахстан, где Шандор Фориико скончался вскоре.

Мы с Идой буквально в две недели сдружились и 10 февраля 1948 года поженились. Ни моих родителей, ни ее мать мы не поставили в известность о своем вояже в загс, благословения от них не получили.

Не говоря уже о том, что не выяснили толком ни характер, ни взгляды друг друга, а они были далеко не одинаковы.

Однако по решению Свыше брак наш оказался длительным, хотя его и нельзя назвать очень уж счастливым.

Ида будила меня рано утром, кормила приготовленным завтраком, я бежал на завод - и ни разу не опоздал благодаря ей. А она мчалась на занятия в институт. В той же квартире снимала комнату однокурсница Иды. Ее проживание оплачивали ее деревенские родители. Я завидовал.

Комната тети Лии была сухая, теплая, на втором этаже, потолок - высоко. Мы перебрались туда.

Через некоторое время приехали в Омск из Казахстана мама и брат Иды Владимир, который поступил в политехнический институт, не без приключений его затем окончил и работал позднее недалеко от Москвы инженером.

Поскольку я на оборонном заводе обязан был после техникума отработать не менее трех лет, я не смог поселиться в Щербакуле, куда направили мою жену вместо Сахалина (или аспирантуры). А ее не оставляли в городе по месту работы и жительства мужа, так как ее образование было высшее, а мое - только среднее техническое.

Вот такой парадокс советского гражданского права.

Все было по закону - нас бездушно разъединили, наплевав на наше положение и наши чувства.

В итоге Ида, забеременев вторично, поехала в августе в село, до которого не так просто было добраться (либо поездом до Мариановки, а потом - в кузове попутного грузовика, либо найти попутный грузовик и ехать девяносто километров в кузове).

После дождя или метели это был особенно мучительный и ненадежный вояж, который мог затянуться на много часов, а в мороз без тулупа ехать в кузове сорок с лишним километров не рекомендовалось.

Как правило, тулуп я раздобывал на свой путь у знакомых.

Я был вынужден работать сверхурочно, чтобы заработать отгул и съездить на денек-два к молодой жене, а затем - и к ней, и к малютке. Уныло ходил к Ольге Павловне Манторовой в Облисполком, умоляя либо вернуть мне жену, либо помочь мне уйти с завода и работать в Щербакуле.

Она обещала помочь, беседовала со мной уважительно и ласково, но просила *подождать*.

Позднее не раз я сталкивался с отказами на поворотах судьбы, но никогда никто не был так добродушен, так ласков и даже понимающе солидарен со мною, как Ольга Павловна. Она не отказывала, нет. Просто надо было подождать еще.

И я ей верил.

Работать приходилось и днем, и ночью. Иногда ночью я убегал якобы на обед, чтобы провести часок с молодой женой. Оставался у стендов моторист, которому я доверял.

Это было явным нарушением строгого режима.

Но я не мог отказаться от своих *ночных походов*.

На испытательных стендах гудели вакуумные, бензиновые и масляные помпы. Манометры показывали давление внутри них. То и дело появлялись конструкторы, мои прежние сослуживцы, просматривали данные, качали умными головами. Снова от меня пахло бензином и маслом (не сливочным, разумеется).

В моей трудовой книжке этот отрезок времени не выделен, так как, видно, просто не успел это сделать отдел кадров.

Или же работа на ОИС как на внутренней секции ОКБ была приравнена инспектором к предыдущей должности конструктора в этом же бюро. Да важно ли это?

Я подчас бродил по заводу, когда работа *не шла* и выть хотелось от тоски. Заходил в литейный цех, пил там газированную воду, надеясь унять послеобеденную изжогу после обеда на заводской фабрике-кухне.

До отъезда в Щербакуль Ида приносила мне обед из дома, и тогда, конечно, изжоги не было. Полюбовавшись моим *уплетанием* ее кулинарного опуса, она уносила кастрюльки, а я шел продолжать свой труд.

Шел неохотно: вздремнуть хотелось.

Встречал иногда на территории завода корреспондента заводской газеты кудрявого и большеносого Виктора Петровича Вишневого.

Мы были друзья, я всегда был рад услышать его добрый басок, узнать пару новых анекдотов.

Виктор был талантлив. Он как-то умел всех понять. Я присутствовал пару раз при его интервьюировании работников заво-

Меня поставили контролером к двум слесарям-сборщикам и сказали, что я - при них старший контрольный мастер, но когда я уволился с завода, то прочитал в своей трудовой книжке, что это вовсе не так: был я, оказывается, рядовым контролером, правда, высшего, восьмого, разряда.

То есть перешел из разряда инженерно-технических работников в разряд рабочих ...

Рабочие на моем участке были веселые и остроумные ребята. С ними работать было легко. Здесь осуществлялась сборка вакуумных помп. Тех самых вакуумных помп, с которыми я возился как конструктор, а затем и как техник-экспериментатор в ОКБ.

И брак в производстве которых выявлял теперь вместе с военпредом, как бы отстаивая интересы завода.

Из цехов брак шел к нам в немалом количестве.

То пластины покороблены, то кривая Паскаля не выдержана при шлифовке, то еще что-нибудь. Молодой военпред, высокий и худой лейтенант авиации, кричал, что не примет у нас ничего с таким браком. Он вообще был славный парень, но ведь не мог же он подвергать опасности своих товарищей-пилотов, мы это понимали.

Снова притирали, смазывали, подвинчивали. Наконец, сдавали продукцию. Однако я еще помнил лекции Иосифа Михайловича Бродского в техникуме, он говорил о полной взаимозаменяемости деталей и узлов в стандартных изделиях.

И я с гневом думал, что если попытаться заменить в одной из наших помп ротор или пластины деталями из другой помпы, то ничего не выйдет. Когда сказал товарищам об этом, то *не был понят никем.*

Что-то удавалось нам исправить, конечно: притереть пластины, например. Но чаще возникали бурные споры с механически-

в это!) истинно социалистической, то есть системой соединения моральных и материальных стимулов труда при разумном научном планировании показателей.

Когда наступали решающие часы в последний день месяца, к нам приходили разные руководители и призывали нас поработать, как следует, чтобы выполнить месячный план, нам приносили ведро спирта (технического, кажется, потому что я болел после него ужасно), чтобы угостить рабочий класс после завершения месячного задания.

Я ушел из машиностроительного института, потому что *жаждал уйти с завода*. Потому что не сумел найти там свою нишу.

Сегодня я не уверен в том, что был прав. Я мог бы стать инженером и найти свою нишу в лаборатории, в учреждении технической информации (овладев несколькими языками). Мог бы, как Вишневский, в газете трудиться. Даже в журнале техническом. Не только на заводе, а где-нибудь в НИИ (научно-исследовательском институте), крупном ОКБ, еще где-то.

Ида советовала пойти в медицинский институт, а если уж я решил поступать в педагогический, то либо на физмат, либо на ин-яз.

Позднее я понял, как она была права.

Если бы я пошел сдавать приемные экзамены в медицинский институт, то меня бы там все равно приняли как лицо мужского пола (мужчин был в то время недобор).

И получил бы я профессию, востребованную везде, на всех широтах и во всех странах. При этом - наследственную. Я мог бы уйти глубоко в науку после медицинского института. Открытия биологии и медицины и сегодня интересуют и волнуют меня.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Был здесь и технолог, наш общий начальник, весьма интеллигентный человек.

Нас с Аркадием называл на «вы», настроение у него было всегда невеселое.

Он часто признавался, что всю ночь не спал, а на вопрос о причине отвечал уклончиво:

- Так, знаете, разные мысли в голову лезут ...

Копировщица сидела напротив нас с Коплусом, и ее белые голые ноги волновали Аркадия. Он признавался, что это мешает ему работать.

Начальник цеха Мандрыка был человек молодой, энергичный. Руководить инструментальным цехом совсем не просто, но он справлялся.

Рабочие здесь были высококвалифицированные, оборудование - точное, самых лучших советских и зарубежных фирм.

Молодой рабочий по имени Гоша работал на точнейшем радиально- расточном станке СИП, сверлил и растачивал отверстия приспособлений. Здесь требовалось соблюдать точность расстояний и размеров до микрона, строгую точность углов, а для этого производить сложные расчеты.

Несмотря на то, что Гоша окончил лишь девять классов школы, он отлично справлялся со своей работой. Высокий, худой, в очках, с умным лицом, он был похож на доцента или даже на профессора. Мы беседовали с ним, когда выпадала такая возможность, и каждый раз он поражал меня своей эрудицией.

Еще помнится мне невысокий, рыжеватый, веселый токарь Николай Изотов, учившийся в политехническом институте на вечернем отделении. Он был новатор, хорошо зарабатывал.

Я встретил его позже, когда он был инженером и получал денег намного меньше, чем раньше, у станка.

Пойманного держали в проходной в ожидании прибытия чекистов.

Выяснилось, что в институте нет такого студента.

Почему-то все разошлись по своим делам, оставив «студента» наедине с охранником, что крайне странно.

Охранник же, успокоенный тихим поведением задержанного, уснул на несколько минут.

Когда он открыл глаза, никого рядом с ним не было.

Охранника этого, разумеется, отдали под суд, начальника охраны сняли с работы.

Считалось, что он еще дешево отделался.

1 января 1949 года я был уволен в связи с моим переходом с вечернего отделения педагогического института на стационар.

Помогла мне уволиться моя милая мама, которая была хорошо знакома с начальником отдела кадров.

Чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, какую светлую роль в моей жизни играла ты, мама, родная моя!

Ты была из тех женщин, чья преданность мужу и детям в крови заложена и родительским примером стократ умножена.

И еще я понял, как я сам себе вредил всю жизнь, совершая нелепые и большей частью не известные тебе поступки, но не раскрываясь перед тобой до конца, скрывая свои самые глубокие, истинные мысли и желания, которые могли бы испугать тебя, как мне тогда казалось.

Естественно, что после увольнения первым делом я поехал в Щербакуль, где провел несколько счастливых дней с любимой женщиной.

Правда, ехать пришлось в кузове поверх груза, тулупа у меня в этот раз не было, и бедные ноги мои пострадали, пока сорокаградусный мороз вместе со встречным ветром пронизывали меня.

Государственные экзамены я сдавал отлично, пока не дошло до г
марксизма-ленинизма. Я крепко интерпретировал работу Ста
«О правах человека в СССР(С)», но именно на ней меня и н
Хоту попутно признаться, что я никак не мог запомн
что было написано в «Кратком курсе истории
не мог, никак не мог почему-то. Потом узнал
это несколько утешило. Зол
выскачил вслед за

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДИРЕКТОРА ШКОЛЫ

где в
и т.р.
что ты на этом
созрело его сознание
в железу

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Историю СССР читала милая Валентина Ивановна Бочарникова. До сих пор помню ее чудесную улыбку, журчащий смех.

Проучившись семестр, мы стали готовиться к экзаменам. К тому времени я уже крепко подружился с Михмихом, как звали Овчинникова в своем кругу.

Мы готовились вместе у него дома, то есть готовили шпаргалки.

Я потом их бегло повторял перед экзаменом, но на самом экзамене не пользовался: было стыдно по-прежнему.

Как же я буду учить детей, если сам шпаргалил во время учебы?

Михмиху было тридцать восемь лет. Мне - двадцать два. Но это нам не мешало дружить. Была простая добрая атмосфера в доме. Я любил бывать у них. Мне нравились все в этой семье.

Мы с Идой и малютка Фирочка

Мария Григорьевна, мать Иды, тоже поехала в Щербакуль в те трудные дни. Не могу представить себе, что было бы без нее.

Я наивно надеялся, что меня тоже распределят в Омск и мы будем жить все вместе: я с Идой и Фирой, все родители и Владимир, брат моей жены.

Приезжая в Щербакуль, я помогал женщинам, как мог.

Однажды, съездив за дровами, купил их, уложил и укрепил на дровнях. Быки шли домой медленно. Наступили сумерки.

Перед самым селом за нами уже двигались волки.

Я трухнул, но тут быки показали такую скорость! Хорошо, что я крепко увязал дрова, груз прибыл благополучно.

Летом я ходил поплавать на Щербакульское озеро с илистым дном. Ходил один. Никого вокруг не было.

Если бы тонул, никто не помешал бы мне завершить мои жизненные приключения именно здесь.

Иногда в теплые дни мы с Идой гуляли по окрестностям.

Наконец, удалось все же перевести жену в Омск. Она стала работать в туберкулезном диспансере рентгенологом, вредность была двойная: лучи и зараза кругом.

Мы сняли квартиру на улице Чапаева, недалеко от жилья моих родителей. Квартира была сырая и маленькая, но дешевая. Был сарай для коровы, место для сена. Там прожили больше года.

Ида в туберкулезном диспансере заразилась туберкулезом.

передо мною билеты, я вытащил один из них, прочитал вопросы и понял, что ответить вразумительно не смогу ни на один из них.

Шпаргалок я не наготовил, да и стыдился, как я уже упоминал, ими пользоваться, тем более у такой изумительной женщины-экзаменатора. Она была красива лицом, хорошо сложена, пела в институтских самодеятельных концертах. Особенно мне запомнилась ария мадам Баттерфляй, одна из моих самых любимых арий.

Извинившись передо мной за то, что пока я буду готовиться, она займется домашними делами, Русина удалилась.

Я не смог выдержать искушения, но заглянул только в хрестоматию, бегло просмотрел соответствующий вопросам материал, но в учебник смотреть постеснялся. В конспект - тоже. Не смог, хотя очень хотелось.

Вошла Русина. Села напротив. Я ответил с грехом пополам на вопросы билета. Потом она стала меня спрашивать, но не об античных авторах, а о моей жизни. Я отвечал, стараясь быть честным и правдивым.

Она поставила мне четыре балла. Я полагаю, что эта оценка была завышена: был дан серьезнейший стимул. Я в течение последующих лет учебы читал произведения античных авторов. Возможно, на это и рассчитывала Нина Александровна.

НЕПРЕКЛОННЫЙ ЧЕРВОНЕНКО И УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОРБАНЬ

Иностранный язык изучали в двух подгруппах: немецкой и английской.

Мне очень хотелось изучать английский язык. Я даже до прихода в институт знал несколько слов и фраз. О произношении умолчу.

слушателей. Кроме того, он был полиглот, редкость среди ученых СССР.

Рассказывали, что он был кандидатом наук на Украине, за национализм был осужден, попал в Сибирь, здесь защитил новую диссертацию, но попал в опалу как сторонник космополитов. Видно, потому что женился на студентке-еврейке Деборе Сапожниковой - способной и благородной, под стать мужу.

Дебора преподавала литературу в школе, ее любили ученики. Но на выпускном вечере, как рассказывали, она пережила жуткий удар. Подвыпившие выпускники сказали любимому учителю:

- Дебора Яковлевна, вы нас учили гуманизму, прививали высокие идеалы, но посмотрите на реальную жизнь в Советском Союзе! Все - наоборот! Хорошо живется на Руси не тому, кто честен и благороден.

Как-то я познакомился в поезде с сыном Горбаня и Деборы, Сашей. Он ехал домой из Академгородка в Новосибирске, где учился. Высокий, крепкий, жизнерадостный.

Беседы наши во время двенадцатичасового вояжа были непривычно открыты. Саша долго и светло помнился. Потом он стал известным ученым.

ТАЛАНТЛИВЫЙ БЕЛЕНЬКИЙ И ДОБРЕЙШИЙ ОРЕХОВ

Второй педагог, которого вспоминаю с самыми добрыми чувствами, - это Ефим Исаакович Беленький. Он вел курс русской литературы девятнадцатого-двадцатого веков и курс советской литературы. Читал лекции спокойно, уверенно, с юмором, подчас - с иронией в интонации.

Прекрасно декламировал, цитируя авторов: сдержанно, умеренно, с точными паузами в местах особого смыслового и эмоционального эффекта.

И.И. Орехов

И глаза его смотрели на нас умно и тепло. Несмотря на то, что он был фронтовик и воевал в тылу у фашистов, Беленький подвергался гонениям в годы охоты на еврейских ведм, едва не ушел из института из-за этого, но коллеги его удержали.

Ефим Исаакович был также одним из весьма известных литературных критиков, сотрудничал с журналом «Сибирские огни».

По атмосфере человечности и высоких идеалов коллектив преподавателей нашего вуза был в то время не простое, время мрачное, на высоком уровне, начиная с нашего директора, добрейшего Ивана Ивановича Орехова.

Он был моим референтом по педагогике.

Доклад мой назывался «Трудовое воспитание в семье». Орехов поставил мне отличную оценку, но сообщил с улыбкой, что лучше этот доклад спрятать подальше, так как там слишком много крамолы.

В частности, я там утверждал, что именно семья несет ответственность за моральный облик подрастающего гражданина, а посему с семьи нужно спрашивать не меньше, а больше, чем со школы.

Е.И. Беленький

Спрашивать и призывать к ответственности, *невзирая на чины и звания родителей.*

Крупный мужчина с огромным носом, Орехов на первый взгляд был как бы грубым и как бы весьма суровым. На деле же он оказался совсем другим, добрым дедушкой.

Беседы с ним оставили ощущение света и тепла.

Я полюбил его всей душой.

ДОБРЫЙ СЛИВКО, ТАИНСТВЕННЫЙ ЦИВИН

Историю средних веков вел Сергей Александрович Сливко, сын преподавателя философии Александра Сергеевича Сливко. Читал неплохо. Он же был одно время деканом. Крупные породистые черты лица, немалых размеров нос, легкая шепелявость. И - забота о студентах. Искренняя, повседневная. И - любопытство. Ко всему окружающему.

Марк Соломонович Цивин читал новейшую историю у нас и в Управлении МГБ. Помню, как я у приятеля-вечерника, работавшего в Сером Доме (МВД-КГБ), брал конспекты для подготовки к экзаменам. Они оказались куда лучше наших и отпечатаны были на машинке. А бумага была папиросная, и потому конспекты - тонкими.

Человек небольшого роста, плотный, неторопливый, Цивин обладал обширными познаниями, иногда позволял он себе неожиданности.

Так, например, он нам рассказал о том, что Леона Блюма, выдающегося французского политика, во время оккупации Франции фашисты не тронули. Добавил задумчиво, доверительно:

- Не понимаю, почему Гитлер так к нему отнесся: Блюм же - еврей.

- Как? Я сдал? Шутите? Или серьезно?

Экзамен по политэкономии капитализма я сдал блестяще.

ВЯЛЫХ. ДОБРОСМЫСЛОВ И БАЛАНДИН

Помню благодарной памятью доцента Вялых Аполлона Яковлевича. Сдавая ему экзамен по психологии, я вытянул билет, одним из вопросов которого была любовь как чувство.

Искренне уважая преподавателя, чьи лекции я прослушал недавно с удовольствием, я спросил:

- Как в учебнике? Или ...?

Он заметно оживился:

- Как хотите.

В итоге я, назвав с десятков теорий и выразив уверенность в том, что это чувство и его градации требуют и гуманитарного, и физико-химического, и биологического, и физиологического, даже ... гм ... психопатологического, медицинского исследования, получил оценку «отлично».

- С другой стороны, - сказал я, забирая зачетку, - именно незавершенность изучения сущности любви вызывает к жизни шедевры поэзии, музыки и так далее. И пусть еще долго любовь будет для нас загадкой.

Школьную гигиену читал Добросмыслов. Он начинал свои полные юмора лекции с того, что критиковал медиков:

- Они считают, что школьная гигиена - наука медицинская. Хотя любому ясно, что это - наука педагогическая.

Доцент медицинского института Баландин начинал этот же курс не так:

А.Я. Вялых

На третьем курсе я вырвался в первый ряд. К концу учебного года считался студентом с перспективой на научную деятельность.

На четвертом я стал известной личностью в пределах своего института - многими принимаемой и многими отвергаемой.

Я солгал бы, сказав, что не видел и не слышал юдофобского шабаша, который творился в стране в те дни: именно в то время явилась мысль, еще туманная, не оформленная, о том, что есть над нами В-сшая Сила, что пути Г-сподни неисповедимы, что надо взывать к Нему горячо о помощи.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

ТИХАЯ ЖЕНСКАЯ ШКОЛА №38

Первой была практика в женской школе №38 города Омска (около Казачьего кладбища). Я вел практику в седьмом классе.

Девочки были одеты в школьную форму, но материал платьев, обувь, чулочки - все было разное по качеству и по цене.

Мой класс 7Б был живой, шумный. Но на уроках они вели себя примерно, славные девчушки. Нам, студентам, сочувствовали, видно.

Руководила практикой Нина Александровна Акимкина, доцент. Боевая брюнетка, стройная, симпатичная. Она давала нашим урокам анализ безжалостный, но в оценках была довольно объективной.

Мой первый урок я подготовил весьма тщательно, все продумал, даже прорепетировал. Однако в начале занятия едва в обморок не упал от волнения и робости. Был словно во сне.

Проанализировав детали (найдя все же недостатки), вдохнув в меня веру в себя, она дала мне в тот день стимул на всю оставшуюся практику.

А может быть, на всю мою преподавательскую деятельность. Произошло некое подобие контрастного душа, при этом сначала была ледяная вода.

Забегая вперед, скажу с гордостью, что больше я никогда не имел за свои уроки практиканта иной оценки.

Естественно, мы вели и внеклассную работу, и внешкольную. Я ходил на микроучасток, посетил на дому родителей *трудной* девочки, беседовал с ними - и так далее, и тому подобное. Со всем этим я справился наравне с другими, так как работал серьезно, честно и добросовестно.

Понял еще глубже могучую роль родителей в воспитании детей и бессилие советской школы в смешной попытке преодоления неверного домашнего воспитания и отрицательного влияния «улицы».

Больше всего волновал меня концерт, который решили приготовить мои дети. Это был мой внеклассный час. За него я должен был получить оценку. Но готовить концерт девочки мне не дали. Дети в меня не верили, я для них был *студентик*.

ГРОЗНАЯ МУЖСКАЯ ШКОЛА №19

А на следующий год педагогическая практика наша проходила в мужской школе. Школа №19 находилась рядом с Серым Домом - зданием, где располагались управления КГБ и МВД. Учились в школе дети работников Обкома КПСС, Облисполкома и прочих важных учреждений.

шенько дома этот учебник, почитал из дореволюционного учебника Ключевского, заглянул и в Костомарова, и в Соловьева.

Поводил носом по журналу «Преподавание истории в школе».

Я знал: первая встреча с этой оравой - решающая. Не справлюсь - сядут на голову и практика моя в лучшем случае будет оценена на «три» ...

Опрос прошел нормально, рассказывал я неплохо, но когда дело дошло до вопросов, то они посыпались прежде всего на базе учебника для совпартшкол. Как я и предполагал.

Я отвечал соответственно, да еще и добавлял кое-что, чего не было в том учебнике. Вкратце.

Потом прямо и весело спросил, нарушая этикет практики:

- Ловите меня по книжке для партшколы?

Они засмеялись, я - тоже. Контакт был установлен.

А ведь это было время разнузданной антисемитской истерии. Но ребята не проявили *антижидизма* по отношению ко мне ни разу, и сам я как бы забыл, что творится в стране. Кондрикову нравились мои уроки. Особенно ему нравились мои остроты, мои сравнения. Он смаковал их. И я по сей день благодарен этому человеку.

Остроты же все до одной забыл, естественно. Так же, как и обороты. Кроме одного. О нем шла особая речь, кое-кто из коллег меня осуждал.

Я не видел ничего особенного в обороте: *«Прихватив с собой все ту же Марину Мнишек, Заруцкий ...»*, а Кондриков восторгался. И мальчишкам мои не совсем педагогичные обороты нравились, они их повторяли при своих ответах на следующем уроке.

Хотя практиканты-коллеги считали, что я нарушаю высокий стиль исторического повествования. Возможно, они были правы,

Тогда я сам запел. Голос мой в тот день звучал неплохо, тональность я взял верную - не трудную. Ирма Кондратьевна подхватила - и ... запели, запели дети! Хорошо мы спели, мощно звучал припев.

Валентину Михайловичу этот сбор мой понравился.

Прошли годы, мы встретились.

Он меня узнал. И сказал, удивив немало:

- А помнишь твой сбор «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»?

- Я-то помню, но неужели и Вы помните?!

Вспоминая школу №19, не могу не упомянуть двух воистину выдающихся преподавателей.

Один из них - Фердинанд Иванович Кремер, географ, его дети звали *Фердинанд* между собой. Крупный мужчина. Благородное суровое лицо. Пользовался огромным уважением мальчишек.

Как-то я шел по коридору после звонка на урок.

В одном из классов не было преподавателя.

Шум, крики, беготня по партам.

Кремер (он в тот день дежурил) появляется на пороге. Молча.

Тишина. Беготня прекращается.

Все стоят за партами.

Властным движением опускаемой руки он усаживает умолкший класс. Выясняет, в чем дело.

Я бегу дальше по своим делам, а образ педагога впечатывается в сознание. Особенно этот царственный жест.

Работала в школе историк Мина Григорьевна, которая окончила наш факультет на пару лет раньше, чем я. Ее кличка была Мина. Как-то, кажется, на уроке военного дела, ученики спросили преподавателя:

- А если Фердинанд наскочит на Мину, он взорвется?

- Да. Конечно. Я ее изучал даже шире, чем в программе требуется. Хоть сейчас пойду в класс. Назовите тему - и я пойду.

- А логику ты будешь сам по ходу дела изучать и их тому же обучать.

- Они уже прошли половину учебника, а я даже не видел его. В руках не держал. Нет. Не хочу.

- Возьми учебник в нашей библиотеке, посиди над ним неделю, пройдешь то, что они уже прошли - и ...

- Почему не порекомендуете кого-нибудь с литфака? Там же проходят логику. И там есть отличники.

- Просто я в тебя верю, - пояснил Сливко убежденно.

Последняя фраза подействовала.

Она на меня всегда действовала.

Школа оказалась небольшим двухэтажным зданием рядом с железнодорожным вокзалом. От остановки трамвая - одна минута ходу.

В девятых классах я с самого начала без особого труда завоевывал доверие ребят, уроки старался строить с широким привлечением интересного материала из медицинских учебников и научно-популярных журналов. Забегая вперед, скажу, что и мне, и ученикам было комфортно.

Опрос на уроке вел и устно, и письменно, чтобы накопить побольше оценок: был всего один урок в неделю, а по одной оценке нельзя вывести общий балл за четверть. За урок надо было в среднем спросить не менее десяти или даже пятнадцати человек. Это не так-то просто.

УЧАСТНИК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕ- ЯТЕЛЬНОСТИ

Мне крепко запомнился вечер приема в новый театральный коллектив. Руководить пришел Иловайский. Мне он нравился как актер театра драмы, моего любимого театра. Я нервничал: могут не принять, и тогда я лишусь такого счастья! Меня по-прежнему звала сцена, я все еще думал о театре.

На приемном знакомстве (экзаменом это не назову) мы читали стихи, этюдов нам не предлагал Михаил Михайлович, он просто спрашивал нас, где мы раньше занимались театральной самодеятельностью.

- Что вы будете читать, молодой человек? - спросил Иловайский.

- Я помню только школьные стихи, - растерянно ответил я.

- Не важно. Читайте что-нибудь.

- Можно, я прочитаю стихотворение Пушкина «Обвал»?

Сосредоточившись, безуспешно унимая дрожь во всем теле, я обратил свой взор вдаль и попытался представить то, о чем говорю:

Дробясь о мрачные скалы,

Шумят и пенятся валы ...

Внизу, перед авансценой что-то металось вправо-влево, мешая мне.

Но я продолжал смотреть куда-то в даль невероятную, то и дело выходя, как мне самому казалось, из декламационного поля. И вот финал:

... где ныне мчится лишь Эол, Небес жилиец.

Свершилось. Прочитал. В страхе жду приговора. Вижу Иловайского, это он метался и еще мечется. Он смотрит на всех, потом на меня.

- Вот так, вот так надо читать Пушкина!

Гера Щетинина в Таре приветствует меня.

Я был полон желания работать в сельской местности, потому что надеялся (и надежда оправдалась), что там не так свиреп зловонный ветер внутренней политики тех дней и что я принесу пользу детворе тарской.

При распределении на работу комиссия заставляла меня согласиться быть директором семилетней школы в городе Таре.

Я пытался убедить этих суровых и мрачных людей в том, что сначала я должен побыть рядовым педагогом, а там будет видно, способен ли я руководить.

Что я не хочу и не смогу еще пока быть директором, командовать опытными учителями сейчас, явившись к ним прямо со школьной скамьи.

Я тогда еще не знал, что предыдущий директор покинул свой пост после нервного срыва: школа была не простой, при ее создании другие школы Тары отдали самых трудных учеников своих, а микроучасток школы находился далеко не в беспроблемной зоне.

Занять эту должность после Николая Карповича Лысенкова никто из местных шкрабов поэтому, видимо, не желал. Он остался преподавать физику в школе, преподавал ее прекрасно.

Мы с ним крепко подружились. В обиду его я не давал.

И он меня тоже защищал всегда и везде.

Мы стали друзьями. Память о нем я сохранил самую светлую.

А пока почти все члены комиссии так злобно смотрели на меня!

ШЕСТЬ ЛЕТ В ТАРЕ

ПЕРВЫЙ ГОД В ТАРЕ

ЛИНЧЕВАНИЕ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Перед тем, как приступить к исполнению обязанностей директора школы, я решил зайти к заведующему Омским облоно.

Заняв очередь, я обратился (не помню теперь, с каким вопросом) к бледненькому блондинчику, тихо стоявшему первым у двери.

И даже не подумал, что человечек с убегающим вбок взглядом сыграет важную роль в первоначальном восприятии Тары, куда я был назначен.

Разговора с заведующим облоно Островским не помню совершенно. Помню только его недобрые глаза, ожидающие моего ухода из кабинета.

И осталась в глубинах подсознания какая-то темная и тоскливая эмоциональная память об этом свидании.

Я приехал в Тару в августе тысяча девятьсот пятьдесят второго года.

Остановился в добротном доме, где жила моя однокурсница Гертруда Дмитриевна Щетинина со своей матерью (Гера получила назначение в Тарскую школу рабочей молодежи), а также семейство Гоник и семейство Телятниковых.

Михаил Петрович Телятников преподавал географию в школе, в которой мне предстояло работать. Марк Оскарович Гоник, главный бухгалтер леспромхоза, и Голда Ароновна, жена его, поз-

В кабинете директора-завуча работал школьный радиоузел, созданный предыдущим директором Николаем Карповичем Лысенковым на базе батарейного радиоприемника «Родина».

Прошел я с завхозом, Василием Михайловичем Симаковым, по недавно отремонтированным классам, осмотрел кабинет директора, пионерскую комнату.

Везде было чисто, уютно, еще пахло масляной краской.

Осмотрел пришкольный участок, двор и туалет. Увидел, что на зиму заготовлено много дров, они сложены в поленицы во дворе. У одного входа в туалет было коряво указано коричневой краской: «Уб. учителей» (я с усмешкой расшифровал: «Убивай учителей»), у двух других - «для мальчиков» и «для девочек».

Классы были небольшие, а окна - огромные. Раздевалка - тесная (как не вспомнить мой экзамен у Баландина!), отгороженная барьером от рекреации. Внутри, рядом с одеждой, - бак с питьевой водой и прикрепленная к нему металлическая кружка. Рукомойник одинарный.

Не было помещения для библиотеки, и я позднее решил отгородить часть коридора около кабинета директора для нее. После новшества в коридоре стало темно.

Василий Михайлович был крепкий, жилистый, хотя и худой. Любил выпить.

Но слово свое держал крепко, даже если давал его по пьянке. Он работал хорошо.

Возможно, и подворовывал, но я доверял ему, был спокоен за материальную часть школы. Счетоводом была жена его брата, тихая, честная женщина. А худющая жена Симакова была техничкой, курила самосад, ругала, как радостно кто-то мне доложил, своего мужа и меня. Правда, за глаза. Было, конечно, за что: каждая хозяйственная операция «обмывалась» вместе с партнерами по советской традиции.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

завуча своей школы еврея Михаила Дворкина: мол, хотел «выжать» золотую медаль Самуилу Гонику, еврею. Он же выступал и с трибуны, кричал о своем патриотизме и бил себя в грудь. Зал ревел в поддержку бледнолицему. Я был в шоке.

Августа Николаевна Фотиевских, преподаватель литературы из этой же школы, пыталась говорить что-то в защиту Гоника и Дворкина, кстати, фронтовика, разведчика, тяжело раненного в нижнюю челюсть, которую ему военные хирурги как-то подремонтировали. Он был исключительно

эрудированный педагог, оптимист, любимец учащихся.

Но имело ли это значение для осатаневшей учительской толпы, жаждущей линчевания мерзкого жида? И вспомнился мне фильм о докторе по фамилии Мамлок, и его пистолет с надписью «За храбрость. Верден» ...

Свист, вопли, улюлюканье красавице Августе - умной и благородной женщине, окончившей вуз на год раньше меня.

После конференции она уехала из Тары.

Дворкина выгнали из партии и с работы. Жена, которая и институт-то окончила благодаря ему, сокурснику и будущему мужу, оставила его в этот трагический, мучительный час.

Во дворе Ушаровой. Идиллия. Тара

Эмилия Ивановна
Толпыгина

Морально же поддержали Михаила Шабалин и передовая часть учительства. Я был восхищен их высоким благородством и гражданским мужеством.

После отъезда Дворкина Тара лишилась одного из лучших педагогов.

Михаил уехал домой, в Омск, и через некоторое время стал директором средней школы, любимцем учащихся.

Он женился на славной девушке. Был счастлив и в труде, и в семье. Не быть бы счастьем, как говорится ... Вслед

за изгнанным завучем Дворкиным сняли с работы и директора школы №11, Зеленкова. Его, правда, тут же сделали директором педагогического училища.

Сняли также директора средней школы №10. Этого вполне русского человека, как я понял, лишили должности за то, что его жена Энта (еврейка) влияла на него и на работу школы не в лучшую сторону.

Новым директором этой школы стал молодой историк, фронтовик Валентин Сергеевич Семахин, который окончил наш институт до меня.

Человек он был веселый, на гитаре играл неплохо, ребят в школе знал хорошо и любил их.

Выпить тоже любил. И - крепко.

А что же выпускник школы №11 Гоник?

Хотя Самуил Гоник и не получил медали, но он поступил в институт, блестяще сдав приемные экзамены, окончил его и стал довольно толковым инженером-строителем.

Конечно, рана в душе его осталась ...

ЖИЛЬЕ И ОБИТАТЕЛИ

Квартиру мне так и не предоставили. Кое-кто советовал занять класс и не уходить, пока не дадут жилья. Но это было бы против моих убеждений.

Мы с женой и дочерью действительно несколько дней до начала занятий прожили в одной из классных комнат, но с первого сентября ютились у ее подруги Апфии Васильевны Хомяковой, врача больницы, где жена моя стала работать заведующей рентгеновским отделением.

Дети Апфии, Тамара и Олег, учились в школе №7.

Это были славные ребята. Я их любил, но старался не казывать это ни им, ни другим. Они учились хорошо, Тамара была смиренная девочка, Олег мог и похулиганить.

Потом мы вошли в квартиру, которую нашел нам Николай Карпович Лысенков, бывший директор школы №7. Это была крохотная площадь, треть продолговатого ветхого дома, принадлежавшего Ушаровой - бывшей учительнице, абсолютно слепой, весьма пожилой, высокой и худой .

Квартирка наша состояла из крохотных сеней, проходной комнаты-кухни с люком в неглубокий подпол в самом ее центре, и спальни, окна которой начинались почти от почвы.

Пол в квартирке напоминал застывшее вдруг море с волнами в два или три балла.

Потолок прогнулся и невольно порождал опасение, что вот-вот он обвалится.

Мы с женой содрогнулись и не захотели въезжать в развалюху, но наша трехлетняя дочь в этот момент разразилась слезами: хотела остаться здесь, не возвращаться к Хомяковой. Вот и остались мы все.

Не верилось мне уже, что можно найти что-то лучшее. Не думал я о правах своих. Хотелось скорее приступить к работе.

Там, у бедной Ушаровой, мы прожили в течение первого учебного года. Нашей соседкой была сама хозяйка дома, несчаст-

Алупка. Я в гостях у Синицыных. 50-е года XX века.

тная слепая, одинокая на этом свете. У нее была коза по имени Женя. Странное имя для козы.

В третьей части развалюхи жила милейшая дама - Эмилия Ивановна Толпыгина, преподаватель музыки в тарском культпросветучилище.

Мы с ней подружились, дети: наша Фирочка и ее Олежка - тоже подружились.

Позднее мы работали вместе с Толпыгиной много лет в музыкальном училище имени В.Я. Шебалина и были добрыми друзьями.

Через год, не дождавшись государственного жилья, мы купили полдома (пришлось взять взаймы у моих стариков-родителей почти все сбережения) на улице Советской №1.

Это было сухое, добротное строение.

Во второй половине дома жила семья Межецких. Соседи нам достались славные. До сих пор вспоминаю их с добрыми чувствами. А уж сколько водки мы вместе с Межецким выпили! Сколько песен спели!

Запомнилось одно застолье. Пили, пели, потом вспоминали.

И Межецкий рассказал, как работал до революции на хозяйна, ягодное варенье готовили они. Однажды крыса упала в огромную бутылку с продуктом. Молодой Межецкий предложил крысу выкинуть, а варенье продать. Никто ведь не узнает.

Хозяин возразил:

- Мое доброе имя мне дороже этой бутылки с вареньем. Пусть даже никто не узнает. Я-то ведь не забуду об этом.

Были в нашей квартирке сенцы, была кухня с плохой печкой, и была спальня с «Унтермарком» - круглой печью, упирившейся в потолок и обтянутой железом, крашенным в черный цвет. Был подпол.

И еще был огородик в одну сотку.

До туалета - не более двадцати метров. Зимой, конечно, это было немалое расстояние, когда в нижнем белье и валенках бежишь туда и через некоторое время еще быстрее - назад.

Пригласили мы осенью финнов, и они сложили нам в кухне за один день славную русскую печь с двумя дымоходами: сильным для разжигания и обычным, тоже хорошим. Была и отдушина, в которую я пускал дым, когда курил (это, правда, лишало меня удовольствия от курения).

Чтобы оштукатурить стены, я купил дранку, прибил ее к стенам, но не успел нанести штукатурку, и заклеил дранку «на время» обоями.

Вскоре из-под обоев стал слышен писк. Это мыши, которые водились у нас в изобилии, вывели детенышей.

Пришлось прорывать обои и уничтожать несчастных малышей, содрогаясь от собственной жестокости. До сих пор меня передергивает при воспоминании об этом.

На следующий год стены штукатурили.

И случилась при этом беда.

Поехал я на водокачку с сорокаведерной бочкой - за водой для штукатурки. Набрал воды. Но лошадь не хотела поворачивать никак. Я сгоряча приподнял и отвел заднюю часть телеги на девяносто градусов и двинулся в обратный путь. Лег спать у окна. Утром захотел встать - и завопил от страшной боли.

Стеная, уехал в Алупку, где остановился у Синицыных, наших друзей. Там удалось немного подлечиться.

Радикулит меня мучил частенько потом, приходилось и больничный лист брать, и ездить на курорты (тоже немалые расходы),

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

И внешне - симпатичная.

Фира ее любила, к ней тянулась, как к родному человеку.

И я вспоминал при этом, что совсем не то было в Омске, где я возил ее в ясли под аккомпанемент ее плача и воплей о пощаде, когда сердце мое разрывалось от жалобной мольбы ребенка - а везти было надо: Иде - идти на работу, мне - на занятия,

Марии Григорьевне ребенок мог помешать заниматься хозяйством. Не могли и мои родители в те дни помочь: мама работала, отец тяжело болел, да и видел он очень плохо.

В омских яслях, видно, к детям (или только к нашей девочке) относились скверно. Потому-то не хотел туда ребенок.

- Папочка, не надо! Не надо! - плакала она, когда санки начинали приближаться к яслям.

Сердце болело, я чувствовал себя негодяем, но вез санки.

Не верилось, что кто-то как-то может там обижать дочурку.

Хотя в этих яслях работала подруга и однокурсница Иды, мы оба были уверены, что девочку обижают, но она не может толком объяснить, кто и как делает ее жизнь адом. Или запугали ее? ...

То ли дело Тарский детсад!

С утра уже ребенок радовался, проснувшись, торопился:

- Я в садик иду!

Я сегодня в садик иду! В садик! В садик!

Однако после садика тоже не сразу могли мы быть с ребенком: Ида работала на двух ставках в двух местах (иногда и боль-

Тара, Омская область. 50-е годы прошлого века

для лука, укропа и огурцов на завтрак. В торфяно-земляных горшочках готовил в феврале рассадку помидоров, высаживал ее в мае-июне, оберегал от холода газетными колпаками, привязывал юные стебли к палкам - и имели мы в Сибири помидоры, созревшие на корню.

Воду ходил я брать из колонки, а иногда и с реки Аркарки. Она была недалеко, с коромыслом не так уж трудно, хотя и в гору обратно идти.

Рынок был также очень близко. Мы заготавливали на всю зиму мясо (полтуши коровьей), бочку капусты квашеной, картофель. Лепили пельмени, замораживали в сених сотнями, потом всю зиму брали на обед. Браконьеры приносили отличную стерлядь. Продавали ее недорого. А с фруктами было очень плохо.

На месте они не росли. Изредка привозили китайские яблоки, мы их покупали впрок целыми ящиками. Ягоды можно было собирать за Тарой. Ида ходила иногда. Я - ни разу.

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД. КОЛЛЕГИ

На первом заседании педагогического совета я попытался по документам проанализировать итоги прошедшего учебного года, изложил программу действий и наметки плана учебно-воспитательной работы.

Я утверждал, что главное - это развивать учащихся умственно, физически и нравственно, прививая им любовь к познанию. Учить их любить сам процесс умственного труда. Учить их любить отчизну и людей, которые вокруг них.

Конечно, я понимал, что учитель не может научить дитя тому, чем сам не обладает. И поэтому вознамерился воспитывать и самих учителей - не только словом, но и личным примером.

Увы, последнее не всегда получалось.

С самого начала я лично готовил все проекты решений педсовета, партийных и профсоюзных собраний, это помогало эко-

А на шее у меня именно в те дни, как назло, был болезненный карбункул, на лбу - второй, температура - выше тридцати восьми градусов. Но не мог же я кому-то передоверить открытие нового учебного года в школе. Не говоря уже о том, чтобы взять больничный лист.

Здесь не могу не упомянуть об излечении.

Фельдшер-баптист дал мне рецепт: пивные дрожжи (полстакана) с сахаром (чайная ложка) и горючая сера на кончике ножа. Принять за 15 минут до еды. Я взял на пивзаводе бидон дрожжей, этого хватило на весь курс лечения. И - не появлялись больше ни фурункулы, ни карбункулы много лет.

Завуч школы Клавдия Михайловна Жуйкова была добросовестная, серьезная, чуткая. Мне было легко с ней работать, Лысенкову - тоже. Но в то же время она не обладала достаточной жесткостью, необходимой на этой должности.

Она оставила свой пост и перешла в следующем учебном году в рядовые преподаватели. И преподавала историю прекрасно. Ее любили ученики и уважали преподаватели. Первый учебный год мы закончили с успеваемостью в 66%. Это было ужасно, меня распекали.

Но я стоял на своем: не ставить «три», когда в уме - «два». Мне пытались доказать и сверху, и снизу, что я не прав. Но меня занесло, не остановить! Сегодня я ужасаюсь: второгодничество - патологическое явление, оно возможно только при веских, весьма веских основаниях.

Оно психологически демобилизует, особенно если «двойка» только по одному предмету, как бы важен ни был он. Кроме того, второгодник, как правило, разлагающе действует на одноклассников ...

Я хотел, чтобы ребята с наименьшими усилиями вникали в суть исторических явлений, чтобы они видели историю человечества как процесс с некими закономерностями, а исторических деятелей - как живых людей с достоинствами и пороками.

При распределении методических докладов председатель районного методического объединения преподавателей истории Александр Матвеевич Штальберг, умный и порядочнейший человек, дал мне доклад о работе с доской и мелом на уроках истории.

Готовясь к этому докладу, я читал литературу, но нашел лишь крохи, а в основном сам, экспериментируя, старался применять доску и мел на своих уроках, чтобы доложить коллегам о собственном опыте.

Подготовка этого доклада многому меня научила. И коллеги слушали меня с интересом. Я бы мог и статью о своих находках в журнал «Преподавание истории в школе» написать.

Но тогда мне это и в голову не приходило.

На уроках истории в пятом классе было трудно из-за того, что дети с трудом могли перенестись мысленно в далекие времена. Нелегко давалась им и шкала веков до нашей эры.

В то же время было легче, чем на занятиях по Конституции СССР, в которой все было записано как бы демократично, но не похоже на истинную жизнь в Союзе.

Я применял исторические словарики, куда записывались термины, подыскивал формулировки попроще и подходчивее.

Когда я допрашивал у доски, то кроме ответа на вопрос по пройденному на прошлом уроке, гонял по хронологии и по словарю.

Я применял метод «хитрые вопросы» для пятых и sixth классов. Это были вопросы, начинающиеся со слова «почему».

Мальчикам нравилась эта игра. Девочкам - не очень.

С первых дней я проникся глубокой симпатией к своим коллегам, которые честно и мужественно работали с трудной детворой.

Почти все были людьми долга, некоторые - мастерами преподавания.

Диана Филипповна Созинова, учитель начальных классов, так готовила детишек в течение четырех лет, что все преподаватели в пятых классах были ей благодарны за дисциплинированных, любознательных и мыслящих новых пятиклассников. Посещая ее насыщенные, уплотненные уроки, я и сам учился, восхищался.

Например, она не допускала ответа на вопрос одним словом или предложением из двух слов, требовала четкого ответа в виде распространенного предложения, грамматически безукоризненного.

Дети тоже понимали, какой прекрасный у них учитель. Они ведь все понимают, просто не всегда говорят нам об этом.

Интересны были уроки физического воспитания у Ивана Сергеевича Степанникова. Спортсмен-разрядник, он в то же время был мастер строить занятия так, что ребята получали от них немалую радость. Это словно игра была - каждый его урок. А как ходили на лыжах его ученики!

Вспоминается мне красавица Брацлавская, которая объявила, что все ученики ее шестого класса - пионеры, всех заставила надеть галстуки, навела дисциплину, которая и детям понравилась. Недаром она была женой полковника.

Я предпочел не мешать ей, ибо видел отличный результат.

Радовали уроки Николая Карповича Лысенкова, у которого каждый ученик сдавал зачет по физике: делал из проволоки и консервной банки действующий электромотор.

не нашел с ней взаимопонимания. Об этом долго жалел: она была воспитанница детского дома, я обязан был понять особенности ее характера, найти к ней подход как к человеку. Но вот нашла у нас с ней коса на камень, хотя она мне нравилась как личность. Да и как женщина была она мила.

Потом мы не раз встречались, беседовали тепло, но я все равно себя ругал за былую строгость.

Ни разу она мне о том не напомнила.

Заботливо руководила пришкольным участком биолог Анна Петровна Грачева. Там мы соорудили одними из первых в области площадку метеорологическую: я раздобыл в Главснабпросе оборудование.

Заботливым, серьезным педагогом запомнилась Скульская Александра Александровна. Я ее уважал и ценил.

Но однажды произошел случай, где мы поначалу не поняли друг друга.

Она привела ко мне в кабинет девочку и стала ее распекать: грязная, завшивленная, двойками обсыпалась ... Я ждал, когда она закончит. Встал из-за стола, подошел к девочке.

- Посмотри мне в глаза.

Она посмотрела. Насмешливо. Я узнал эти глаза: так смотрят на любых мужчин бывалые женщины. На вопросы мои рослая двенадцатилетняя девочка не отвечала. Я не стал ее распекать, это было бы бесполезно. Попросил Скульскую зайти ко мне позже.

Когда она пришла, я сказал ей:

- Александра Александровна, ваша завшивленная ученица живет интенсивной половой жизнью ...

Классная руководительница возмутилась:

- Пятиклассница? Как вы можете так думать?!

Но я попросил ее проверить, насколько же я не прав.

Я был уверен в том, что именно Берия - инициатор и организатор оголтелой юдофобии последних лет. Поэтому вдвойне был убит траурным сообщением о кончине вождя, *единственного заступника за народ мой многострадальный*.

Я был на уроке, когда по школьному радиоузелу прозвучало это сообщение. Я с трудом сдерживал слезы, отвернулся к окну, молчал.

Дети тоже напряженно молчали.

Вечером я напился страшно. Болел после этого, Ида меня ругала на чем свет стоит.

Во всех песнях слово «Сталин» стали заменять словом «партия», говорили о коллективном руководстве. Это было странно и непривычно.

Пронесся слух о том, что, узнав о смерти вождя, какой-то сердитый человек в Таре не только снял портрет покойного вождя со стены, но еще и испражнялся на него. Что его за это арестовали. Не верилось ни в то, ни в другое.

- Александр Абрамыч, радость-то какая, - обнял меня встреченный на пути в районо преподаватель Машинский.

Я не сразу понял.

- Врачей-то выпустили! Выпустили врачей! - продолжал ликовать коллега.

Меня и другие люди встречали и поздравляли, словно я сам был в заключении до этого. И я еще раз подумал, что юдофобия - это качество далеко не всех русских людей, радовался этому. Радовался тому, что живу в Сибири, где люди совсем не такие, как запомнились мне они в Киеве.

Но самое удивительное - то, что я самого себя чувствовал как бы и евреем, и русским в одно и то же время.

Я разрывался. Я был воспитан на русской культуре, но во мне текла еврейская кровь. Большинство друзей моих были люди рус-

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Две были от преподавателей института, одна - от Центрального райкома комсомола города Омска.

Но в Таре после педагогической конференции мне расхотелось вступать в партию. И я начал подумывать о том, как бы сменить профессию. Вспомнил о своем дипломе техника-технолога. Учиться еще раз в вузе у меня уже духовных сил не было, а идти трудиться рабочим - физических сил, здоровья моего вряд ли хватило бы.

Секретарем нашей школьной парторганизации был бывший директор школы Николай Карпович Лысенков, которого я уважал безмерно. Мне трудно это объяснить, но я верил ему всегда Он и повел меня в райком.

Я сомневался в том, что меня могут принять. Еврей ведь ... Волнуясь, предстал я перед бюро. Все члены его были мне знакомы.

Слева направо: первый ряд - тетя Рахиль, тетя Гинда, моя мама; второй ряд - моя сестра Дуся, Або-Лейб Беляевский, мой отец и моя вторая сестра, дочь тети Фиры, Лиля. Середина 50-х годов прошлого века. Измаил.

Задавали мне вопросы по работе школы. Я отвечал честно, даже если ответ был не в мою пользу, потому что был уверен в том, что я работаю в целом хорошо.

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ДИРЕКТОРА

Летом мне не удалось отдохнуть, как следует: меня послали в институт усовершенствования учителей на повышение моей директорской квалификации.

Я считаю, что получил там очень мало, так как в течение первого года работы денно и нощно изучал толстенную книжицу «Школоведение», советовался с Анатолием Киселевым, директором такой же семилетней школы №9, с которым сдружился крепко (это был человек отзывчивый и добрый, умный и решительный). У него не было секретов.

Много получил я знаний и от заведующего районным отделом народного образования Константина Ивановича Шабалина, руководителя мудрого и неторопливого, заботливого и достаточно требовательного.

Подчас он собирал нас, директоров школ, у себя на квартире. Мы приходили с женами, пили и ели у хлебосолов Шабалиных, пели песни под гитару Валентина Семахина, расслаблялись - и возникало новое, более тесное общение между нами.

От других коллег, от инспекторов я тоже немало получил опыта. И от собственных ошибок в руководстве школой - еще больше.

Мои родители в это время побывали в Измаиле, куда переселилась теть Рахиль с семьей и с тетей Гиндой. Там же застали они мою сестру Лилю, дочь тети Фиры (Эсфири). Сфотографировались все вместе. Но Лиля их оскорбила, обидела, расстроила - и расстались с ней навсегда из-за этого.

Я так и не познакомился со второй сестрой своей.

Во время моего пребывания на курсах мне предложили годичную целевую аспирантуру в Москве по педагогике. Это был верный шанс написать и защитить кандидатскую диссертацию.

Я убежден в том, что к талантливому педагогу нужно подходить так же заботливо и внимательно, как к талантливому ученому, конструктору, поэту, музыканту или актеру.

Я считаю, что хорошим директором школы может быть только тот, кто любит людей вообще, любит коллег своих и любит учеников школы. Да, он должен быть и хорошим администратором, хозяйственником. Но это - дело наживное. Дело опыта.

Но прежде всего - талантливым педагогом должен быть директор. Как и главный врач клиники - талантливым медиком, а прокурор или судья - талантливым юристом.

Я убежден в том, что именно любовь к людям - главная черта таланта в любой профессии, прямо или косвенно связанной с профессиональным воздействием на живых конкретных людей.

Возможно, к такой мысли я пришел под воздействием отца. Потому что мне навсегда в душу запали слова его, услышанные мною в детстве:

- Кто такой врач, сынок? Это друг больного человека, имеющий диплом медика, то есть право лечить.

Во всяком случае, я знал людей, которые меня поражали и покоряли именно своим талантом преподавателя и педагога. Назову лишь двоих. Это Кнутарев в Омске, это Созинова в Таре. Но были и другие.

Более того, мне встречались родители детей, которые не имели не только педагогического, но и общего среднего образования. Однако же, была у них одаренность педагогическая. И была в ней стержнем большая любовь родительская.

К сожалению, очень многие родители просто не способны воспитывать детей правильно. Независимо от их положения в обществе, профессии, этноса, религии. чинов и званий.

Отсюда шли в классы политинформации, отсюда можно было делать важные и срочные объявления, и еще более - любые художественные передачи.

С первого же дня ко мне в кабинет приводили проштрафившихся учащихся.

Вообще-то я всегда был убежден в том, что учитель обязан сам справляться с дисциплиной на уроке.

Если на уроке интересно, если все заняты работой, то обычно о дисциплине не надо заботиться специально. И большинство наших преподавателей вполне справлялись.

Однако не всем и не всегда это удавалось. И тогда я был вынужден вмешиваться в их взаимоотношения с учениками.

КПД таких вмешательств однако был мал.

Трудны обычно те ученики, которых отличает заниженная критика по отношению к самому себе и беспредельно критичное отношение ко всем и ко всему в то же время.

С такими приходилось вести борьбу каждый день, и я понимал, что время, впустую израсходованное мною и учителями на того, кто находится под сильным и давним отрицательным влиянием, можно было потратить на что-то полезное для всех учащихся. Но закон был суров: исключать из школы нельзя, надо воспитывать, воспитывать и еще раз воспитывать.

За время моей работы директором было только двое не подпадающих совершенно. Мне не хочется называть их фамилий, хотя я хорошо их помню.

Я даже жалел их, потому что провидел их горькие судьбы.

На школьные вечера приходили хулиганы.

Их, конечно, не пускали. Однажды пришли эти хулиганы, в основном бывшие ученики школы, с неким новичком.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

- Почему в мою школу? - взвинулся я. - Есть еще четыре школы с шестыми классами.

- Потому что вы умеете таких воспитывать, - ответил райкомовец.

Я был наивно польщен, согласился.

Парню, вошедшему в мой кабинет с отцом, сказал:

- О твоём прошлом говорить не будем. Я думаю, что ты будешь учиться хорошо, вести себя прилично, а если будут трудности - приходи.

Отвел его в класс, всех преподавателей до этого еще предупредил: ни намека на его прошлое, он для нас - такой, как все. Я верил в лучшее.

Надо сказать, что парень не подвел. Мы даже потом, когда он окончил учебу, подружились.

Однажды Колчина зло отзывалась об ученике Сергее Пантеровском. Я всячески защищал беднягу Сергея, который был мальчиком необычайно эрудированным в истории (знал больше имен и фактов, чем я сам). Отец Сергея работал главным врачом больницы.

Мы не раз крепко выпивали у него дома. Это был умный, смелый руководитель и прекрасный хирург. Хотя и со странностями.

Мальчик был дома - свет в окошке. Баловали его родители.

А вот в школе ребята его невзлюбили. Приходилось защищать. И вдруг - завуч тоже не любит несчастного подростка! Я стал переубеждать Зою Алексеевну.

- Все равно еврей! - злобно, яростно, неумолимо вскрикнула завуч.

- Что-о?!

- Ой, простите, Александр Абрамович! - смутилась женщина. - Я не Б-г, чтобы прощать или карать вас. Мне вообще смешно было слушать: Сергей Пантеровский - не только не еврей, он сын двух славян и внук православного священника. А вы себя показали, за это - спасибо. Но не мне вас воспитывать.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

М. считался трудным подростком. Но все заметили, что он смягчился. А я был счастлив: оба, оба оказались хорошими - и ученик, и учитель.

Когда ко мне кто-то из преподавателей привел шестиклассника С., я был потрясен: мальчик показался воплощением злобы и ненависти ко всем и ко всему. Я смотрел на него, не зная, что сказать. Вдруг меня охватила жалость: я понял, что причина его озлобленности - внешняя. Что он жертва.

Я подошел вплотную к нему, посмотрел в глаза.

- С., почему ты такой злой? - спросил я. - Дома плохо? Да? Верно?

Он разрыдался.

Я с трудом его успокоил.

Вызвал родителей. Пришли: мать и отчим. Побеседовав с ними, я понял, что не ошибся. Отчима отпустил, мать оставил. Попросил рассказать подробнее, что у них дома происходит.

И узнал ужасные вещи: вот-вот могло произойти убийство.

- Вы должны выбрать: или муж, или сын, - сказал я ей убежденно. - Дальше так продолжаться не может. Знаю, что вам трудно решиться, но прошу спасти мальчика, и не только ради него самого, ведь он ваша надежда и опора в будущем. Разве не понимаете?

Она приняла решение.

Стал С. неузнаваем: чистенький, аккуратный, с сияющими глазами. Вступил в пионеры. А через несколько лет я встретил его мать в Омске. Она была светла, радостна, глаза были иные, чем в Таре. Она не могла нахвалиться сыном-электросварщиком, его заботливым отношением к ней.

Заседания ученического комитета и комитета комсомола проходили в кабинете директора. Я учил ребят готовить вопрос к рас-

стоцентный охват ... Мало этого, мы были также обязаны ликвидировать неграмотность взрослых, проживающих на микроучастке. Заставить не желающих!

Бедные учителя школьные! А ведь в селах их еще больше нагружали!

Участок был поделен и распределен между преподавателями, все ненавидели эту сторону нашей работы. Но деваться-то некуда было!

Иногда коллеги приходили заплаканные: на них награвливали собак, их выгоняли со двора, их грубо ругали некоторые родители учеников, некоторые закоренелые неграмотные.

Я жалел коллег, но требовал. так как и с меня требовали. Иногда ходил к наиболее упорным «отказникам» вместе с учителем, подчас - и повторно.

Микроучасток наш был большой, охватывал окраину Тары. Немало было семей неблагополучных.

Поэтому и охваченные нашей школой учащиеся не всегда были благополучны.

Например, однажды пришла женщина с жалобой на нашего шестиклассника: этот крепкий шестнадцатилетний парень ночью ограбил ее, снял с нее пальто. Конечно, пальто ей вернули.

Отец, вызванный в школу, при мне сердито ругал сына за то, что вопреки его поучениям потомок «связался с бабой».

Тот странно молчал, угрюмо опустив голову.

Я ясно понял, что продолжать это свидание троих нет смысла.

Бывая в Омске, я заходил на базу Главснабпроса, искал наглядные пособия для школы. Брал для этого у всех преподавателей списки пособий, в которых они нуждаются. Все деньги, отпущенные по бюджету на эти нужды, я не только тратил, но и перерасходовал. Но - не хватало.

Главное внимание я обращал на пособия по физике. Потом ушел от нас на другую работу Николай Карпович Лысенков, новый физик не нуждался в приборах. Как и ученики не нуждались в таком преподавателе.

Мы сразу же заняли это помещение и забаррикадировались в нем. Ученики были в восторге от этой акции. Я же понимал, что рисковую и своим положением директора, и пребыванием в партии, и - кто знает, чем еще ...

Меня, конечно же, вызывали наверх и потребовали срочно освободить комнату.

Я яростно доказывал, что нам позарез нужна она, эта комната, что у нас библиотека - в коридоре, что у нас нет спортзала и так далее.

И - ура! Нашлись и вверху люди, поддержавшие нас, и комната осталась за нами. С ДОСААФом кое-как удалось помириться.

Меня, правда, еще некоторое время нет-нет да и поругивали.

К лету у нас всегда уже были припасены материалы для ремонта. Мы красили парты, белили стены. Конечно, это был ремонт косметический. В капитальном ремонте здание еще не нуждалось.

Первого сентября ученики входили в обновленные классы. И в классах всю сибирскую зиму было тепло.

Добрый хозяином был Симаков! Я с великой благодарностью вспоминаю моего надежного помощника.

АВИАМОТОРИСТ, ЗАМПОЛИТ

По окончании института я все еще оставался солдатом пехоты - «годным и не обученным». А тут вдруг военкомат Тарский решил сделать меня авиамотористом.

Правда, в армию меня не взяли, а учили на месте.

Полгода вечерами я приходил в ДОСААФ и изучал там мотор самолета ПО-2. Это было без отрыва от моей работы, просто я переходил в том же здании из одного помещения в другое. Мой

КОНФЛИКТЫ

В начале первого учебного года позвонили из райкома партии и возмущенно объявили, что семиклассница А. беременна, то есть была мною плохо воспитана, за что я должен ответить по всей строгости.

Я едва не расхохотался в ответ, но все же сдержался и зло сказал райкомовцу, что девочка родила нормально, через девять месяцев после зачатия, как и положено.

- Что?! - завопил партийный чиновник, - вы спокойно говорите, что девочка родила! Вы-то сами где были?

- Я был в Омске девять месяцев назад! И я не только не работал в этой школе, но был еще студентом и не знал, что меня пришлют в Тару отвечать за беременность этой не известной мне семиклассницы. Я ее вообще в глаза не видел, так как она в школу не приходила. Еще будут вопросы?

Однажды я шел по коридору, и в меня врезался бегущий и орущий ученик П. Больно врезался. Прежде чем я понял, что произошло, я влепил ему оплеуху. А завтра пришла его бабушка, интеллигентная и светлая женщина, и сказала, что мальчик не хочет больше идти сюда и она его переводит в школу №9. Сказала, что мальчик - сирота, до того случая уважал и любил меня, а теперь не хочет даже встречаться со мной.

Я почувствовал себя негодяем. Я хотел пойти к ним домой, извиниться перед мальчиком и просить его остаться в школе. Но до того растерялся, до того был потрясен, что не смог и слова вымолвить, потерял логичность мышления.

И упустил время: попросить П. не оставлять школу я опоздал.

Много лет еще терзала меня мысль об этом моем скверном поступке. Но еще больше - о том, что не успел повиниться перед обиженным.

- Да ладно, было за что стукнуть.

А мне все равно было не по себе: Ж. оказался джентльменом, а я ...

Однажды вечером после уроков я вышел во двор и увидел, что куча мальчиков окружила сидящую на мерзлой земле К. Она встала и убежала.

Я знал, что шестнадцатилетняя К. ведет себя вольно с мужчинами, вызывал до того безрезультатно ее мать, милостивую женщину-одиночку.

- Что происходит? - изумился я. - Объясните, ребята, пожалуйста.

К. встала и убежала, не оглядываясь.

И мальчишки стали мне объяснять: К. плохая, развратная, гадкая. Они ее за это посадили в снег, чтобы наказать.

Меня охватил было гнев, но я унял его, потому что понял: надо не ругать детей, а воззвать к их добрым чувствам. И я негромко сказал:

- Дорогие мои, я вас понимаю. Но то, что вы, такие хорошие ребята, сейчас сделали, - отвратительно. Ведь она рано или поздно выйдет замуж, станет матерью и будет рожать детей. И если она сегодня простудила свои яичники, эти дети будут рождаться больными и несчастными. Они-то в чем виноваты, эти будущие дети? Вы подумали об этом?

Они молчали, я почувствовал их несогласие. И продолжил:

- У вас у всех есть матери, вы их любите. Так вот, во имя матерей ваших прошу вас так больше не делать. А эта несчастная девушка может еще исправиться, и она станет доброй матерью.

Моя взволнованная речь была выслушана молча. Ребята думали. Я ждал. Они были в пальто, я - в костюме.

- Зайдите в середину, простудитесь, - сказал один из мальчиков.

УХОД ИЗ ДИРЕКТОРОВ

Моя слабая нервная система постепенно расшатывалась. Для этого хватало причин. Среди них, несомненно, было курение (много раз пытался бросить, но еще не мог) и частые немалые выпивки (по «важным» поводам).

В конце третьего учебного года я на уроке что-то рассказывал эмоционально - и вдруг огромный гвоздь вонзился в мое сердце. Такое случилось впервые. Я замер, боялся дышать. Дети тоже замерли: они почувствовали, что происходит нечто опасное, нехорошее.

Это был приступ стенокардии. Медицинская комиссия в Омске вскоре установила: налицо неврастения, стенокардия, атеросклероз коронарных сосудов.

Рекомендовалось избегать волнений и... административных обязанностей.

В Таре - весна!

А как избежать волнений? В живой жизни это невозможно. Вот уменьшить хотя бы ... Я подал заявление об увольнении, но меня не уволили, а перевели преподавателем истории в среднюю школу номер восемь, где директором был мой друг Кафи Абдулович Иштиряков.

Прощаясь с коллективом, я увидел слезы некоторых преподавателей. Да и сам-то едва сдерживал слезы.

Стихи свои читали (в том числе и те, которые нельзя печатать).

Одно время редактором газеты был Иван Васильевич Самсонов, человек интересный, умный. Он позднее в Омске работал - и там покончил с собой. Причину я так и не узнал. Говорили, что это - от алкоголя.

Мои рассказы как правило встречали хорошо, тепло. Их печатали. Стихи мои, еще более несовершенные, чем рассказы, тоже печатали.

Рассказ «Раздумье» печатался в двух номерах «Ленинского пути». В нем было невероятное множество грамматических ошибок. Я рассердился было на газету.

Но мне пояснили, что наборщицы слезами заливались, читая его, вот потому - ошибки.

Сюжет был не нов: *молодой композитор влюбляется в девушку, она - в него, рождается дочь, которая приходит на экзамен в консерваторию - и профессор-отец узнает в абитуриентке дочь той, которую давным-давно забыл и бросил, - свою талантливую дочь, играющую перед ним свое сочинение - «Раздумье».*

Этот рассказ я послал в Омск на радио - и его передали. Он шел 27 минут как мелодекламация. В этом была заслуга редактора, милой, славной Тамары Муренец. Позднее мы с ней стали друзьями. Я до сих пор люблю ее, ее нельзя не любить, по-моему.

В Тару приезжал сибирский писатель Сергей Павлович Залыгин. Он прочитал кое-что из моих опусов, и по его просьбе меня вызвали в райком партии срочно, я помчался! Наша беседа много мне дала. Я ему благодарен по сей день за мудрую, хоть и лишь единственную беседу.

Печатали меня под псевдонимом А. Абрамов, иногда под другими псевдонимами: Игорь Немов, Ю. Васильев и т.д. Лишь

Было жаль его, а забота о безногой супруге вызывала боль в душе и некоторое подобие преклонения даже. Я задавал себе вопрос, смог ли бы и я так. И боялся отвечать на него.

Мне был близок Михаил Алексеевич Шильников, педагог и писатель, охотник и поклонник Пришвина. Он подарил мне свою книгу «Музгар», мы часто беседовали на разные темы, особенно о писательском деле. Его советы были кратки, просты и понятны, а его добрый взгляд на жизнь и на людей восхищал меня.

ДОМ УЧИТЕЛЯ

Больше всего мне нравилось в доме учителя то, что там я мог петь. Моим концертмейстером был Михаил Николаевич Зенгбуш. Я с ним познакомился в доме пионеров. Ждал директора Попкову, фронтовичку, добрую и неглупую женщину. Вдруг появился человек в стеганой куртке, кирзовых сапогах, дешевой шапке-ушанке.

- Можно поиграть на этом фортепиано? - спросил незнакомец.

Он сел за инструмент, прошелся по клавишам. Его большие пальцы каким-то чудом протискивались при игре между черными клавишами.

Музыка звучала все более громко. То были знакомые мелодии с богатым аккомпанементом. Так пришел в дом пионеров новый ссыльный, отбывший десять лет в лагере.

Концертмейстер Зенгбуш.

Его обогрели, он стал работать в доме учителя, в доме пионеров. Женат он был на колхознице, которая занималась домашним хозяйством.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

Ти-хи-е во-ды ка-ла-ла кра-сит-ве-чер-няя мгла. Жду я те-бя у при-ча-ла, не по-ки-да-я рес-ла. о Ма-ри-ан-на! О Ма-ри-ан-на! Неж-ный ча-ру-ю-щий взгляд! О Ма-ри-ан-на! О Ма-ри-ан-на! Жизнь по-свя-тить те-бе рад!

В соседнем дворе старушка, когда я на крыльце пел арии, выходила на свое крыльцо, крестилась. Оказалось, что эта бабуля считала мое пение молитвой - и откликнулась, крестясь, на нее.

Я со своими преподавателями, когда был директором школы, поставил спектакль «Крестьянин Тимофеев, или Щорс в Сибири». Сам играл офицера-наркомана, капитана Болховитинова.

В пьесе был текст двух песен, но нот не было, и я сам нахально сочинил к этим песням мелодии.

Во время спектакля произошло ЧП. Исполнитель роли генерала нарушил мое указание и выпил водки перед представлением.

После того, как он отдал приказ послать броневик, он забыл роль и через три реплики снова заорал:

- Послать броневик.

Брю-нет-ка Сю-зан-на, как э-то ни стран-но, встре-ти-ла блон-ди-на вес-ной.
Брю-нет-ка Сю-зан-на, как э-то ни стран-но, ма-лень-ко-ю ста-ла же-ной.

Александр Дмитриевич Стерженченко, преподаватель рисования и черчения, хороший педагог, прекраснейший человек и надеж-

ВЕСЕЛАЯ БЕСЕДА
С В.АНТИПОВЫМ
(ОН СПРАВА)
ОКОЛО ДЕТСКОЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ

Дочь проучилась там три года.

Ее преподавателем по классу фортепьяно была Зоя Александровна Перельгина, милая, добрая, однако требовательная. Фирочка ее любила.

Зоя часто играла ноктюрн №3 Ференца Листа - «Грезы любви». Эта музыка волновала меня необычайно, звучала в моей памяти.

Через много лет я написал стихотворение об этом.

Ида привезла домой старенькое пианино. Оно расстраивалось через день после настройки. Я в Омске поэтому купил ключи, получив ряд советов, сам, взяв «ля» по камертону, купленному где-то, часто настраивал старый рассыхающийся инструмент по кварто-квинтовому кругу.

Мне казалось, что я настраивал его верно. Что было на самом деле, никто не проверял. И еще я купил метроном. Думал, что это полезно для Фиры. Надеюсь, не ошибся.

Я брал уроки фортепьяно у Сергея Сергеевича Аксакова, который много лет жил в Шанхае, как мне помнится, был профессором консерватории, у нас же в Таре - преподавателем детской музыкальной школы.

С ним мы написали «Гимн миру», который нигде не исполнялся. Музыка мне нравилась, думаю, она была лучше текста моего. Но и то, и другое «мягко» раскритиковали: мне говорили, что музыка никуда не годится, Аксакову - что текст плохой.

вводил у себя новшества быта вроде люминесцентных ламп, мечтал о путешествиях.

Наше знакомство привело к созданию нескольких песен в Таре. Тексты были напечатаны в газете, но звучали только в нашем собственном исполнении.

Мы о многом беседовали, не всегда соглашаясь друг с другом.

С ним было легко и весело. Мы почти полностью понимали друг друга. Через некоторое время Бутюгов покинул Тару. Я слушал, не подозревая, что нам предстоит еще возобновить общение в Омске, а потом найти друг друга через много-много лет и общаться только по телефону и по почте.

МОЙ МОТОЦИКЛ

К нам в Тару приезжали мои родители. Я всегда был рад им.

Я завидовал тем, у кого были свои мотоциклы, автомобили (тогда автомобиль в семье был еще редкостью).

Даже «Запорожец» был бы мне тогда радостью, да денег не было у меня, а Ида категорически возражала против приобретения автомобиля.

И тут один приятель сказал, что его родственник продает недорого подержанный мотоцикл К-125.

Я загорелся. Тогда моя зарплата как директора составляла 820 рублей, да еще 12 часов педагогических, это - 460. Итого получалось 1280 рублей. Но я не умел экономить, на сберкнижке был вакуум, потому залез в долги и купил эту рухлядь за 1200 рублей. Зато какое удовольствие мчаться на мотоцикле, оставляя позади километры! Надо было бы сдать экзамен и получить води-

ей удавалось. Ее русский язык был почти правильный, как и у Кафи.

Русский язык в младших классах вела Наталья Михайловна Щербакова, светлейшей души человек.

Она никогда не повышала голоса, но ее любили, почитали, особенно Кафи, также ее бывший ученик.

Более шестисот наглядных таблиц по грамматике русского языка сделала замечательная женщина за годы преподавания.

Единственный сын ее погиб на фронте. Всю себя она отдавала детям.

- Когда она входит в класс, то становится светлее, - сказал мне один из ее учеников.

Помню, на мой день рождения Наталья Михайловна подарила мне книгу «Генерал Доватор». Я был приятно удивлен, но символический смысл подарка понял лишь спустя много-много лет.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Сатышев, прекрасно играл на баяне. Никто его не учил, он сам овладел инструментом. Услышав новую песню, тут же исполнял музыку. Так что музыкант у нас в классе был свой. И отличный!

Туктабика Назырова пела нежным голосом «Осенние листья» Бориса Мокроусова и Марка Лисянского.

Училась она неплохо. Старалась.

Но однажды на моем уроке уснула. Я рассердился было, но дети мне сказали, что она больна.

Да, бедная Туктабика, такая тоненькая, такая нежная, была больна неизлечимо. Вскоре она ушла навсегда.

Тара, Омская область. 50-е годы прошлого века

А я и сейчас иногда слышу ее:

*Осенние листья
шумят и шумят в саду,
Знакомой тропкою
я рядом с тобой иду.*

В эти дни Тарский райвоенкомат получил по разнарядке одно место в Военно-политической академии. И решено было направить меня. Я не колебался: открывается, возможно, блестящая карьера, в себе я был уверен! Но медицинская комиссия на сей раз меня разоблачила.

И не только не отправили в академию, а сняли вообще с воинского учета ...

Райком партии был категорически против моего отъезда, но не потому что я нужный педагог. Секретарь райкома, Николай Иванович Попов, человек неплохой, даже добрый и свойский, цинично и прямо заявлял:

- Я бы тебя отпустил, историка мы найдем, но нам, понимаешь, нужна твоя жена, она хороший рентгенолог. Заведует отделением. Ты как коммунист должен это понять.

Я понял по-своему: не отпускают - уеду, пойду рабочим на завод, пойду в дворники. Пусть исключают из партии. Пусть лишают диплома.

Я честно отработал шесть лет в глуши вместо трех положенных. Два срока. Нужна вам моя жена? Ее и держите, без меня, прикрепленного к ней коммуниста.

Были и другие причины уехать, но главными были развитие дочери, профессиональный рост Иды и творческий рост мой.

Первого секретаря Попова не было, когда я пришел снова в райком. Федор Антонович Булавко, второй секретарь, выслушал мои доводы, помолчал - и вдруг сказал:

- Не знаю, сумеешь ли ты стать настоящим писателем, но не хочу губить такую возможность. Возьму грех на себя, сниму тебя с партийного учета. Чтоб не проклинал ты меня. Успеха тебе!

Он протянул мне единственную руку (вторую потерял на фронте), я крепко пожал ее. До того у меня с Булавко не было серьезных контактов ни по каким вопросам, я даже считал его бо-

A grayscale photograph of a construction site. In the background, several large tower cranes are visible against a light sky. In the foreground, the silhouettes of two construction workers wearing hard hats are shown. One worker is pointing towards the right. A white arrow-shaped sign is superimposed over the scene, pointing to the right. The sign contains the text 'Строительно-монтажный трест №49'. At the bottom of the image, there is a black horizontal bar with white text.

Строительно-
-монтажный
трест №49

**В ТРЕСТЕ
НЕ НА МЕСТЕ**

Возникли трудности с пропиской, так как обкомовский инструктор, здоровенный мужик, холеный, лысый, самодовольный, сказал мне:

- А зачем ты, собственно, приехал? Чем тебе плохо было в Таре? Нам нужны кадры на селе. Поезжай обратно.

Я был ошарашен. Раздавлен. Уничтожен. Пошел уныло в райком партии, в городской отдел милиции и - чудо! - попадал на прием к людям, знавшим меня еще по Таре. Конечно, вопросы решались быстро, дружественно. Я снова ожил, я расцвел!

Я стал в тресте на партийный учет, познакомился с секретарем партийной организации, с председателем стройкома и другими ответственными лицами предприятия.

Управляющему трестом, Борису Сергеевичу Белову, Вербов представил меня сам. Его внутренний трепет передался в какой-то степени и мне. Белов был фронтовик, у него в позвоночнике сидела пуля, поэтому иногда его мучила боль. Он был человек весьма интеллигентный, хотя и крутой как руководитель.

На оперативные совещания в кабинет к Белову ходил сам Вербов. После этого он был в курсе дел на стройплощадках и давал мне задания.

Пояснил: мы орган партийной и профсоюзной организаций, а также администрации, поэтому не имеем права их критиковать. Но личность - любую, конкретную, можно подвергать критике (кроме Белова, - понял я не сказанное). Также мы не вправе критиковать кого-то вне треста, это - дело областной и в общесоюзной печати.

Строительно-монтажный трест №49 сооружал цеха и прочие помещения военных авиационных заводов, шинного завода и кордной фабрики, здания общежитий, многоквартирные дома, кирпичный и сажевый заводы.

Было интересно, было трудно, было страшновато.

Оставшись за редактора и посещая оперативные совещания у управляющего трестом, я огонь критики обрушивал в газете на всех виновных, невзирая на лица. В том числе и на самого управляющего, и на парторга, и на председателя стройкома.

Председатель стройкома был неплохой человек, из рабочих. Но он, конечно, стоял по стойке смирно перед управляющим и парторгом. Реакции парторга и управляющего на мою критику я так и не узнал.

У меня появились приятели среди передовых рабочих и бригадиров. Это радовало, ибо искренне восхищался строителями.

Меня, казалось, побаивались некоторые руководители: я мог выдать сатирическое четверостишие или двустишие, тиснув к этому тексту клише некоего крокодилистого рисунка (мы получали таковые по подписке). Например, когда один руководитель, не имея транспорта, нанял такси на месяц и ездил на нем по объектам вплоть до бухгалтерской ревизии, я к рисунку написал:

*«Поругают меня,
Да небось не повесят!»
И такси он нанял -
Не на час, а на месяц.*

Экскаваторщик Алексей Степанович Лазуткин был Герой социалистического труда. Я любовался его работой прежде, чем подойти к нему и взять интервью. Это был, как говорят рабочие, артист.

Мы не раз еще встречались с Лазуткиным. Был я и дома у него.

Удивил меня Борис (Берко Шмулевич) Цемент, бригадир каменщиков. Я пришел на объект, дождался обеденного перерыва, разговаривал с Борисом, с членами его бригады.

Однажды я прибыл на объект, где никого не было в недостроенном корпусе, и пошел по верхнему этажу, записывая в блокнот свои мысли. Вдруг я остановился, как будто кто-то сзади окликнул меня или даже взял за шиворот. Я хотел было оглянуться, но увидел нечто страшное: я стоял перед шахтой лифта, у самого края глубокого провала.

Провал был высотой, как потом я узнал, около сорока метров. Еще один шаг - и я совершил бы свободный полет с летальным исходом. До сих пор помню прямоугольный зев, который едва не поглотил меня.

Почему я не прошел в тресте инструктаж по технике безопасности? Это же первое, что должны были обеспечить мой редактор или отдел кадров при приеме на должность.

Второй случай послужил мне уроком и укором.

Я прибыл на стройплощадку, где штукатурили снаружи здание пятисотместного общежития, чтобы написать хвалебный очерк о бригаде.

Бригада коммунистического труда славилась в тресте. Я взял ряд интервью и выдал хвалебную статью.

Через пару дней меня встретил пожилой инженер Александр Ефимович Ишмаев, тесть Владимира, брата моей жены. Я не раз бывал в гостях у этого хлебосола, писавшего стихи и читавшего их в своем кругу.

- Саша, что это ты написал такое про бригаду Дудолодовой?

- Вам не понравилось? - удивился я искренне.

- Ты же хвалишь бракоделов, дорогой мой. Как тебе не стыдно? Ты пишешь, что они выполняют норму на двести процентов.

- А разве не так? Я смотрел документы.

твах нового метода, кратко изложив его, завершала статью sacramентальным открытием: «... после чего грунт укладывают в траншею».

Спрашивается, зачем грунт вынимали? Чтобы снова уложить обратно?...

ИНЖЕНЕР В УПРАВЛЕНИИ

НЕОЖИДАННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Вербов ко мне относился хорошо поначалу. Но постепенно отношения стали напрягаться. Началось с того, что он не разрешил мне совмещать работу в газете с преподаванием в школе рабочей молодежи, и я терял педагогический стаж. Я пояснял, что буду работать там только вечером - и не каждый день. Нет - и все!

Потом начались разногласия по его правке моих материалов, которую вначале я терпел, доверяя его опыту. Потом прибавилось многое другое. Надо было, видно, мне расстаться с редактором еще раньше.

Кажется, это произошло после перехода треста на семичасовой рабочий день, когда меня взял к себе Ишмаев.

Инженер по труду, Александр Ефимович Ишмаев, человек старой закалки, был труженик честный, человек добрый и веселый.

Я начал работу.

Вышел покурить (Ишмаев не курил). Вернулся. Он тихо, но твердо предложил мне курить (и выходить из отдела) пореже.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Мой управляющий высоко ценил меня. Сам же я считал и считаю, что был пятым колесом в этой строительной Телеге.

Не на месте был я в тресте.

На оперативных совещаниях Степанец грозно ругал виновных в отставании от сроков или в браке. Все отчитываемые по стойке смиренно слушали. Но однажды вместо одного из начальников УНР пришел его главный инженер. Молодой красивый еврей. Когда на него, как и на всех, накинулся Степанец, тот сердито огрызнулся.

Мои родители на фоне развалюхи.1958 год

- Не орите на меня, я этого не люблю.

Управляющий опешил.

- А как вы любите? - спросил он довольно тихо.

- Я люблю, когда со мной говорят уважительно и спокойно.

Если я в чем-то виноват, я всегда готов признать это и исправить положение или понести наказание.

Тут пришел в трест новый парторг Петр Кононович Ситников. Он был инвалид войны, ходил с палочкой. У него были крупные черты лица, хотя сам он был чуть ниже среднего роста и далеко не плотного телосложения.

Голос же его был сильный и низкий, мужественный.

Он почему-то полюбил меня, верил в меня, мы обсуждали дела треста, говорили о внутренней и внешней политике родной партии. При этом Ситников обнаружил полное неприятие существующей в СССР экономической ситуации. Да и социализма в существующей форме - тоже. Рассуждал он здраво, честно и четко, обнаруживая серьезное знание работ и классиков марксизма, и иных социологов и экономистов.

Я гордился его доверием, уважал его беспредельно и сам тоже высказывался в беседах с ним вполне честно.

Ситников заинтересовался моим материальным положением и даже побывал в развалюхе, где я жил. Он был потрясен. Сказал, что Вербов не проталкивал активно вопрос о моем жилье перед руководством треста, но он, Ситников, обязательно это сделает. Расспросил меня об истории моего жилья в Таре и Омске.

Я рассказал всю правду: как, направленный директорствовать после института, не получил жилья в Таре, как ютился в классе школы до начала учебного года, потом - у подруги Иды, потом жил в жуткой хибарке пенсионерки Ушаровой, и как мы поэтому купили через год полдома; как приехали в Омск и стали практически нищими, продав хорошую половину дома там и купив намного дороже полдома-развалюху здесь.

Признался, что взяли займы деньги у моих родителей, при этом оформив площадь не на себя, а на них (и мерзко лишив их этим права на ведомственную квартиру, как стало ясно вскоре).

Все рассказал, как на исповеди. С горькой улыбкой.

дало Роману всю квартиру. Стыдно, что меня вселяют рядом с тружеником-строителем в большую благоустроенную комнату в центре города, оставляя их, четырех взрослых людей, - в малой.

Дискриминация по отношению к рабочему была явная.

Я был прав.

Потому что был уверен в том, что буду бороться за отдельную квартиру.

Была надежда на чудо: сумею осуществить ремонт родительской развалюхи, она станет удобной и теплой, со всеми удобствами - и мы с родителями там дружно жить будем.

Но мои родители не хотели больше и слышать о хижине, когда мы поселились на улице Карла Маркса, мы ее продали и вернули им долг.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ КОМАНДИРОВКИ

Однажды ночью в окно развалюхи, когда мы из нее еще не переехали, постучали. Повестка.

В военкомате сказали, что собирается полк ПВО для противоатомных учений, мне дают двадцать солдат для прибытия на место маневров. Мы сели в поезд, доехали до станции и оттуда строем пошли пешком. Наш марш-бросок происходил при свете дня, женщины с тревогой смотрели на нас, спрашивали, не война ли началась.

Поразительно то, что несколько человек оказались даже с ножными протезами. Каков был марш-бросок для них-то?!

Когда мы прибыли, наконец, ночью на место, там была неразбериха. Я растерял свою двадцатку, прошел к какому-то пункту, назвал фамилию и получил солдатское (не офицерское) обмундирование. Не вдаваясь ни в какие выяснения, я взял вещи,

- Помочь? - спросил я сочувственно.
- Ты умеешь интерполировать? - удивился майор.
- Полагаю, что умею.

Потом он меня еще не раз звал на помощь. И я проводил в штабе немало времени, не раскрывая своего офицерского звания.

В нашей медсанроте было несколько работников треста, в основном, женщины. Мы, строители, сфотографировались отдельно. И фотография эта у меня сохранилась.

Одним из сфотографировавшихся был наш главный пожарник, мы с ним подружились. У него была в запасе профессия печника, и он предлагал мне пойти вместе в отпуск и класть печи на селе. Обещал большой заработок. Я рванулся было согласиться, но отказался, так как вспомнил о том, что здоровье мое не позволит мне трудиться без режима.

А очень хотелось мне и подзаработать, и получить дополнительную профессию.

Сколько я мог бы сделать, если бы не мои сосуды варикозные и кишка-насмешница! От скольких перспектив приходилось отказываться! Я до сих пор жалею о том, что не согласился. Пусть бы было трудно, зато печки клал бы!

И себе, и людям! Рукомесло как-никак ...

Хоть я и восхищался Степанцом, но работа на трех должностях, чувство собственной неполноценности (я не строитель) заставили меня подать заявление об увольнении.

Степанец даже слышать не хотел об этом.

А Ситников позвал меня в партком и предложил должность директора совхоза (он получил разнарядку из обкома партии).

- Подумай сам, - убеждал парторг, - будет четыреста рублей оклад, а не сто тридцать, будут премии, большой дом, возможность роста. Машина будет. Агротехника - дело нехитрое, освоишь.

- Хорошо, я посоветуюсь с женой.

Возможно, я бы поехал. Но Ида категорически возражала. Родители мои - тоже. Не верили, что я выдержу.

И не стал я директором совхоза. А надо было рискнуть! Поблагодарив Петра Кононовича за доверие, я сообщил ему о решении семейного совета. Он засмеялся и сказал, что на нет и суда нет. После этого тема была закрыта.

И тут же меня командировали в один район как представителя совнархоза на стройку важного объекта. Строил объект трест №2, наш соперник.

На месте я сразу обошел территорию, никто меня не спросил, кто я, откуда и что тут делаю. Затем я пошел в прорабскую, предъявил командировочное удостоверение и попросил чертежи.

Алексей Владимирович и Нина
Давыдовна Шапошниковы

Мне дали комплект, я посмотрел. Посмотрел план работ и выполнение. И увидел, что стройка отстает от плана.

Строители объясняли ситуацию, стараясь по привычке свалить вину на поставщиков, субподрядчиков, выгораживая себя самих. По опыту я знал, что они на шестьдесят процентов и даже более правы.

Но я упорно настаивал на том, что строители и сами мало проявляют настойчивости, дипломатии и прочего «искусства» в отношении поставщиков и субподрядчиков, слабо используют прессу. Наконец, нашли компромиссное решение для выработки плана их дальнейших действий.

Я набросал проект докладной записки в совнархоз и счел своим долгом ознакомить прораба с текстом. Он не со всем написанным был согласен, но мы простились дружественно. Стройка зашевелилась более энергично, но не знаю, какова была в этом моя роль.

Вторая командировка была прекрасным событием.

Надо было отправить кого-то на ВДНХ: там была выставка нового в строительстве. Отправили меня, так как мое отсутствие никак не сказалось бы на выполнении плана.

Со мной вместе в номере гостиницы оказались славные люди: Юрий Глебов, впоследствии управляющий стройтрестом №1, строившим большую химию в районе Захламино; Миро-

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

тами, я же - нет. И подхватил гайморит. Дышать становилось все труднее, не помогали уже никакие лекарства и ингаляторы. Я не мог дышать носом, спать не мог ночью.

Меня усадили в кресло и петлей начали вырывать полипы из носовых пазух. Боль я еще кое-как терпел. А вот захлебываться кровью и дышать при этом было трудновато. Кровь и в трахею попадала, и из носу текла Волгой, и глотал я ее грустно. Сказал врачу (между петлями), что тяжело мне.

- Потерпи, миленький, еще немного, - сказала она ласково и сочувственно.

Я удивился этому тону. И согрелся душевно. И терпел.

Вторая болезнь получена мною была на воскреснике. Ленинский воскресник был тяжелым. Разбирали каменную кучу. Я, геройствуя, поднял камень весом не менее трех пудов и понес его. А вечером увидел, что в правом паху у меня выпирает нечто новое.

- Грыжа? - спросил я у Иды.

- Она, - ответила жена спокойно.

Пошел к Андрееву, приятелю. Он был интеллигентный человек, знаток русской литературы, великолепно играл на гитаре. И хирургом был отличным. Его хирургия была расположена в одноэтажном домишке в Ленинском районе города Омска. Но в этом незавидном здании Евгений творил чудеса.

Он охотно согласился вырезать мне грыжу. Теперь я уже

Михаил Сиренко, мой добрый друг

УПРЯМОЕ УВОЛЬНЕНИЕ

Мое заявление об увольнении, к моему удивлению, повергло Степанца в шок. Он ни за что не соглашался меня уволить.

Просил райком партии не снимать меня с учета. Ситников же побеседовал со мной и согласился, что меня просто эксплуатируют. Как раба.

Меня позвала к телефону секретарь Степанца.

- Саша, говорит Сиренко. Зайди ко мне домой сегодня вечером.

Михаил Сиренко, председатель Октябрьского райисполкома города Омска, был личностью значительной.

На территории района располагались мощные оборонные предприятия, проживала почти треть населения города. Я его знал, он был женат на Рае Якуб, моей однокурснице.

Когда мы познакомились, он преподавал философию в одном из вузов Омска. Именно он впервые дал мне почитать «Москву 1937 года» Лиона Фейхтвангера. Миша еще раз повторил, что я должен обязательно зайти, дело важное. Речь пойдет о моем увольнении.

Вечером, когда я пришел, в квартире были Сиренко и Парашенко, секретарь Октябрьского райкома партии, окончивший наш факультет несколько раньше меня.

На столе была водка, закуска - тоже. Встретили меня весело.

- Так ты решил бросить Степанца? - спросили меня руководители района после очередной рюмки.

Я ответил положительно. Пояснил, почему.

- Ладно, мы тебя держать в тресте не будем, но ты должен остаться в районе. Хочешь быть директором школы?

- Нет.

- Директором музыкальной школы?

- Я не музыкант.

- Это не важно. Тогда, может быть, пойдешь директором дворца культуры?

**ПОБЫВАЛ И Я
ЧИНОВНИКОМ**

Они меня сразу же приняли в свой коллектив. Мы все стали друзьями. Возможно, в силу нашей малой заработной платы.

Что касается памятников культуры, то это были и курганы древние, и гипсовые *девушки с веслом*, и здания, имеющие художественную и/или историческую ценность.

БОРЬБА С НЕПОНЯТНЫМ СОПРОТИВЛЕНИЕМ

Сразу же я столкнулся с непонятым (с точки зрения логики и патриотизма) сопротивлением местного районного руководства при любой нашей попытке открыть в районе музыкальную или художественную школу. На 37 тогдашних районов области музыкальные школы были только в четырех райцентрах. Художественная - всего одна (даже не школа, а студия). В самом городе Омске были четыре музыкальные школы - и ни одной художественной. Уму непостижимо!

За два года работы мне удалось, ломая сопротивление разных руководящих товарищей, открыть до десятка музыкальных школ в области, три - в самом Омске, две художественные школы: в самом Омске и в городе Исиль-Куле.

Сопротивление в открытии художественной школы в Омске оказывала заведующая городским отделом культуры.

Сначала она говорила, что нет помещения - мы нашли для «зацепки» классную комнату в одной из школ. Потом она утверждала, что не может найти директора - мы ей нашли его, но она все еще упиралась. Удалось в конечном итоге открыть школу. На Иртышской набережной, в классе общеобразовательной школы.

Директором этой школы после того, как ушел наш первопроходец, фактически решивший судьбу рождения школы, стал художник И. Санин. Он сумел поставить дело так, что школа стала расти и процветать.

Но чем я, мелкий чиновник, мог в те дни помочь ему? Ну, добился я превращения его студии в государственную детскую художественную школу. А его я был обязан представить Академии Наук СССР! Но я не имел доступа туда даже в пределах вестибюля. И все же моя совесть мне подсказывает, что я должен был стучаться во все двери, кричать об этом человеке. Возможно, какая-то дверь и открылась бы своевременно.

Потом он занялся изготовлением дивных муляжей местных насекомых с многократным увеличением для краеведческого музея. Еще позже Гребенников добился многого. О его открытиях и изобретениях я читал в Интернете.

И о его трагической биографии.

Однажды, придя на работу, я увидел посетителя с мальчиком лет пяти.

Мальчик обладал абсолютным слухом и играл отлично по слуху на баяне, который почти полностью его закрывал от слушателя. Отец просил принять ребенка в музыкальную школу-интернат, но у нас в Омске такой школы просто не было.

Да и открыть такую школу можно было бы только при поддержке сверху, а там - больше о поддержке футбола думали, и вообще - о спорте.

Может быть, это и было правильно, но я-то болел за свое дело.

Постучав в несколько дверей, я понял, что ничем не могу помочь ребенку, и предложил отцу переехать в город Омск, чтобы мальчик учился в музыкальной школе при училище имени Шебалина.

Обещал в этом случае всестороннюю поддержку с моей стороны.

Но отец, не помню уже по каким причинам, не мог переехать, возможно, что тому были у него веские причины.

О дальнейшей судьбе одаренного ребенка я ничего не знаю.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

В первом ряду: мама Иды Мария Григорьевна Фориико
моя мама. Во втором - тетя Лия, Белочка Гоник, мой отец,
Фирочка и Ида. Омск, начало 60-х годов 20 века

Второе письмо прислали Онсовы, сразу три преподавателя, две скрипачки и одна - композитор, как и Трубин. Переписка шла активно. Естественно, я заботился о том, чтобы им дали жилье сразу. Работой же они были в училище нагружены хорошо.

Они жили в одном подъезде с нами (о получении квартиры я расскажу чуть ниже).

Я бывал у них в гостях. Бабуля, приехавшая с ними, вспоминала, как аккомпанировала Шаляпину, как ехали они на тройке, и как пел Шаляпин прямо там, в экипаже.

Младшая Онсова, Римма, имела другую фамилию.

Ее специальностью была история и теория музыки, она была и композитор, как я уже сказал. Помню, когда Онсовы приехали, в зале филармонии мы однажды встретились. Я был тогда весьма навеселе, поэтому, когда Римма музицировала и импровизирова-

Я видел и ее недостатки, но она была мне мила почти детской непосредственностью, доброй открытостью, своей способностью восхищаться другими людьми, даже критикуя их.

Когда я пришел к Петру Федоровичу Попову для утверждения плана проведения конференции, он мотреть его не стал. Сказал:

- Александр Абрамович, ты не дурнее меня, я тебе доверяю полностью. Делай, как считаешь нужным.

Я был слегка разочарован и в то же время весьма польщен.

Я не любил проверять кого бы то ни было, потому что нежно любил музыкантов и не хотел ни в ком из них разочаровываться. Но приходилось.

Одной пианистке я при проверке советовал учиться у талантливого и опытнейшего педагога Нелли Николаевны Нагибиной, которую уважал безмерно. Пианистка согласилась, побывала на уроках Нагибиной. И ...

- Я делаю то же самое, что и она, - заявила женщина, посетив пару уроков выдающегося педагога.

- Ну, если вы **не увидели разницы**, то больше говорить не о чем, - ответил я ей огорченно.

Летом была командировка в Новосибирск на конференцию. Поехали директора и завучи музыкальных школ. Возглавил делегацию я.

И чувствовал дискомфорт: я же не музыкант, хоть и пою неплохо.

Конференция была при консерватории. Я получил полезные знания, которыми никогда не пришлось пользоваться.

В частности, придя на секцию преподавателей по классу скрипки, я получил понятие о штрихах мартле, деташе и разных технических тонкостях игры на скрипке. Мне запомнился умный

ный, бывший директор краеведческого музея. Но нигде не было ни средств, ни работников в необходимом количестве.

Подчас поступали с мест тревожные сигналы о том, что колхозом или злоумышленниками разрыт курган, имеющий ценность археологическую и историческую. Поздно было принимать какие-то меры после этого сигнала: черное дело свершилось, преступники не обнаружены ...

Иногда надо было выехать на открытие монумента, памятника герою Гражданской или Великой Отечественной войны. Это был праздник!

Открывали памятник в одном из районов. Были представители прессы, воины-ветераны. После церемонии открытия все пили водку и закусывали жареными кроликами. Я тоже крепко выпил, много съел крольчатины и чувствовал себя превосходно.

В подпитии один из присутствующих выложил частушку:

Спутник, спутник величавый!

Ты летишь среди небес,

Ты летишь и прославляешь

Мать твою, КПСС ...

В это время я познакомился со скульптором-монументалистом Федором Дмитриевичем Бугаенко, с которым мы подружились крепко.

Он был умный, смелый, активный, веселый. Он возглавил местное отделение Союза художников СССР. И был там на своем месте.

Приходилось менять и некоторые надписи на памятниках: обком нашел их устаревшими, не соответствующими новым подходам. Тут я работал вместе с работником обкома партии, моим хорошим товарищем Григорием Гриценко, с ним я был знаком со времен техникума и нашего общего участия в тамошней художественной самодеятельности.

Я попросил дать мне подумать и пошел к Попову посоветоваться.

Он же, оказывается, прочил на этот пост своего друга и моего однокашника, Юрия Калиновского, и услышав от меня о предложении Чистякова, побледнел. Мне это было неприятно, и я ему прямо сказал, что знаю его позицию и понимаю его состояние. Он попытался пояснить, что и к Юрию, и ко мне относится одинаково («как к пальцам на одной руке»). Я от поста отказался.

А Юрий, став директором, по-дружески изгнал меня из техникума, где я в течение ряда лет успешно преподавал по совместительству предмет «Клубное дело», раз в неделю один семестр одному курсу.

Я не расстроился: невелика потеря. Но было противно видеть, как, объявляя об отставке («по решению коллектива» ...), Юрий лучится удовольствием. Почему? Вроде бы как бы друзьями были мы с ним.

И честно признаюсь, родилось желание изгнать его с этого поста; если бы поднапрягся, я сделал бы это.

Да, достаточно было бы одной рядовой проверки работы техникума, которую я знал изнутри. Ведь я знал и роль директора, который в свое рабочее время ежедневно часами занимался домашним хозяйством.

Но не захотелось мне тратить духовные силы и драгоценное время на мелкую месть мелкодушному «другу».

Просто противен стал мне он.

К тому времени построили огромный дом на улице Масленникова у самого Иртыша. Много квартир здесь получило управление культуры. Мы снова были соперники с Калиновским, да и не только с ним.

Взбегали вверх по лестнице, подчас через ступеньку. А уж вниз и подавно.

Наше новоселье было прекрасным.

Мы, правда, его не сразу справили, так как надо было все купить и приготовить: хороший коньяк, ром, шампанское, закуску разнообразную. Почти год на это ушел.

И вот, наконец, собрались: Павел Гусев, директор музыкального училища, со своей женой, талантливой Мэри, мой давний друг Владимир Юргенсон со своей милой супругой Людмилой Винклер, еще один друг мой Григорий Гончаров со своей очаровательной половиной, другие гости. Конечно, не обошлось без подарков от них, за которые мы с Идой были долго-долго благодарны, словно вчера их получили: до того все подарки сгодились в быту.

Пили-ели, пели, танцевали, рассказывали анекдоты, играли на фортепьяно далеко не классические произведения. Кое-что записали на магнитофон, который я привез из Тары еще.

Здесь я впервые услышал песни Булата Окуджавы. Это было необычно, это было волнующе, это было так не похоже на всю официально лелеемую песенную массу. Песенка веселого солдата (якобы американского) была явно от лица солдата вообще, в том числе и советского (и от лица самого барда):

А если что не так - не наше дело:

Как говорится, родина велела!

Как славно быть ни в чем не виноватым,

Совсем простым солдатом, солдатом.

Я понял, что погруженный в работу свою, отстал от духовной жизни моих друзей. И после новоселья начал спорадически, рывками, пытаться наверстать упущенное.

Я слушал песни Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого - таких разных и таких близких душе советского интеллигента.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Я узнал, что Самуил - крупный ученый, преподававший в вузах Москвы. Я узнал, что старший сын его, офицер, погиб на фронте, а младший, Моисей (Моше, Миша) - совершал рейды в тыл врага во главе диверсионной группы резерва Главного командования.

Когда я с дочерью гостил у Жидовецких, мы хорошо выпили, Моше усадил всех нас в огромный черный автомобиль с открытым верхом и мы поехали смотреть вечернюю Москву. Я встал, когда подъезжали к Красной площади, и начал петь арии из опер, которым меня научил маэстро Михаил Николаевич Зенгбуш в Таре.

Потом Жидовецкий рассказывал:

- За нами ехали автомобили, люди на площади аплодировали.

Я ничего не помнил, так как был в сильнейшем опьянении.

**ЛЕКТОР ОБКОМА
КПСС**

сельские командировки намного меньше, чем за городские в том же районе.

Для подготовки лекций нам давали в обкоме партии тексты, которые можно было варьировать в деталях, читая свежие газеты «Правду» и «Известия». Иногда давали мне прочитать секретные бюллетени, которые до рядовых коммунистов, разумеется, не доходили.

Кроме того, я время от времени слушал «голоса из-за бугра», получая дополнительную информацию. Мой старенький радиоприемник то и дело чудом отстраивался от станции глушения - и нам с отцом удавалось услышать клевету, которую посылают в эфир лживые империалисты.

Возникали и собственные соображения, некоторые из них я даже озвучивал в своих лекциях. Текст, полученный в обкоме, как правило, я подкладывал под листик, где у меня был план изложения и указания на страницы, где обозначены места цитат, цифр, трудные имена зарубежных деятелей и тому подобное.

Постепенно я выучивал собственный текст, и на десятый, последний, день командировки никуда уже не заглядывал.

Много разных случаев было в командировках, кое-какие из них запомнились.

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ. В «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ» СОВХОЗЕ

Однажды в совхозе на юге области директора не было, меня принял и поставил к себе на квартиру парторг по фамилии Баглай. Это был простой и душевный человек. Он гостеприимно расположил меня в своем доме.

Что поразило в этом совхозе? В немецком отделении, где жил и заместитель директора по фамилии Руди, была чистота, земля во дворах семейных была покрыта дощатым полом, сверху двор защищался от непогоды - крышей.

вместо землянок, а не ждать целых два года, ведь они не один год строили, строили и строили, их опыт вам пригодился бы.

Я сочувственно советовал перенять опыт соседей, но в то же время поразился: почему не помогали два года детям степей?

- Соберитесь с силами - и сами себя выручайте, насколько это возможно, - сказал в заключение.

А сам думал: какую огромную роль играют традиции народов!

Казахи, дети степей, жили по-своему и были довольны, пока их не включили в совхоз.

Русские люди не имеют тех традиций, которые предки обрусевших немцев привезли из западноевропейских земель ...

И думалось: если во главе казахского коллектива поставить немца, сумел бы он подвигнуть вольных степняков на создание домов и дворов, подобных немецким домам этого совхоза?

И еще одно вгрызлось в мыслительную систему. сверлило: как же могло случиться, что такой славный народ немецкий поддался нацизму?...

Потом Баглай предложил мне прочитать лекцию для рабочих, присланных на работу из Омска. Я не смог отказаться, хоть и устал изрядно. Вечером я прибыл к ним. В избе было человек пятнадцать. Я рассказал о международном положении. Пошли вопросы. Я старался отвечать честно, подчас идя по острой грани. Беседа затянулась.

Им я понравился, и они предложили выпить с ними. Я начал было отказываться, завтра утром рано мне уезжать, но они начали обижаться.

Мне стало стыдно, эти люди не заслуживали обиды. Опрокинув стакан сивухи, закусил луковицей (больше ничего не было там ...), при этом чуть не вырвало меня.

Но превозмог это дело. Опьянел - и легче стало.

Дорогу рассказали. Однако одного отправили. А коня, мол, потом им вернуть.

Сел я в сани, дрожу от холода. Понял, что не дело это. Взял вожжи в руки и пошел рядом с санями. А снег в поле чистый, как душа младенца. Блестит, слепит. Ветерок продувает меня, шутит, посмеивается.

Я то бегу, то иду тяжелым шагом. Конь-то умный, он все понимает, откликается. Через три часа прибыл я на место. Там меня встретили, как родного. Накормили, напоили, у печи усадили. Я вздремнул немного. Вечером прочитал лекцию, ответил на вопросы и сразу же спрашиваю:

- Ночевать-то где буду?

- У меня, - отвечает бригадир.

Спал я в теплой крестовой избе сном праведника после лекции. Коня пообещали передать тем холодоморникам. А меня доставили в кабине грузовика в районный аэропорт-малютку.

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ. ВЕРЕЩАГА

А то еще был случай, смешной и ужасный.

Приехал в колхоз, встретили тепло, даже горячо. Налили стакан водки самогонной, на закуску верещагу подали из десяти яиц на сале, к ней - огурчики, груздочки и прочее. Выпил я залпом самогон-первач, едва не задохнулся.

Ну и верещагу всю слопал. С соленьями хорошо она пошла.

И потопал я читать лекцию, не помня ни текста, ни своего имени. Но все были довольны. Хвалили меня. Спать уложили в кровать, укрыли одеялом пуховым. Славные люди!

Спал я ночью крепко, а утром собрался попить чаю горячего и поехать дальше.

- Нет, - говорят, - это не дело. Сперва опохмелись, позавтракай, мороз ведь.

В одном из колхозов я спросил председателя, применяют ли они снеговую воду для поения свиней. Мне было известно, что это дает до десяти процентов привеса при прочих равных условиях. Он удивился и засомневался. Тогда я пояснил, что этот метод узнал из журнала «Техника-молодежи». Тут же был вызван зоотехник.

На вопрос начальника, знает ли он о методе поения свиней снег-водой, тот ответил утвердительно.

Председатель возмутился.

- Почему же мы не применяем? Почему я об этом не знаю? Почему от городского жителя узнал об этом?

Мне стало жаль зоотехника, я даже пожалел о том, что заговорил о снеговой воде. Ведь председатель и сам мог бы интересоваться такими вопросами. Больше нигде я о снеговой воде не заговаривал.

СЛУЧАЙ ПЯТЫЙ. МЕСТНЫЙ КУЛИБИН

Я прилетел в большой колхоз весной. Была распутица, от аэродрома, расположенного около районного центра, мне удалось добраться на мощном «Виллисе». По дороге хозяева автомобиля увидели уток и стали по ним стрелять. Предложили и мне.

Я стрелял неплохо, в тире подчас даже удивлял работника, но утку почему-то не смог убить, жалость охватила. Чтоб не обидеть охотников, выстрелил, как бы промахнувшись.

Об этом случае вспомнил, когда был на спектакле «Утиная охота».

В колхозе в тот раз мне не очень-то и обрадовались, уже было не до лекций, готовились во всю к посевной. Но тем не менее лекция состоялась. Я ее провел неплохо, народ был доволен, и после лекции меня пригласили поужинать, заранее решив вопрос о ночлеге.

Он подумал чуток - и вот уже решение: старый списанный комбайн еще не успели ни сдать, ни разворовать, за полдня умелец использовал бункер и шнек, откорректировал скорость работы, смастерил дозатор подачи протравы в бункер соответственно загрузке зерна - и пошла работа на славу.

- Получилось. Протравили семена вовремя. Успели! - сказал мастер, похлопывая по этому агрегату ладонью.

Может быть, я не совсем точно передал суть его рационализации, но то, что он, окончивший шесть классов школы, нашел решение быстро и воплотил его в жизнь своими руками - вот что поразительно.

Я был восхищен. Я написал в Обком партии докладную об умельце, изобретения и опыт которого следует использовать для блага всей области, а то и шире.

Теперь, спустя годы и годы, я не уверен в том, что хоть один чиновник заглянул в мои каракули. А я ведь тогда верил и надеялся, что помогу своим отчетом и талантливому мастеру, и всем селянам области.

В газету я из-за перегрузки работой тогда не написал статью, веря в обкомовскую совесть, - и это моя ошибка, если не преступление. Писал же я рассказы и стихи, писал статьи! Почему статью полезную не написать было?

СЛУЧАЙ ШЕСТОЙ. ЛЕКЦИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Когда меня пригласили в Университет марксизма-ленинизма прочитать лекцию на тему «Категории марксистско-ленинской эстетики», я был поражен: есть несколько вузов, там преподают эстетику люди с ученой степенью, а тут вдруг приглашают меня. Да еще на такую не простую тему!

тегории возвышенного и низменного только как категории эстетико-этические (на стыке) в сознании личности и общества. При этом опять же категории относительные (разные и даже во многом противоположные в разных философских и религиозных системах).

Только *трагическое и комическое* казались понятиями ясными, близкими к сущности человека. Здесь я как бы твердо стоял на *подиуме*.

Войдя в аудиторию, я увидел глаза слушателей: умные, усталые, интеллигентные. Лекцию прочел, уложившись в отведенное время, ответил, как мог, на заданные вопросы. Дал список рекомендуемой литературы.

Кое-кто и на перемене продолжал интересоваться темой. Я не скрывал своих сомнений, отвечая на вопросы слушателей.

В итоге остался недоволен собой. Мне не понравилось ни как я читал, ни как отвечал на вопросы. Правда, мне потом сказали, что хулу в мой адрес слушатели не извергали. Но все равно, я чувствовал, что не дошел до каждого ума так, как хотелось бы мне самому. Что даже проблемы не смог сформулировать, как хотелось.

педагог в театре

Я был знаком с Омским тюзом гораздо раньше, чем пришел туда работать. Это было, когда я, внештатный корреспондент газеты «Молодой сибиряк», писал рецензию на спектакль тюза о докторе Айболите. Рецензия называлась «Спектакль-сказка, спектакль-игра».

Режиссером в то время был Вальденберг, а среди актеров мне понравились двое самых молодых: Юрий Гребень и Элеонора Рюмина.

Когда я стал заведующим в педагогической части (и единственным работником этой части), то познакомился чуть ближе со всеми актерами.

Запомнилась очень красивая, царственная как бы - на мой взгляд - актриса Горская, я с ней мало общался, но вот ведь запомнилась.

Парторгом был актер Серафим Яковлевич Хлыстов, хороший человек, мы с ним часто общались. Помню один случай, с ним связанный.

Мы систематически встречались со зрителем, это было принято. И на такой встрече были не только разговоры, но и концертные номера. На встрече Хлыстов обычно читал «Гусара» Александра Сергеевича Пушкина. Хорошо читал. Но в одном месте он «исправлял» Пушкина. Вместо «в мерзостной игре жида с лягушкою венчают» он говорил «попа с лягушкою». Видно, он не хотел произнести слово «жид».

А получалось-то все равно нехорошо.

Юрий Гребень был сам Театр. И хотя мы спорили по вопросам работы над ролью, он оставался мне симпатичен. Его детская непосредственность в общении, преданность делу, готовность к трагизму и комизму в роли и в жизни мне нравились и внушали уверенность в его новых достижениях.

соседки, Нины Ивановны Малышевой, я не побывал. Как-то так получилось.

Приходили новые актеры: молодые, способные. Помню их всех, особенно Юрия Трошкеева - самого энергичного из них, по моему мнению.

Первым делом мне следовало создать (или восстановить) детский актив.

Актив - это дети, которые помогают поддерживать порядок в зале, помогают билетерам, дежурят у входов в зал. Которые могут высказать свое мнение о спектакле. Учащиеся старших и средних классов.

Надо сказать, что дети младшего возраста реагируют на происходящее перед ними на сцене весьма эмоционально и заразительно. Они подчас не только плачут или смеются все вместе, но и кричат пронзительно:

- Волк! Волк сзади! Повернись!

Наиболее агрессивные дети бросают разные предметы в актера, играющего злодея-человека или злого зверя. Могут и из рогатки выстрелить ...

Тут не обойтись без активистов-старшекласников.

Я старался делать все так, как советуют Н. Сац и другие педагоги детских театров. Читал, конечно, журнал «Театр», К.С. Станиславского перечитывал. Но с коллегами-педагогами детских театров не встречался, не переписывался.

Постепенно, с помощью руководства школ, вырос актив, в котором было несколько десятков учащихся, часть из которых даже стали позднее актерами и актрисами. Это были интересные, неординарные личности. Их высказывания о театре, о жизни были для меня бесценны.

И надо же было так случиться, что именно при беседе с активистами в кабинет, когда я сидел на столе, вошла Елизавета Григорьевна!

зрителя, а еще точнее - это был небольшой коллектив кассиров, которые продавали билеты в наш театр в школах. Так вот, когда на спектакль дети не шли (как правило, это был спектакль не из лучших в нашем репертуаре), я шел в школу вместе с кассиром, который там потерпел фиаско, и произносил пламенную речь.

Я объяснял педагогам, что данный спектакль важен для воспитания детей, доказывал, что любое посещение театра расширяет кругозор ученика и помогает формированию положительных идеалов в его мировоззрении.

Я тогда искренно верил в то, что говорю.

Но нет-нет да и вкрадывалась в мозг ядовитой змейкой мыслишка о том, что я же говорю не о своем тюзе, не о данном спектакле, а о театре вообще, о спектаклях высокохудожественных вообще.

После этого почти всегда, к моему немалому удивлению и к радости, школой организовывался культпоход. Видимо, мои коллеги, умницы и умники, все понимали и ... жалели меня. Но какая жертва с их стороны!

С Юрием Трошкеевым связан один забавный случай. Вернее, не с ним, а с его кружком в школе номер шестьдесят четыре.

Однажды Юра попросил меня провести репетицию в этой школе, где он вел кружок. Сам он оказался в это время занят на телевидении, а отменять занятие не хотел. Я не очень быстро согласился, робел. Да и боялся провалить репетицию и навредить этому хорошему парню.

Придя в школу, я застал весь театральный кружок в сборе. Детей оказалось много, классная комната была полна.

Сдвинули парты. Освободили место для репетиции.

Я не успел всю пьесу прочитать, так как был занят разными делами. Практически я шел на авантюру.

Как-то я сидел в своем крошечном кабинетике и что-то писал.

Вдруг вбежали несколько актрис-травести и закричали:

- Александр Абрамович, вы тут сидите, а там на сцене такое делается! Идите скорее туда! Это же безобразие!

Я не сразу заподозрил что-то туманно, подвох какой-то.

Почему прибежали ко мне? Почему не к директору, не к главному режиссеру, не к пожарнику? Но меня буквально утащили на сцену. Занавес был закрыт, на сцене ничто не горело, не было дыма. Не было и потопа.

- Там! В домике! В домике! - кричали актеры. - Идите туда!

На сцене и в самом деле стоял домик. Да ему и положено было здесь стоять, так как шел спектакль «Зайка-заснайка».

Я недоумевал, подошел, заглянул ...

Меня втолкнули в домик, закрыли дверь - и занавес пошел ...

Я был вынужден весь второй акт спектакля просидеть в домике, а актеры подходили к окошку и справлялись, как я себя чувствую.

Я и досадовал, и смеялся.

Потом они извинялись, но я и не думал сильно на них сердиться. Я рад был за них, ведь они так славно повеселились! Да и я побывал на сцене, тайно участвовал в спектакле и получил полезную эмоциональную встряску для дальнейшей работы.

Однажды после сдачи спектакля я привел к себе домой группу актеров, выпить и закусить в тот вечер дома было достаточно. Ида отлично сыграла роль хозяйки (я побаивался, что она выгонит меня вместе с гостями). Поднабравшись алкоголя, стали «являть». Фира включила магнитофон, записывала, жаль, что лента при переездах пропала.

Запомнились речи Ленина: сначала Гребень произносил их (похоже, судя по оригинальным звукозаписям), потом - Трошкеев (его Ленин говорил, как местечковый еврей).

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

При театре открылась театральная студия. Мое особое внимание привлекал Владик Дворжецкий.

Во-первых, это был сын моего любимого и глубоко уважаемого актера и режиссера Вацлава Яновича, а во-вторых, сам Владик был интересен. У него были большие выразительные глаза, доставшиеся от матери, прекрасной балерины-педагога Таисии Васильевны Рей, высокий рост родителей и ясный критический ум Вацлава Яновича.

Я рад, что позднее Владик сумел раскрыться во всей полноте как прекрасный киноактер, делом доказал, что он и эмоционален, и умен, и талантлив как лицедей.

Одна из девушек-студийек позднее стала педагогом и работала в педагогической части театра в новом большом специальном здании.

Среди студийцев подавал надежды также и Дик, который позже оправдал эти надежды вполне.

Владимир Дмитриевич Соколов. Его режиссерский талант все почувствовали сразу. Он требовал полной отдачи, серьезной работы над ролью, был непримирим к фальши, наигрыванию, штампам.

Его громовой голос звучал непривычно, впечатлял, пугал даже.

Спектакль «Они и мы» по пьесе Н. Долининой он готовил не очень долго, но весьма интенсивно.

Это была не простая пьеса, даже само название говорило о резком, глубоком конфликте. Была явная попытка копнуть глубже и хоть слегка проникнуть в суть всего происходящего в среде советской молодежи - и не только молодежи.

Мне нравилось, как Соколов проводит репетиции, редко приходила в голову мысль о том, что «я бы сделал не так».

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

радостью отдающие силы, любовь и преданность Театру другими средствами, в иных формах.

Еще во время работы в тюзее я написал большую пьесу «Елена», которую театральная критик Т. Чеботаревская назвала «пьесой для чтения», но не для сцены, признавшись тем не менее, что прочла ее в один присест.

Эта пьеса погибла, когда я уехал в Израиль, вместе с моими рисунками, мюзиклом-детективом «Сорвите маски» и некоторыми другими произведениями моими. Мои потомки их не уберegli.

Написал я также упомянутую «Статую на берегу», которую мог бы поставить Соколов, потом еще несколько пьес и сценариев. Ни одна из моих пьес так и не была никем поставлена.

То ли мне не хватило таланта, то ли не сумел я организовать паблисити, как умели и умеют всегда это делать некоторые подобные мне графоманы ...

**из воспоминаний
директора Музея**

И я сдался.

О том, что меня пригласят «наверх», мне сообщила Анна Михайловна Цукерник, небольшая, полная женщина. Она была главным хранителем музея изобразительных искусств, я знал ее еще раньше - по институту. Мы оба окончили один и тот же факультет Омского педагогического института.

Выбирая союзников в коллективе, я твердо стал на сторону Анны Михайловны Цукерник, что не мешало нам подчас крепко спорить.

Особенно большую роль сыграла она во время ремонта музейного здания, обеспечив полную сохранность фондов.

Начальником областного управления культуры в то время была Нина Никандровна Бревнова, неглупая и красивая крупная женщина. Но прежде чем явиться к ней, я встретился в Владимиром Бусоргиным, директором музея, и спросил его, по своей ли воле он уходит и какова причина ухода. Он сказал, что уходит на телевидение, где и есть его настоящее место. Что никто его не гонит отсюда. Я его знал еще по вузу как студента и как способнейшего актера. И я поверил ему.

Вступив в должность, я сразу же решил серьезно заняться пополнением знаний своих. Для этого я начал готовить лекцию «Критика современного модернизма в изобразительном искусстве», не ограничивая себя в сроках подготовки материала.

Я считал, что работа над лекцией по данной теме потребует от меня изучения истории изобразительного искусства и архитектуры: вначале - Древнего Египта, затем - Древней Греции и Древнего Рима, европейского Средневековья, Возрождения и так далее, включая также рубеж 19-20 веков, а уж затем, имея базу понимания, - современных течений и направлений. Спираль развития хотел познать? Возможно.

Раздобыв программу по истории искусства для заочного отделения университета, я принял ее за основной ориентир, взял в

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Александр Синенький, ее голубоглазый крепенький муж, учился в Репинском заочно. Он был нетороплив, основателен, трудолюбив.

Валентина Андреевна Бекишева, художник-реставратор, высокая блондинка, несколько необычная, весьма способная.

Антонина Николаевна Гонтаренко, ветеран музея.

Дитя блокадных ленинградских дней, она много знала о художниках, много читала о них, была знакома с некоторыми семьями известных живописцев в Москве и Ленинграде.

Тихой и дисциплинированной была искусствовед Рябова, милая худощавая молодая женщина. В то же время могла и характер проявить, если этого требовали ее принципы.

Среди технического персонала выделялся единственный мужчина, рабочий по имени Андрей. Приходил и его сын, помогал отцу в работе. Жена Андрея, скромная, тихая, но быстрая в работе женщина, трудилась как смотритель в залах.

Смотритель Дора Ефимовна была очень нервная, у нее было слабое сердце, иногда ей становилось плохо на работе. Но ее все любили за искренность, прямоту, доброту. Муж ее, подвижный человек невысокого роста, был фронтовик, но жене подчинялся открыто.

Все работники музея были люди честные, во всех можно было быть уверенным, на всех можно было положиться. Это чрезвычайно важно при обилии экспонатов, стоящих немалые деньги на черном рынке.

Вход в здание был общий с соседями-краеведами.

Касса-будка краеведческого музея располагалась в вестибюле, а железная лестница с красивыми перилами вела на второй этаж, где у входа в наши залы сидел наш кассир за столиком. Конечно, большая часть публики сначала шла к краеведам, а потом (если не очень утомившись) - и к нам.

Редко кто шел сразу наверх.

Однажды Эльза Владимировна принимала тяжелый груз и получила травму. Я расстроился. И более того, чувствовал себя так, будто бы сам я был виновен в случившемся с ней.

Когда же она после этого случая решила уволиться, мне не хотелось отпускать такого честного, порядочного и преданного делу человека.

Но что поделаешь?! Не держать же силой! Отпустил.

Позднее я не раз бывал у них дома.

Почти в самом конце моего пребывания на посту директора музея Анатолий Морицевич скончался. Я помню похороны. Я держал в руках урну с прахом этого удивительного человека, и душа моя болела. А всю процедуру похорон напрочь забыл - до того мне было тяжело и странно.

Когда ушла Эльза Владимировна, мне пришлось взять временно на работу завхоза краеведческого музея - по совместительству. Фарид был мой ровесник, чрезвычайно энергичный, подвижный, решительный.

Вошли как-то в мой кабинет два довольно молодых человека. Представились, показали удостоверения. Сказали, что сейчас в музеях много хищений.

И поэтому КГБ проверяет все музеи.

И десять дней (!) они копались в фондах.

Проверка кончилась, молодые люди ушли, пожав мне руку и пожелав успехов в работе. А спустя несколько месяцев мой приятель Григорий Гриценко, работавший в горкоме КПСС в то время, рассказал, что была анонимка подлая на меня о краже картин в музее и продаже их моей женой в Москве (!!!) у станции Московского метро (!!!!) - и поэтому была та проверка.

- Гриша, почему же мне никто ничего не сказал до сих пор?

- Просто не хотели зря тебя нервировать.

Маргарита Владимировна поблагодарила меня после моего выступления. Кажется, были даже аплодисменты студентов.

Потом я еще несколько раз встречался с Яковлевой, и каждый раз меня не оставляло полетное чувство встречи с Необычным.

Однажды в крохотный кабинет мой (помещение при губернаторе использовалось как туалет) вошел серьезный человек, поздоровался, но не представился. Он сообщил, что привел группу экскурсантов из Венгрии и что просит меня лично провести экскурсию. Я возразил: есть прекрасные экскурсоводы в музее, гораздо лучшие, чем я сам.

Но он повторил, что просит меня лично провести группу по залам. Я удивился, но повел. Говорил я по-русски, конечно, но переводчик справлялся. Да и понимали, кажется, меня помимо перевода.

Когда мы вошли в последний зал, одна из женщин воскликнула, обращаясь ко мне по-русски почти без акцента:

- Этот неизвестный художник восемнадцатого века - Каналетто! Как вы считаете? Конечно же, это - Каналетто!

Ведута, на которую показала женщина, мне и самому казалась произведением Каналетто, мы с сотрудниками раньше говорили об этом. Но поскольку не было пока ясности, то так и оставалась табличка, гласившая о том, что автор не известен.

Большую роль в пополнении моих знаний сыграли командировки в Москву на курсы. Почти каждый год я ездил на десять дней в столицу. Попутно старался решать вопросы в Министерстве культуры Российской Федерации, иногда посещал столичных художников.

Нам, директорам провинциальных музеев, читали лекции Колпинский, Сарабьянов, другие маститые искусствоведы. Я тщательно конспектировал эти лекции, дома перечитывал их. Ходил в музеи и на художественные выставки и с группой, и сам.

Принимали мы у сотрудников новые лекции и экскурсии. Обсуждали их по-деловому, но всегда я чувствовал свою неполноценность, так как не доверял своим нахватанным отовсюду познаниям, считал их бессистемными и отрывочными.

Однажды на коллегии Министерства культуры, когда директора провинциальные выступали, я тоже выступил. Очень кратко.

И вдруг в конце заседания Милов, заместитель министра, похвалил меня за то, что я ничего не просил у него, а просто рассказал, что мы сделали, что хотим сделать и как думаем сделать это.

Во второй год моего директорства министерство прислало в музей молодого специалиста на добавленную новую ставку. Этим специалистом оказалась Татьяна Ефимовна Вольпер. Она сразу же показала себя толковым искусствоведом, ее признали все художники. В то же время она никогда не отказывалась провести экскурсию или лекцию, если требовалось. Вела и научную работу. В общем, была примером труженика, как и Александр Синенький.

Все сотрудники ее уважали. Она была вне всяких интриг, она работала.

Я к ней нередко обращался с разными вопросами как по технике живописи, так и по анализу живописного полотна. Она помогла мне лучше понять постимпрессионизм, что ускорило завершение моей лекции.

К сожалению, через год она уволилась. Решалась ее личная и научная судьба, и я не смог отказать ей. Для музея, да и для города, это была серьезная утрата. Замены Татьяне Ефимовне не нашлось еще не один год.

Чернявская. Помнится и ее мама-фронтовичка, которая с надеждой привела к нам в музей свое единственное дитя.

Уехали в другой город супруги Синенькие, и мне стало их не хватать.

Сначала я редко ходил в мастерские художников, но постепенно и здесь начал проявлять все большую активность. Кто мне запомнился наиболее ярко?

Первый и главный - Алексей Николаевич Либеров.

Мне нравились его пейзажи. В них всегда было какое-то особое настроение, в каждом пейзаже - иное, но всегда - либеровское. И всегда - сибирское. Особенно силен был он в весьма не простой технике пастели. В основном, Либерова волновала тема Сибири. Но надолго запомнилась мне и его работа «Мост Эржебет», созданная в Будапеште во время одной из его творческих командировок.

Я Алексея Николаевича про себя называл сибирским Левитаном.

Однажды я побывал у художника дома. Мы выпили, закусили и разговорились. Мастер показал мне рисунки. Я был потрясен: Либеров, знаменитость и гордость соцреализма, рисовал беглые, но точные наброски событий времени раскулачивания. И в этих рисунках была мне слышна такая боль! Такое сочувствие!

Либеров понял это и сказал мне, что я его совсем не знаю.

Либеровым художники восхищались, но в то же время многие его не любили, считали консерватором. Я это знал и расценивал по-своему: его талант был на порядок выше.

Как человек, как личность, А.Н.Либеров был не прост.

Мне он виделся этаким Львом, храбрым, свирепым к врагу и ласковым к другу, принципиальным, решительным руководителем и виртуозным мастером интриги.

Его жена, искусствовед, была целиком под его влиянием.

Моя глубокая симпатия к Либерову никогда не иссякала.

Ничто не смогло ее поколебать.

ком себе стоящий. Не помню, что стало с этой картиной. Кажется, ее купил наш музей.

Женя был славный человек. Порывистый, напористый, открытый - до определенного предела. Веселый, артистичный. Они со Штабновым были друзья настоящие, без всяких скидок. Уважали и любили друг друга, как родные братья.

Михаил Слободин написал драматическое полотно «Женщины войны». Я был потрясен этой работой. Она не сюсюкала и не гремела фанфарами, она звучала траурно и космично-обличающе звала зрителя мыслить и сострадать.

И тут все напали на автора.

- Что это за черная земля внизу? Что за чернота? Где победа, где оптимизм? Где ...?

И сыпалось подобное, и тому подобное!

Картина, конечно, была завершена, Слободин сказал ей то, что хотел сказать. Он так видел и слышал эхо войны.

И что же?

Художник сдался, переделал черный цвет земли на коричневый - и все пропало. Испортил. Так я полагал. Возможно, ошибался. Я считал, что женские фигуры утратили трагичность, принизились до бытового уровня. Что всю свою кричащую идею автор вытравил. Так думал я тогда. И сегодня так думаю.

Слободин рано ушел из жизни. У него было больное сердце.

Мне также нравились Беловы: Кондратий, отец, и Слава, сын. Талантливые люди. Со мною училась в педагогическом институте дочь Кондратия Галя, симпатичная девушка с сияющими глазами.

Гуаши Белова-отца были холодноваты, от них как бы веяло дыханием веков. Благодаря его работам сохранился также для потомков вид тех домов, которые давно и недавно снесены. Старый Омск сохранился.

Садчикова я узнал до того, как стать директором музея. Мы сразу же почувствовали, что говорим на одном языке. Анатолий Садчиков работал как художник-оформитель, зарабатывал много, потому позволял себе пригласить в ресторан нищих друзей.

Временами я журил его за то, что он не пишет картин. Я верил в то, что он мог бы создавать хорошие, интересные полотна, но он откладывал это, улыбаясь.

К сожалению, я вскоре покинул Омск и больше с этим красивым, сильным и талантливым человеком не встречался.

Картины омских художников наш музей (как и некоторые другие учреждения культуры) приобретал с помощью закупочной комиссии, которую возглавляла Нина Никандровна Бревнова, начальник областного управления культуры. Ее голос подавлял все остальные, а уж мой тем паче: не художник и не искусствовед по образованию, хоть и директор музея.

Я поражался уверенности довольно умной Бревновой при оценке живописных полотен: она, по моему мнению, не очень глубоко разбиралась в изобразительном искусстве.

Я же почти всегда колебался в оценке произведения. Думал о композиции и об идее, о колорите и о технике, долго разглядывал работу, подходил-отходил, слушал свою интуицию.

И спрашивал сам себя: а для чего автор создал это произведение? Какова сверхзадача? Мне почти всегда нужно было время, даже вторая, а то и третья встреча с произведением.

«Беда» была в том, что по мере созревания моей лекции «Критика модернизма в зарубежном искусстве» я постепенно уходил с позиций псевдонаучного социалистического реализма.

Нельзя было не уйти ...

Я уже говорил о том, как много давали краткосрочные ежегодные курсы директоров изо-музеев в Москве. Но были и другие стороны моего взаимодействия с Министерством культуры РСФСР и МК СССР.

Вначале Великий Росминкульт явился мне в лице Владимира Андреевича Гуляева, энергичного инспектора, молодого блондина, умного и решительного. Он прибыл в Омск с целью жесткого и нелицеприятного контроля. Я при этом работал, как всегда, а Гуляев знакомился с документацией и фондами, беседовал с сотрудниками, наблюдал нашу текущую работу. В конце своего пребывания инспектор пришел к выводу, что я работаю правильно, хорошо - и мы с тех пор стали друзьями.

Была как-то в Манеже выставка работ Ильи Глазунова. Толпа стояла огромная. Конная милиция. Что делать? Позвонил Гуляеву. Он спросил, сколько человек со мной. Ответил ему, что я один. Он удивился и велел войти с рабочего входа.

Меня будут ждать.

И правда. Ждали. Встретили хорошо, уважительно, бесплатно. Однако обилие публики в Манеже помешало мне как следует посмотреть картины.

А отношение мое к Глазунову и его творчеству - весьма сложное. Впрочем, не об этом речь.

Случилось как-то событие из ряда вон выходящее. К нам в музей явилась комиссия. Гуляев, начальник главка и еще один работник Министерства культуры РСФСР. Возник вопрос о гостинице. Я позвонил приятельнице, и она тут же устроила их. Устроила великолепно. До музея им надо было идти от гостиницы всего несколько минут. Они поразились.

Когда они закончили проверку, то похвалили меня, найдя работу музея положительной.

просветительской работы, расширение штата, рост посещаемости. Несмотря на «высокие» цены.

То же было и у краеведов.

Ходил я много раз и в Главснаб, где руководил Ремез. Он был суров. Выпросить у него что-либо было чрезвычайно трудно, но я был весьма настойчив, и он чаще всего сдавался. Особенно крепко он помог, когда мы ремонтировали музей. Видно, он тоже понимал, что это нужно не мне, а городу, людям. Хотя в музее я его не видел ни разу.

Мы с Бугаенко и другими художниками ходили в Обком партии и другие органы власти, прося и требуя передать музею старый покинутый корпус автомобильно-дорожного института в центре города, напротив драмтеатра. Верили в конечную победу.

Ходили по зданию, прикидывали, где что будет.

Входили мы в разные инстанции и с просьбой присвоить музею имя великого Врубеля. Как говорится, вода каплей камень точит. И корпус передали, и имя великого Врубеля присвоили.

Но это уже было потом, без меня. А пока ...

Комиссия признала дом аварийным и потребовала срочной смены перекрытий, то есть капитального ремонта. Музей изобразительных искусств целый год был закрыт для зрителя. Этот срок мог бы быть и больше, если бы не помощь нам самых разных учреждений и предприятий Омска, сочувствующих руководителей в разных организациях и не активная деятельность всего нашего коллектива.

Переезд во временное помещение был тяжелой эпопеей. Но мы сумели совершить переезд и возвращение без единой потери.

Особо хотел бы отметить роль главного хранителя музея Анны Михайловны Цукерник в том, что весь фонд был сохранен

Врубелевский корпус Омского музея изобразительных искусств

Да-да, не все «коммуняки» были черствыми бюрократами, далеко не все. На протяжении своей работы я сталкивался с такими неожиданными откликами на свои просьбы, что о них можно было бы написать отдельно.

Во временном двухэтажном здании мы вели возможную научную работу, готовились к полноценной работе в старом здании по возвращении.

Конечно же, скучали по полнокровной деятельности.

Почти все мы проживали далеко от временного помещения.

Ехать до него надо было автобусом или троллейбусом минут сорок, потом идти немного, зимой подчас успеешь крепко замерзнуть, но внутри было очень тепло, хорошо было внутри.

Ремонт осуществляла ремстройконтора, ни один из омских строительного-монтажных трестов не согласился «связываться» с нами. Меня это огорчило. Озадачило.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

В областном управлении культуры ко мне почти все относились хорошо. Понимали меня. Помогали, насколько это было возможно. Я до сих пор помню с благодарностью всех-всех.

Бревнова вызывала меня по хозяйственным и финансовым вопросам всегда вдвоем с Иржичкой, так мы парой и приходили. А в бухгалтерию и плановый отдел мы с Людмилой ходили порознь, потому что там были и отдельные сметы, и отдельные выяснения.

Помню, однажды приехал какой-то деятель из Москвы, собрали коллегию Управления, пригласили всех директоров, в том числе и меня.

Бревнова в своем докладе явно меня имела в арьергарде, если не хуже.

Начались выступления директоров.

Как и всегда, директора театров, филармонии, областной библиотеки и другие оправдывались, требовали, просили. Когда дошла очередь до меня, я в коротенькой речухе оперировал только цифрами и фактами: рост посещаемости за время моего директорства, объем проведенной научной работы (тоже - в сравнении с прошлым), рост просветительской деятельности и т.п. Обещал постараться работать и дальше не хуже. Возможно, даже и лучше.

Но настроение было поганое из-за позиции Бревновой.

Ко всеобщему (моему - тоже) удивлению, москвич выделил меня, похвалил - вопреки прозвучавшему высказыванию в мой адрес Бревновой.

Я был удовлетворен. Но и обижен на Бревнову. Я твердо решил после этого отдать, наконец, свой пост другому лицу.

Хоть кому. Я верил в коллектив.

Пришел к Нине Никандровне и сказал:

- Музей на подъеме. Все в порядке.

СРЕДИ МУЗЫКАНТОВ

Я с женой согласился, о чем потом не раз жалел.

Она уехала на курорт, а я начал *работу* с дочерью. Я проходил с ней за несколько дней (иногда - за день) школьные предметы, шел с ней «болеть» за нее, встречал после экзамена и практически не отходил от нее. Хорошо, что у меня в это время был отпуск!

Конечно, помогло мне знание общей методики, помог мой опыт, но тем не менее нагрузка на ум была колоссальная для дочери.

Да и для меня тоже.

Мы оба уставали. Чем дальше, тем сильнее. Поразительно, как Фира сумела справиться с такой ужасной нагрузкой на психику! Экзамены она сдала с отличными и хорошими оценками.

Мы выдохлись настолько, что после экзаменов не могли несколько дней включаться даже в самую простую умственную работу.

Как-то так получилось, что и в дни экстерната, и в дни облучения моего языка Иды дома не было. Возможно, поэтому она не представляла себе никогда ясно того, что происходило со мной в ее отсутствие.

Надвигались приемные экзамены в музыкальное училище.

Но здесь все прошло благополучно.

Итак, год был сэкономлен, но какой ценой ...

В обкоме профсоюза я сумел получить две туристические путевки в Крым, правда, по полной цене, и мы с дочерью поехали на юг отдохнуть.

Здесь я едва не погиб.

Дело было так. Пошли молодые ребята, в том числе и Фира, в горы. Я предпочел лишний раз расслабиться в море. Вечером начал читать книгу. Читал допоздна, не мог уснуть, все беспоко-

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

- Не могу быть руководителем учебного заведения, где я ничего не понимаю в профессиональной подготовке, - признался он мне.

А вот педагоги-музыканты буквально оплакивали его уход, так как уважали этого толкового и порядочного руководителя. Гуманизм, терпимость, ум и твердость воли сочетались в нем гармонично.

Я Попова тоже безмерно уважал, работать под его руководством было легко - и в областном управлении культуры, и в музыкальном училище.

Итак, сначала я пришел как совместитель - заменил стройную блондинку-однокурсницу Антонину Александровну Калиновскую, жену бравого Юрия Калиновского, в девичестве - Стрелецкую. Она здесь работала по совместительству, затем устроилась в институт, защитила успешно кандидатскую диссертацию.

Я пришел в середине учебного года. Преподавал историю в

Я массовик. На берегу, в чащобе

группах на базе восьми классов. Ученики мои были веселые ребята, историю они терпеть не могли (в этом-то я их понимал), встретили меня снисходительно и даже презрительно. Мне это, конечно, не нравилось, но поскольку я здесь был не каждый день и работа сия была не основной, я не очень-то и расстраивался.

Поначалу мне всячески стремились мешать, «купить» на чем-нибудь, в частности, на жаргонных словечках музыкантов,

Я старался, чтобы мои занятия были интересными и полезными для учащихся. На занятиях по основам философских знаний я читал им отрывки из сочинений философов Древнего мира, Средневековья, Нового и Новейшего времени, чтобы мои подопечные понимали: глубина мысли всегда была присуща философам, всегда были мудрые материалисты и не менее мудрые идеалисты, всегда были споры о методе познания Вселенной.

И так будет долго-долго, до тех пор, пока наука позитивная не представит людям неоспоримые данные о строении Вселенной и о Силе, движущей ею.

Оценки по философии накоплялись на семинарах, был так-

же и серьезный экзамен в конце учебного года. И государственный экзамен.

Я однажды в минуту сомнений и колебаний сказал вслух, что не совсем уверен в том, что мои занятия по философии что-то дают учащимся.

- Ну зачем так говорите? - возразил один из моих слушателей. - Ведь вы нас учите мыслить.

Я был рад этому доброму высказыванию, как ребенок, получивший отличную оценку за домашнее задание, в верности выполнения которого не совсем был уверен.

По эстетике (предмет «Марксистско-ленинская эстетика» также в начале моей работы отсутствовал в учебном плане) я

рукой, некогда было ходить в читальный зал. Я любил работать дома, не торопясь, вдумываясь, подчеркивая и делая заметки на полях. Тут же и конспекты составлял для учащихся, выжимая самое основное из текстов. Свои мысли я нигде не фиксировал, они всегда были при мне. И, конечно, они фонтанировали в тех группах, где я видел глаза, горящие откликом.

Потом мне говорили не раз бывшие мои ученики:

- А помните, вы сказали? ...

Нет, не помнил я обычно. Но то, что они это помнят, радовало.

Итак, в моей библиотеке (книжный шкаф это был) стояли книги по истории, художественная литература (наши и западные классики, детектив, фантастика). А мне надо было приобрести и поставить тома по философии, этике и эстетике, позже - по психологии и педагогике, по организации и формам клубной работы, по культуре речи.

Ходил в ближние книжные магазины, ездил в дальние.

В командировках тоже посещал «КОГИЗ». Завел знакомства, которые помогли немало. И моя не очень большая библиотека была, если можно так сказать, интенсивно упорядочена. Были в ней и толстые общие тетради с конспектами лекций ученых мужей, которых доводилось слушать в Москве и Ленинграде.

Тем не менее, мне явно не хватало литературы. Да и в областной библиотеке имени А.С. Пушкина не всегда я мог найти то, что было нужно.

Однажды, придя на занятия, я не застал целую группу в аудитории. Ждал, растерянно искал учащихся. К концу занятия они появились. Каялись: выпала редкая удача - попасть на кинофильм, который обязательно надо посмотреть, а вечером - на него не попасть. Обещали, что они догонят, обгонят и так далее. Я, конечно,

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

дились какие-то дополнительные дела, которые меня в последние минуты задерживали дома или по дороге на работу.

Естественно, за опоздания меня критиковали и руководители училища, и инспектора.

Две инспекторские проверки припоминаются мне.

Первая - это когда сама секретарь райкома партии почему-то прибыла на занятия. Пришла и села за задним столом.

Я вел урок. И вдруг вступил со мной в спор тромбонист Виктор Лукьянов, бывший воспитанник детского дома.

Мы спорили на важную тему, это касалось трудностей жизни в СССР. Виктор гневно говорил, я - спокойно. Он был полон ярости, непонятной злобы. Спор отнял немало времени. Такого у меня никогда на занятиях не бывало ни до того, ни после. Сам Виктор как будто относился ко мне тепло.

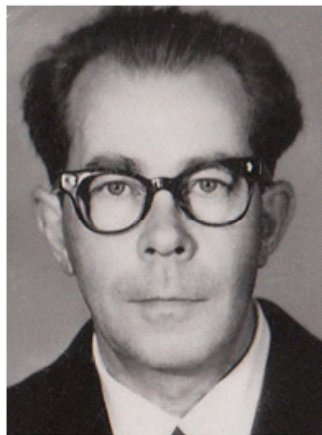
Я все же до сих пор не верю его объяснению после занятия:

- Я три дня не ел. Злой был. А эта дама пришла ...

Секретарь райкома, разбирая урок, сердито на меня обрушилась:

- Почему вы позволили этому хулигану вступать с вами в спор? Почему его резко не оборвали?

- Во-первых, я должен был его переубедить. Кроме того, вся группа следила за нашей словесной дуэлью, и я сделал то, что считал верным: пытался убеждать через спор с ним и других, потому и не обрывал его.

Владимир Николаевич
Юргенсон

До сих пор я жалею о том, что был вынужден оставить эти занятия, план мой был таков: после гармонии - полифония, затем - гармонизация мелодий, то и дело приходивших в мою голову в моменты переживаний.

Я беседовал о музыке с дочерью, ходил почти на все академические концерты, внимал обсуждению исполнения после этих концертов.

Я слушал, как Фира занимается дома, готовясь к уроку по фортепьяно, мне нравилось ее исполнение. Особенно часто просил я исполнять «Лунный свет» Клода Дебюсси. Эта вещь звала меня куда-то, к чему-то дивному ...

Посещал я лекции-концерты.

Я читал книги о великих музыкантах, живописцах и скульпторах, начал покупать альбомы. Собирал открытки с репродукциями, которых у меня через несколько лет скопилось до двадцати пяти тысяч.

С бескорыстной помощью Зинаиды Ивановны Гавриловой снова стал учиться играть на фортепьяно, купил ноты и через некоторое время играл (хотя и в облегченном варианте) приятные вещи.

Пел неаполитанские песни под собственный аккомпанемент дома, а позднее мне отлично аккомпанировала моя дочь Фира. С ней я пел и арии из опер. Что-то она даже записала на магнитную ленту.

Однажды в училище я был в духе и обнаглел: в одной из комнат для индивидуальных занятий запел. Концертмейстер был хороший, я вспомнил свой тарский репертуар.

Распелся быстро, легко. Каждая новая вещь звучала лучше.

Но меня вдруг смутил некий шум за дверью. Я ее открыл и увидел группу учащихся, прибежавших послушать, кто это распелся так громко.

Я смутился - и больше никогда в училище не пел.

- Ну где я им найду этих вредителей, врагов народа? Все - люди. Ну ошибаются, ну нарушают дисциплину, но нет у нас врагов народа.

- Скоро и его взяли как врага народа, - грустно сказала женщина, - да разве только его? Тогда чуть не весь обком партии как врагов арестовали.

На собраниях (не на педсоветах) я пытался рисовать мгновенные портретики моих коллег, сочинял стишки. Мог послать экспромт по рукам. Грешен, грешен. Иногда заинтересовывался, тогда был внимателен и даже участвовал в прениях. Я вообще не люблю собрания. Особенно те, которые проводятся для проформы. А таких было большинство в СССР.

Работая с комитетом комсомола, я сталкивался с очень трудными случаями, о которых просто не хочу писать.

Особенно трудно было, когда мне принесли дневник одной девушки с откровениями, которые обнажили ее не простую сексуальную жизнь. Не знаю, верно ли я поступил, но я попросил отдать ей ее дневник, никогда не говорить с ней об этом и не делать никаких комсомольских оргвыводов.

Ей вернули тетрадь. Но она ушла из училища. Сама. Навсегда.

Моя бывшая ученица Зоя (Закия) Узбекова стала секретарем райкома комсомола, она просила организовать концерт в Усть-Ишиме, районном центре на севере области, где она работала. Я с радостью согласился, переговорил с руководством училища, с учащимися, и мы полетели. Обком комсомола оплатил нам полет в дальний Усть-Ишим и обратно.

КОЛЛЕГИ

Большинство преподавателей специальности были люди серьезные, способные. Я их всех уважал, они мне были милы. Особенно Владимир Николаевич Юргенсон, талантливый пианист и педагог, который после Гусева стал директором училища. Он был эрудирован необычайно, обладал богатым чувством юмора, был филателистом. Он был мудр и эмоционален в то же время. Мы с ним дружили много лет и до училища, и в училище.

Под стать ему была и супруга, Людмила Францевна Винклер. Нравился мне их сын Саша, умный и серьезный мальчик, весьма похожий на отца.

Иногда я приходил к ним в гости, и мы с Владимиром крепко выпивали. Делились откровенно мыслями и многими фактами.

Юргенсон, музыкант тонкий, талантливый, незаурядный, мой друг юности, я любил Володю, как родного брата.

Приезжая в Омск из Красногорска, я навещал его. Уехав же в Израиль, не нашел в себе духовную силу связаться с ним (не только с ним), все откладывал, и чувство вины гнетет меня с того дня, как узнал о его уходе в мир иной.

Как не вспомнить великолепного педагога Мери Борисовну Гусеву, которая учила и мою дочь, выходявшую с урока фортепьяно с раскрасневшимся лицом и светящимися глазами! Талантливая пианистка, заботливый и чуткий педагог, непосредственная, добрая, Гусева пользовалась большим уважением. Дочь моя обожала ее.

Помню добрейшую Эмилию Ивановну Толпыгину, которая сменила на посту завуча славную, обожаемую мною, Наталью Ивановну Зюзькову. Толпыгина достойно приняла эстафету. Мы

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Мне нравилось, как он работает с оркестром народных инструментов в училище, я видел, что он не стареет душою, видел любовь и доверие учащихся к нему. Радовался за него.

Часто ходили мы домой с работы вместе, иногда и к нему я заходил.

Я с глубокой симпатией храню в памяти веселую и волевою Лидию Марковну Хейфец и ее брата, теоретика и композитора Илью Марковича Хейфеца, которого знал еще ребенком.

Нравился мне также преподаватель теоретических предметов Валентин Васильевич Кузнецов. Это был человек чуткий, умный и отлично знающий свое дело.

Когда я одолевал сольфеджио, то обратился к нему, и он мне помог: дал дореволюционный учебник, простой и толковый, - для церковного хора.

Я любил и уважал всех преподавателей «Шебалинки», но, к сожалению, вынужден ограничить себя (и так превысил объем задуманного - грядут, видимо, дополнительные сокращения текста).

Я в течение ряда лет руководил в училище методической комиссией преподавателей общеобразовательных дисциплин. Это тоже было не просто, так как физика и литература, математика и иностранный язык, например, специфичны по методике. Правда, у меня был уже некоторый опыт контроля занятий после директорства в Таре.

Иногда я видел недостатки в занятиях, но журил коллег редко, потому что все старались, все понимали и любили своих учащихся-музыкантов. Мы давали что-то для эрудиции как бы.

Светлана Афанасьевна Попова, заведующая библиотекой, тоже всегда хорошо и ко мне, и к Фире относилась. Однажды она подарила мне интереснейшую толстенную книгу «Новейшая история», изданную к трехсотлетию дома Романовых. Я с удивлением прочитал в ней о Марате, «друге народа», что это «*чесоточный ветеринар с конюшен графа д'Артуа*», а его убийца Шарлотта Корде - глубоко верующая, чистая и непорочная девушка.

Вообще книга оказалась полезна для меня самого и чрезвычайно интересна, думаю, для любого читателя.

Я дружил с завхозом училища, плотным и невысоким Федором Андреевичем Игнатченко. Фронтовик-танкист, он потерял один глаз на войне, но оставался веселым и жизнерадостным человеком. Федя заботливо воспитывал своего сына, вторично не женился.

Мы друг к другу относились положительно и весьма уважительно.

Но один раз мы поругались.

Это было во время Шестидневной войны, когда при директоре и еще двух преподавателях он охаивал Израиль и евреев. Я потерял выдержку и срывающимся гневным голосом, не думая о возможных последствиях со стороны партийных и прочих органов, предложил ему встретиться там, **но не друзьями, а врагами.**

Он был ошеломлен, растерян. Потом вдруг улыбнулся и вымолвил почти искренне:

- Да нет! Молодцы! Молодцы!

После того случая отношения наши натянулись, но позже мы снова помирились. Федя в жизни ни разу меня не подвел, как и я - его.

«РИМСКИЙ-КОРСАКОВ»

Когда я окончил первый учебный год в «Шебалинке», то оказался без денег совершенно. Отпуск начался уныло.

Тут Генриетта Павловна Север, с которой мы работали раньше в управлении культуры, предложила мне поехать на теплоходе «Римский-Корсаков» массовиком-затейником.

- Как же мне, бывшему чиновнику областного управления культуры, а ныне - преподавателю серьезных дисциплин, - и вдруг массовиком? Меня после этого не признают на работе. Да и не умею я быть затейником, - возразил было я.

- Да ведь ты отдохнуть хочешь, Александр Абрамович! Вот и отдых.

- А сколько мне заплатят за этот рейс, за мой трудовой отдых?

- За свою работу ты будешь иметь каюту и питание. Это - все. Да, и еще надо найти баяниста. Тоже нет у них. Соглашайся. Не пожалеешь.

И я согласился.

Мой ученик Борис Теплицкий принял мое предложение поехать вместе, и вот уже мы на корабле. Дизель-электроход отвалил от берега, мы с Борей заняли свои койки (нам дали каюту на двоих), от меня потребовали тут же что-то провести с туристами.

Я сник.

За пару дней успел кое-что прочитать о действиях массовика, особенно об аттракционах.

Я добыл милицейский свисток, судейский свисток, несколько масок, кое-какие предметы и приспособления для аттракционов, волейбольный и футбольный мячи. Конечно, будь у меня больше времени, я бы подготовился лучше. Но сразу вот так?!

Вечером на корабле были танцы, я кисло что-то молол. Мне было скучно и тоскливо.

ЭФОРИЯ НОРД

За годы работы немало турпутевок я приобрел в профсоюзе.

Один раз (всего один) даже за границей побывал.

Это была туристическая эпопея в Румынии.

Наша омская группа оказалась в целом неплохой.

Кроме того, в ней были хорошо знакомые мне люди: мой сосед по лестничной площадке инженер Евгений Иванович Бовин и врач, преподаватель медицинского института, подруга Иды - Евгения Иосифовна Симхович.

Люди интеллигентные и приятные.

Познакомился я со всеми остальными туристами, многие оказались людьми веселыми, простыми.

В Бухаресте я пошел купить фото пленку и сразу же заблудился. Растерялся, так как на мое обращение по-русски никто не отвечал. Решил применить свой английский. Первый же встречный откликнулся. Я объяснил происшедшее. Он пошел со мной в магазин и помог купить кассету с пленкой.

Потом спросил, в какой гостинице я остановился. Я не знал. Он попросил меня не волноваться. Задал несколько вопросов еще, я отвечал. И он (вот это Шерлок Холмс!) привел меня в мою гостиницу, я сразу же узнал фасад! Расстались тепло, а адрес я не догадался взять ...

Поколесив несколько дней по Бухаресту, по стране, проведя веселую карнавальную ночь в Брашове, мы прибыли в Эфорию Норд и поселились в пансионате в нескольких шагах от берега Черного моря. Номера на двоих были удобные, кормили нас хорошо, к обеду подавалось вино. А море? Оно было теплое, ласковое, только солнца надо было принимать в меру.

- Покажи, пожалуйста.

Это была книжница О. Ремеза «Мизансцена - язык режиссера». Я только что сам прочитал ее.

- Интересно?

- Очень.

- Ладно. Читай дальше. Я в тебе уверен, ты материал по истории тоже читаешь.

Зыков мне нравился. Я в нем *чувствовал* талант. Это трудно объяснить словами. И в самом деле, он после училища блестяще окончил ГИТИС, работает режиссером.

Друг Александра Зыкова, Юрий Вострелов, талантливейший баянист, завоевавший золотую медаль в Лондоне, говорил мне, что Зыков как баянист талантливее, чем он, Юрий. Юра, как и Саша, был моим другом много лет. Я не раз навещал их в Москве.

И с Александром Цыганковым сложились добрые отношения. Это был умный, жизнерадостный и талантливый музыкант. Его я тоже навещал в Москве, когда мы перебрались в Подмоскowie. Инна Шевченко, пианистка, его замечательная жена, аккомпанировала ему в концертах. Возможно, и сейчас они концертируют.

Уже будучи в Израиле, я благодаря активности нового израильтянина Бориса Биркина, тоже моего бывшего ученика, установил связь по скайпу и интернет-мэйлу со многими моими учениками. Я хотел бы на этих страницах поблагодарить за постоянную моральную поддержку не только Биркина, но и Александру Чурину-Головкову, и Маргариту Чулковскую, и многих других.

Первой выпускницей теоретического отделения, если память мне не изменяет, была Ольга Вайнтрауб, в замужестве - Петренко. Умная, волевая, обладающая немалым ораторским талантом, она рано стала отличным преподавателем и лектором. Она и внешне

Экзамены она сдала хорошо, особенно историю музыки. Собеседование показало комиссии Фиру мыслящую оригинально и глубоко, понимающую музыку и чувствующую композитора.

Ее приняли. И оставили в Ленинграде, хотя часть принятых послали в Петрозаводск, в филиал.

ЗАМУЖЕСТВО ДОЧЕРИ

Рассказывала нам дочь, что прилетает к ней в Ленинград Андрюша Кудрявцев, сын Изабеллы, соседки моей тети Лии. Он с Фирой дружил, когда мы там жили. В то время они еще учились в начальной школе.

И вот они решили пожениться. Мы с Идой пытались убедить их не торопиться с таким судьбоносным решением.

- Подождите немного, надо закончить учебу и получить диплом, - убеждали мы их, - ведь если Фира забеременеет, ей придется прервать занятия - и еще не известно, как все после этого повернется.

Где там? Не послушались.

Свадьба была в городском Доме бракосочетаний.

Молодые выглядели весьма прилично.

Случилось так, что через некоторое время дочь наша забеременела, взяла академический отпуск и прибыла домой, потеряв в дальнейшем целый год. Андрей, продолжая учиться в МАИ, подрабатывал в метро, прилетал к жене в Ленинград, а потом - в Омск.

Я встретился с Татьяной Сергеевной Бершадской, преподавателем консерватории. В беседе с ней я узнал с удовлетворением, с радостью даже о том, что Бершадская считает Фиру талантливым музыковедом. Мнение такого классного специалиста было доро-

ходная. Я диктовал предельно сжатые конспекты, а на зачетах (я установил вопреки учебному плану дифференцированный зачет!) некоторые мои слушатели приходили вторично и даже в третий раз, чтобы получить более высокую оценку. Никто не хотел иметь «3». Я был рад. *Я был востребован!*

О декоративно-прикладном искусстве мы почти не говорили, так как я и сам в нем, к стыду моему, разбираюсь и сегодня не очень хорошо, да и времени тогда не хватало на это. Однако же по мере изучения ДИ я больше стал знать и об этом. Слова «Палех», «Гжель», «Дымковская игрушка», «Мейсен», «нэцке, окимоно, инро» стали не просто звуками.

Я старался показать своим учащимся, что мастера Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима, а также мрачного Средневековья могли многое, очень многое! Я хотел, чтобы мои ученики с уважением относились к людям далекого *творческого прошлого*, чтобы лучше понимали после этого и наше сложное, противоречивое, несущее на себе следы всех эпох, время.

Когда доходили до искусства наших дней, я пытался прежде всего анализировать истоки новых течений в связи с развитием науки, техники, общественных отношений.

Насколько это удавалось, судить не мне.

!

ЛГУ

И тут пришло приглашение на *полугодовые* курсы повышения квалификации в Ленинградский Государственный Университет (ЛГУ).

Я, конечно, поехал с радостью. Питер! Эрмитаж! Русский музей! Лекции профессоров ЛГУ! Театры! Библиотеки!

И действительно, это было потрясающе! Я слушал лекции М. Кагана, книга которого была для меня откровением, еще раньше стала настольной.

В общежитии университета, где нас поселили, было шумно почти всю ночь. Ясное дело: студенты. Я от недосыпания стал плохо себя чувствовать. И с помощью людей добрых нашел комнату на съем в пятикомнатной коммуналке на улице Красной, рядом с Медным Всадником.

Конечно, за соответствующую плату.

В комнате моей не было холодильника, покупать его на полгода не было ни смысла, ни денег. И я вывешивал за окном мешочки с продуктами. В октябре уже было холодно, а потом и вовсе все замерзало. Я готовил себе завтрак и ужин на общей плите, а иногда кипятил чай кипятильничком в кружке.

Обедал же либо в столовой университетской, в том же здании, где мы занимались (хорошо там кормили!), либо где-нибудь в городе перехватывал, подзакусывал.

Покупал я домой фрукты, чай и хлеб, кисломолочные продукты.

Кровать была большая. Матрац - хороший. Одеяло - теплое. Спал я крепко, так как уставал за день очень сильно: лекции, библиотека, музей, концерт, спектакль или кино, да еще за день проходил пешком по Питеру не менее десятка километров. В воскресные дни тоже были музеи, концерты, спектакли, но уставал меньше.

Вставал я всегда раным-рано, чтобы не опоздать на занятия. Делал зарядку, умывался до пояса холодной водой, растирался и спешил в туалет. Тут была трудность: жили в коммуналке шесть человек (иногда к ним еще и гости приезжали), а туалет был - один. Приходилось занимать очередь, а потом слышать нетерпеливые восклицания, если не удавалось сразу сделать свое дело.

В мои обязанности входил вынос утром ведра с мусором. Полы мыть мне не разрешили, и я был рад. Мусор выносил с удовольствием: пять минут - и дневной коммунальный долг исполнен.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

хохотали, когда я рассказал им об этом случае. А я радовался, что славный алкаш не попросил у меня, лоха, тридцать рублей!

В Ленинграде я закончил пьесу в стихах «Статуя на берегу» (по мотивам сказки Г.Х. Андерсена «Русалочка»), написал еще несколько опусов, а также - зачетную работу «Искусство как специфическая форма отражения действительности». Она заслужила отличную оценку, и мне предложило руководство факультета остаться еще на некоторое время и на базе этой работы написать и защитить кандидатскую диссертацию.

После ухода мамы в 1975 году я остался круглым сиротой. Я стал как бы старшим в семье своей. А тетя Лия, как и прежде, заботилась обо мне, стараясь заменить хоть как-то моих покойных родителей. Она сама-то ведь была бездетна.

Я стал чаще бывать у нее, особенно с тех пор, как она вышла замуж за овдовевшего Марка Оскаровича Гоника и стала жить в нескольких сотнях метров от нашего дома, на улице Ленина (они сумели обменять свои две квартиры на эту одну полнометражную, когда поженились).

Памятник на могилу мамы делали там же, где и на могилу папы, в мастерских худфонда. А рядом с оградой их могил вырос тополь.

Он рос быстро и крепко, с годами стал большим и красивым.

Я ездил на кладбище редко, почти всегда - с тетей Лией. Там, на кладбище, был покой и для живых: там был настрой совсем не горький, а грустно-благостный. И это меня каждый раз удивляло. Я смотрел на родные лица в керамических овалах - и мысли мои были размытыми, нечеткими, странными. И я точно знал, что они оба видят меня оттуда, из неведомого, а не с этих портретов. И это снимало на время боль с души моей.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

копьевич обладал голосом могучим и басовитым, умом веселым и памятью отличной. Нам он нравился, мы любили его слушать. Он хорошо помнил старый Омск. Английским он владел в американском варианте.

Мы с ним обсуждали разные вопросы, чаще всего - проблему взаимоотношений мужчины и женщины. Как известно, тема эта неисчерпаема.

Александр Бутюгов в те дни учился в медицинском институте, а я не подозревал о том, до чего романтичен будет его путь как. врача и северянина. Мы с ним в остальном, точнее, во многом, друг друга прекрасно понимали.

Более того, мы даже телепатически чувствовали приближение товарища. Все удивлялись и посмеивались.

- Сейчас придет Бутюгов, - вдруг произносил я, сидя в редакции «Молодого сибиряка».

И через пару минут появлялся Александр.

- Сейчас придет Герзон, - говорил мой друг.

И через пару минут появлялся я.

Ходил я и в литературную редакцию радио, носил свои рассказы. Все они выходили в эфир, вот только ленту магнитную ни на один из них не решился я выпрашивать.

Одна только из передач был мною записана на магнитофон дома, «Рыжий петух» (рассказ читала актриса драмтеатра Псарева).

Да и ту я потерял уже в Израиле, куда заботливо ее в своих вещах привез.

Тамара Алексеевна Муренец, тоненькая, миленькая, ясноглазая, с которой я работал как автор, оказалась человеком дивной души.

Даже когда она меня ругала, я был в восторге, потому что это было человечно и д р у ж е с т в е н н о.

Как-то она меня спросила, когда я директорствовал в музее, чем я занимаюсь. Я начал рассказывать о работе. Она сердито воскликнула:

Пил вазелиновое масло, ел свекольный салат, сиживал в марганцовых теплых ванночках.

Прошу читателя извинить меня за столь *нетрадиционную* тему, но для меня это - не тема, а горе мое в течение многих лет, самых продуктивных лет жизни человеческой, это - несчастье мое, тормоз жизненный, увы ...

Около двух недель пролежал в отделении после операции.

Милая сестра Регина, узнав мою фамилию, спросила, не я ли написал прочитанную ею статью «Какую музыку любить?»

Я признался в своем авторстве, ожидая гневного спора, но Регина сказала, что статья ей понравилась. И это было приятно, даже на время заглушило боли и общее гнилое настроение.

Меня кто-то попросил подойти к окну. Я удивился. Неподошел - и увидел группу моих учащихся. Милые *шебалинцы!* Они пришли проведать меня.

Настроение еще более поднялось после этого визита.

Моя жена ежедневно приезжала и приносила что-нибудь вкусное, хотя кормили нас хорошо. И это притом, что ей приходилось работать на двух ставках и возиться дома с маленьким внуком, когда уходила няня. Я не находил слов, чтобы поблагодарить ее так, как я это чувствовал.

- Ну что ты сгорбился, как старый дед? Стыдись! - ругала меня одна медсестра, дама еще не старая, худощавая, когда я шел по коридору.

Я злился, стыдился, старался держаться более мужественно.

Потом, когда я выписывался, Петр Николаевич, хирург, заведующий отделением, успокоил меня, извинявшегося за свой общий негативный тонус.

- Не извиняйтесь, вы у меня в этой палате были самый тяжелый. Операция была не из простых, пришлось забраться довольно глубоко.

У меня остались светлые воспоминания о врачах и медицинских сестрах отделения на Березовой. И, прежде всего, запомнилась их доброта.

Придя домой после операции, я вскоре нарушил наставления врача и стал бить штрабу на потолке и в стене, чтобы упрятать электропроводку. Это у меня получилось, но стояние с поднятыми работающими руками на лестнице в течение немалого времени привело к новому осложнению, да и вены на ногах, особенно на левой, расширились, сильнее зазмеились.

«СОРВИТЕ МАСКИ»

Нет, не унялся я.

Продолжал писать: стихи, рассказы, сказки.

Более того, я писал пьесу-детектив в жанре мюзикла.

Тут я встретил Александра Зыкова. Он уже заканчивал ГИТИС. Готовился стать режиссером. Я ему рассказал о своей задумке.

Саша согласился стать моим соавтором и даже нашел композитора - своего друга - Иосифа Тамарина, с которым вместе служили в армии. Саша приезжал в Омск, а я - в Москву.

Хочу отметить изумительное руководство нашим трудом со стороны Зыкова. Я чувствовал, что он творчески на голову выше и меня, своего соавтора, и нашего композитора.

Наши консультанты: офицеры Омского Управления МВД Эдуард Ваулин и Самуил Хай, помогавшие нам советами, а то и прямо порой участвовавшие в создании произведения, - одобрили итог трудов немалых.

Много раз с Ваулиным и Хаем я работал в управлении МВД по Омской области в их кабинете. При мне они, конечно, о своих рабочих делах не говорили, но зато мы с ними подробно анализировали действия сыщика Орлова, главного героя мюзикла, и уголовников - на корабле и на суше, спорили, чертили схемы, и я был обоим беспрдельно благодарен.

Мы подружились, выпили не одну бутылку водки вместе, и в памяти моей остались и их улыбки, и их серьезность, и их мужественные умные глаза. И их презрение к опасности.

Там, в управлении, я познакомился с офицером-оперативником, который стал прообразом героя мюзикла - Орлова. Он был высокий, сильный, веселый. Ко мне относился даже теплее, чем оба моих друга.

В музыкальном училище мы прогнали мюзикл в концертном варианте под руководством Зыкова в исполнении вокалистов училища. В зале были музыканты и работники МВД. После прослушивания все нас поздравляли.

На Павермана, главного режиссера омского театра музыкальной комедии, как красное на быка, подействовало опереточное появление представителя МВД накануне прослушивания.

Офицер этот, недостаточно ясно понимающий, как надо говорить с людьми искусства, заявил твердо, убежденно, безапелляционно:

- Управление внутренних дел считает, что спектакль должен быть поставлен!

Но мы, авторы, никого в Управлении МВД об этом не просили.

Члены худсовета во главе с Паверманом, прослушав запись, говорили о том, что *музыка слишком моторна*, что не отражен в ней сибирский мелос, что *не чувствуется Омск-город нефтяников, сразу ясно, кто сыщик* - и так далее.

Предложили доработать, переработать в свете критики худсовета.

При этом ни слова не было сказано о том, будет ли театр с авторами работать, хотелось ли бы театру поставить эту вещь. Мы были ошарашены, обижены. Перерабатывать отказались наотрез.

Но, разехавшись, вещь никуда больше не понесли. А ведь могли бы. В любой театр необъятной страны: в профессиональный, в самодеятельный. Сделать и разослать копии. Дорогу осилит идущий ...

Заглавная песня мюзикла прозвучала на Центральном телевидении на первом канале трижды в День милиции. К сожалению,

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

Я их прогнал. Потом на подоконник села галка. Я через стекло махал ей рукой, отгоняя, но она смотрела смелыми глазами. И вдруг страшная мысль ворвалась в мое сознание: это - душа мамы покойной ... Я перестал прогонять птицу.

Потом дважды непонятным образом на меня испражнялись с высоты голуби, вызывая ярость бессильную.

Сдав жилищной конторе ключи от квартиры (с болью в сердце) и припрятав справку об этом понадежнее, я выехал в Красногорск.

Меня провожали самые близкие люди. Тяжело было на душе, но я вида не подавал, крепился.

Поезд тронулся, унося меня от верных друзей и коллег, от могил моих предков, от любимых моих учеников.

Я мчался в неизвестность, в неопределенность, в неизбежность ...

СРЕДИ МЕДИКОВ

Мои первые занятия были решающими. Я это понимал: надо сразу завоевать авторитет. А это оказалось делом нелегким. Особенно в группах на базе восьмилетки, где были и так называемые трудные учащиеся. Впрочем, трудные нашлись и в группах на базе средней школы.

Но я был уверен в себе.

Я никогда не преподавал научного атеизма. Отбивался, но никто из медиков слышать не хотел о преподавании атеизма.

Заведующая учебной частью Наталья Андреевна Терещенкова и заведующая практикой Римма Соломоновна на первых порах чутко помогали мне войти в коллектив, понять учащихся, и я им благодарен.

Еще в Омске я приобрел «Библию», изданную Московской епархией. Обменял на отцовские часы, чего простить себе не могу: мог бы взять у кого-нибудь займы денег. Так или иначе, но некий первоисточник у меня уже был. Тем не менее, трудно было. Во-первых, потому что я уже не был и сам убежденным атеистом. Во-вторых, потому что слушатели в основном были либо сильно, либо слабо верующими. Почти все они при рождении были крещены, как показал проведенный мною опрос.

В-третьих, потому что зачет я (по совету предшественницы) заменил сдачей реферата (списанной откуда-нибудь атеистической галиматьи), то есть практически я не ведал, что же знают и что думают на самом деле мои учащиеся.

С грустью думал я о том, что не смогу здесь вести факультатив по истории искусства и архитектуры, который я так любил в Омске.

На одном из первых моих занятий в окне появился молодой человек кавказской внешности. Он начал нахально переговари-

возглавляла такую группу, ей это надоело, и она внезапно заявила громко:

- Мне не нравится ваш метод. Почему я должна тратить мое время на лодырей? Пусть сами учат материал урока!

Я уважал славную девушку, и я ей ответил честно, что в жизни приходится довольно часто так поступать и что ей это не повредит, так как она учится разъяснять, помогать, и еще учится терпению, а это немало в ее будущей профессии.

Обществоведение было для многих учащихся трудным, так как требовало того уровня эрудиции, которого они в школе не достигли. Но и здесь мы работали в группах нередко. Я применял часто мел, чертил схемы, диаграммы. Самым трудным для меня было изложение вопросов социалистической социально-экономической системы.

И врать не хотелось, и правду говорить было опасно.

Сам-то я уже во многом разобрался, и от этого порой быть волком хотелось.

Освещая тему «Общественно-экономическая формация», я задумал сделать электрический стенд для самообучения и проверки знаний на уроке, но сам сделать его не сумел.

Тут один из родителей учащихся, инженер КМЗ Горовой, взялся помочь мне. Великолепнейший стенд я демонстрировал своим коллегам-обществоведам Московской области, когда у меня бывали открытые уроки, проводимые в нашем училище. Его можно было применять и по обществоведению, и по основам философских знаний.

Коллеги расспрашивали меня о конструкции. Я отвечал. И думал с великой благодарностью о Горовом, об его товарищах, сделавших мне стенд. Хотел написать об этом пособии в методический журнал или в газету центральную, но не торопился.

Так и не написал.

Веко она вывернула совершенно безболезненно, ловко, мгновенно, как никто другой ни до того, ни - после.

Я понял, что с удовольствием поставил бы ей «пять», если бы снова она у меня училась и притом *не знала бы вообще марксизма*.

На государственных экзаменах по основам философских знаний мои учащиеся как правило давали хороший результат, это отмечали и ассистенты-представители из других училищ.

Тут, конечно, была не только моя заслуга. Многие из тех, кто имел за плечами школу, имели также и неудачную попытку поступить в медицинский институт.

Их выступления на семинарах в течение учебного года показывали незаурядную эрудицию и любознательность.

На государственном экзамене по обществоведению результаты были пониже. Это и понятно: и материал был дан в учебнике неполноценно, и сам этот материал был весьма сложен, и учащиеся в школе не были достаточно к его восприятию подготовлены.

Но я и свою вину видел: лучше надо было учить детей. Надо было искать новые, более эффективные методы.

Преподавание этики пересекалось с преподаванием медицинской деонтологии, это требовало познакомиться ближе с деонтологией. Но я и раньше был знаком со многими положениями медицинской этики, слыша беседы родителей-врачей, *подлинных друзей* своих пациентов.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАГРУЗКИ

Как только я стал на партийный учет, меня сделали «куратором комсомольской организации». Я знал в Омске, что везде курирует комсомол сам секретарь парторганизации. Но тут, в Под-

Не обходилось и без ЧП.

Так, однажды пропала стипендия у одной не очень богатой

Пенсионером стал я ...

девушки. Но мне пригодился опыт работы директора в Тарской школе, где некоторые мои ученики то и дело совершали «подвиги» днем и ночью. Потратив два часа с группой, которую я задержал после занятий, я нашел воровку.

Группа требовала исключить ее из училища и из комсомола. Но я ее пожалел, не хотел ей жизнь ломать, хотя в душе был на стороне группы. Я уговорил девушек оставить преступницу, для чего мне пришлось брать слово для выступления несколько раз.

Возможно, я был тогда не прав.

Мне всегда хотелось верить в человека до последнего. Я видел, как неузнаваемо менялись люди с возрастом, мне несколько раз удавалось в Омске помогать людям искусства вступить в борьбу с алкоголизмом и одержать над ним победу.

Да и многие правонарушители из школы №7 потом оказывались серьезными людьми, овладевшими профессиями и создавшими семьи.

Конечно, некоторые так и не захотели менять образ жизни. У них остались свои понятия о правах и обязанностях, о добре и зле.

МОЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Работая с коллективом моего театра «Поиск», я попутно окончил с оценками «отлично» курс актерского мастерства и начальный курс режиссуры в ЗНУИв Москве. Мои спектакли в училище (выступали мы и в других местах) стали моими зачетными спектаклями.

После нескольких комедий и героической одноактной пьесы о «ночных ведьмах», советских военных летчицах, воевавших на «кукурузниках», я взялся за «Осеннее интермеццо» (автор - Зоя Чернышева). Пьеса имела и второе название - «Две матери».

Мои юные актрисы работали очень серьезно над этим спектаклем, где встречаются две матери: немка и русская. Девушки раскрывали свою одаренность. Я поражался их трудолюбию, я проникся к ним необыкновенным уважением.

Действие «Осеннего интермеццо» происходит в Берлине после войны. Обе женщины потеряли сыновей, обе страдают. Сама тема - глубоко драматична. И актрисы справились, на мой взгляд, блестяще.

Кроме того, я всегда помогал готовить концерты в училище. Был как бы главным консультантом. При этом я старался минимально вмешиваться в индивидуальность актера. Получалось как бы неплохо.

А однажды на концерте произошло нечто неожиданное и смешное. Девушка, учившаяся по моим предметам на тройки, вышла петь под *фанеру*, и она оказалась как бы рожденной для эстрады.

- *Все могут короли*, - пела она, вернее, пела Алла Пугачева.

«Певица» подошла ко мне и пропела, прямо в глаза мне глядя:

- ... *не может ни один, ни один король* ...

Думаю, этот номер кто-то из взрослых подготовил.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Каждый день ездить в Москву, для этого подниматься ранним-рано, не высыпаться ... Но поразмыслив, решил, что получу, возможно, новые знания и умения - и как бы успокоился.

Лекторы были незаурядные, особенно профессор Черняк, который читал нам зарубежную новейшую историю.

Знания его поражали.

Однажды надо было решить какую-то организационную проблему, я пошел в деканат. Деканом нашего заочного факультета был Р. Хасбулатов. Я увидел в его глазах интерес к моей скромной особе после того, как мы перебросились несколькими фразами. Это были умные глаза, видевшие многое. Но я и предположить не мог, какую роль сыграет этот человек в истории Советского Союза.

По-прежнему ходил я в здание Политехнического музея на лекции. Там их нам читали генералы из Генерального штаба, академики, а однажды был даже бывший посол СССР (по особым поручениям). Это был худощавый и невысокий еврей. Я не успевал за ним конспектировать, хотя он говорил, не торопясь: в его докладе не было «воды». За один час он выдал массу информации.

Жаль, забыл его фамилию ...

Темой зачетной работы я выбрал «Приход нацистов к власти в Германии». Моим консультантом был Черняк. Мне приходилось посещать столичные библиотеки, так как в Красногорске я не смог найти ни одного источника. Бывал я и в Библиотеке иностранной литературы, где мне удалось прочитать «Flight of the Terror» Отто Штрассера на английском языке. Попросил дать мне «Mein Kampf» бесноватого фюрера, но мне сказали, что этой книги нет.

В целом же директор справлялся со своими обязанностями не так уж и плохо. И большинство преподавателей-врачей были люди ответственные.

Потом на директорский трон взошла преподаватель Няшина, красивая и - как стало ясно в дни ее руководства - деловая женщина. Она при мне немало сделала, но приближалась моя отставка как пенсионера, я прихварывал и все меньше активничал.

Не могу не вспомнить с кривой улыбкой, как тщательно я готовил свои методические и общепедагогические доклады, поднимая горы новейшей литературы, затем сокращая разбухший текст, добавляя факты из жизни нашего коллектива, - и как однажды увидел на большой перемене коллегу, усердно, но спокойно списывающую что-то из тоненького журнальчика.

- Почему не отдыхаете на большой перемене? - спросил я.
- Доклад готовлю. Сегодня - мой доклад на педсовете.
- Она назвала тему доклада, довольно серьезную.
- Вы за большую перемену подготовите доклад?
- Конечно. Если вы не будете мне мешать списывать.

А вспомнил я об этом случае потому, что и мой доклад, и доклад коллеги были одинаково высоко оценены слушателями при обсуждении.

Так стоило ли столь тщательно готовить свои выступления (во имя эфемерного улучшения работы преподавателей)?

Но я халтурить так и не научился.

Мы проводили политинформации в форме телевизионной передачи. Дикторы-учащиеся сообщали в зале о событиях, рассуждали о них, сидя на сцене за столом и подражая дикторам телевидения.

Это оживляло информацию.

- Я сдал квартиру в центре Омска! - не соглашался я. - Мы должны получить взамен хотя бы однокомнатную квартирку!

Ида оценила ситуацию более трезво, согласилась вступить в кооператив на Черневском поле. Но и в кооператив не впускала городская власть, хотя правление кооператива нас приняло, свободные места были.

И я поехал в Центральный Комитет партии. Там меня уже ждал Михаил Иванович Елизаветин. Накануне я побывал у него дома, когда он был на работе, и попросил его жену, мою коллегу, историка, передать мужу, что я оказался в тяжелом положении и просил бы меня принять в его кабинете.

Она пообещала, сказала, что ее муж любит помогать людям.

Но все равно я сильно волновался перед этой встречей.

В здании Центрального Комитета я шел по коридорам в абсолютной тишине, никто меня не проверял, не останавливал. Дойдя до указанного вахтером кабинета, я постучал. Услышал разрешение войти и вошел. Михаил Иванович разговаривал по телефону с Минском (он в Комитете Партийного контроля курировал две республики: Украину и Белоруссию). Я слышал, как он требовал не обижать кого-то. Мне показалось даже, что у этого кого-то фамилия как бы еврейская.

Решил тут же, что мне просто послышалось.

Подождал пару минут.

Михаил Иванович попросил меня изложить суть моего дела..

- Вы в самом деле сдали квартиру государству? - спросил он.

- Да, вы легко можете это проверить.

Александр Абрамович Герзон — преподаватель медицинского училища. Это его основная работа. Работа, которую он любит, которой отдает много времени, стараясь привить любовь к профессии медицинского работника и своим питомцам.

Но есть и еще одно дело, которому он также верен всю жизнь — это литература, литературное творчество. Он пишет стихи — и неплохие стихи. Он пишет рассказы. Читатели, очевидно, помнят его рассказ „Черный лебедь” и рассказ, совсем недавно напечатанный в нашей газете, „Анна Егоровна”.

Рассказы А. Герзона реалистичны — в них точность деталей, узнаваемость характеров. Вместе с тем, их отличает особая, романтическая манера повествования. По сути каждый рассказ А. Герзона — это маленькая выразительная притча. О мире, о непростоте человеческих отношений.

*Вырезка из газеты
“Авангард”
(Красногорск)*

- Зачем же проверять? Вы коммунист - и я вам верю. И так, гвоздка в том, что вас не пускают в кооператив, хотя место есть?

- И место есть, и правление кооператива не возражает. И райздравотдел поддерживает нас, ведь и я, и жена работаем в медицинских учреждениях.

- Хорошо, товарищ Герзон, я все понял и поговорю с Красногорским руководством, - сказал Елизаветин.

Последняя фраза его прозвучала в моем сознании, как окончание аудиенции, и я откланялся, хотя очень хотелось попросить его позвонить тут же, пока я не ушел.

На следующий день Андрюша пришел домой бледный. На него напали в райкоме партии:

- Какого хрена твой тесть пошел в цэка? Не мог он сперва к нам зайти? Ты что, хочешь с нами рассориться, да?

- Да он пошел просто потому, что они старые знакомые, - стал оправдываться Андрей. - Еще по Омску.

Услышав это, райкомовцы призадумались. И в итоге мы получили право войти в кооператив. ***

Вскоре дом стал заселяться, мы вошли в свою полнометражную квартиру на четвертом этаже. Конечно, пришлось многое доделывать, *чтобы жилье стало жилым.*

Правда, из вентиляционного отверстия воздух *закачивался* нам в квартиру в то время, как у других жильцов он *выкачивался* из квартир, как положено.

Но поначалу, конечно, мы в эйфории ничего не замечали.

УВЛЕЧЕНИЯ МОИ

Писал я в Красногорске «по-новому»: купил пишущую машинку «Эрика». Я овладел «слепым методом» и вскоре печатал свои опусы всеми десятью пальцами.

своему приятелю, члену-корреспонденту Академии наук. Я его не отговаривал, но и не верил интуитивно в помощь ученого.

Прошло длительное время, я попросил Андрея вернуть мне текст, наконец. Он пошел к ученому, и тот текст вернул ему, а он - мне. Позднее я увидел фильм, подозрительно напоминавший своей детективной стороной идею и даже некоторые финты того опуса.

Впрочем, это могло мне просто показаться. Ведь не мог же ученый так поступить.

Вдохновленный внуком (вернее, моей любовью к дитяти) я написал несколько сказок и миниатюр. Одну из них, сказку «Счастье», Андрей решил показать своему другу, художнику. А тот показал сказку своему учителю, художнику Дегтяреву из «Дегтиза». Дегтярев пригласил меня на беседу. Я волновался. Неужели сказка понравилась?

Дегтярев сказку похвалил, при следующей встрече показал красивейший титульный лист к книжице предполагаемой, который рисовал его студент. Я попросил дать мне этот лист на память, но получил почему-то отказ.

По просьбе художника я принес ему и мои стихи. Он не исключал того, что некоторые из них подойдут. После этого я вдохновенно написал (и дописал) еще несколько десятков. Одно из стихотворений называлось «Актриса». Начиналась «Актриса» так:

*Она была худа и некрасива,
Сутулилась неловкою спиной ...*

Прочитав его, Дегтярев пришел в сердитое волнение - и нервно сказал мне:

- Это же Чурикова! Что это вы о ней такое написали?!

жили и взяли в плен группировку Паулюса. Я поражаюсь: этот маленький человек в сильных очках для близоруких такое выдержал! Но его натянутые, как струны, нервы быстро доказали мне, что Сталинград для него не прошел даром.

Мы обменивались открытками, от него я получил по дружбе за символическую по сути цену много зарубежных открыток с репродукциями работ известнейших и не очень известных (мне, по крайней мере) художников, с памятниками архитектуры. Я стал ходить в омский клуб филокартистов.

Это богатство я переправил в контейнере из Омска в Красногорск, когда мы переехали.

В Москве познакомился еще с одним филокартистом. Это был Эммануил Борисович Файнштейн, член Союза Советских Писателей и один из виднейших мастеров филокартии СССР.

Он был стар. Открытки, которые я приносил, осматривал вблизи и искоса (видно, была у него катаракта немалая). Беседовали мы на разные темы. Я у него много хороших открыток приобрел.

У меня уже накопилось двадцать пять тысяч открыток. Я гордился своей коллекцией. Но ящички были открытыми, пыль собирали, Ида была недовольна, поэтому, *я продал коллекцию Файнштейну. Оптом. Всю.*

Гарон, узнав о моем поступке (я письмо ему написал), прекратил со мной знакомство. Навсегда. Он был прав. Я этой продажей как бы его самого предал.

Я во внутреннем кармане пиджака всегда держал книжицу для легкого чтения на английском языке. Читал в автобусе, в метро, на собраниях. Это было мое хобби наиболее приятное. Но мне показалось этого мало. И я стал переписываться с одной дамой из

Когда я оказался в Израиле, я снова (после длительного перерыва) написал Элмеру, мы несколько раз обменялись письмами. Из одного письма я узнал, что он овдовел. Чем я мог помочь ему? Только сочувствием ...

Хотел в гости к нему слетать, но меня удержала примитивная причина - бедность: денег я наскоблil бы с помощью друзей на билет до Нью-Йорка. Дальше - пешком, прося подаяния. И не смог бы вернуться в Эрец Исраэль.

Пополнив ряды бомжей, если есть таковые в США.

Последнее письмо от Элмера датировано 14 января 2005 года. Потом переписка прекратилась, но нет-нет да и вспомнится мне этот человек, с которым я никогда не виделся вживую, но к которому испытывал глубокую симпатию.

Между тем, Вова, наш внук, рос.

Мы с ним беседовали, когда прогуливались, мне эти беседы показали, что мальчик умен и одарен. Он был весьма любознателен, пытался сочинять в ответ на мою сказку некую свою (тут же придумывал).

Это было самое полезное мое увлечение, думаю сегодня.

Как-то мы увидели жука на дороге. Я заговорил с жуком, внук последовал моему примеру. Но жук не обратил на нас внимания.

Давал я внуку задачки простейшие, но «хитрые». Например: кирпич весит кило и еще столько, сколько весит половина кирпича; сколько весит целый кирпич? Когда он понял, что это - два кило, то засмеялся: просто!

При этом вспоминались мне и беседы с дочерью, когда она была в том же возрасте. Летом мы поехали на Черное море, где до этого отдыхали Фира с Вовой и Андреем.

Комнатка оказалась крошечной, места не хватало, Ида спала с внуком на кровати, я тоже где-то как-то устроился. Рядом проходило шоссе, шум от автомобилей не стихал и ночью.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ВАНИН

Торговаться я не любил и не умел. Выбирать продукты так, чтобы и дешево, и качественно - тоже. Поэтому в продуктовые магазины и на рынок я ходил, ломая внутреннее сопротивление. Ездил иногда за мясом в Москву, стоял там в очереди, но доставались мне самые плохие куски.

Брат Иды Владимир тоже ездил в Москву из Калинина (ныне Твери вернули старое имя). Он просто давал пятерку мяснику - и с черного хода получал прекрасную вырезку за те же деньги.

- Эхма, ведь и я так мог бы сделать, - подумал я, узнав от него о том, - но нет, не смогу, не сумею, не позволят проклятые внутренние тормоза.

Новая квартира требовала вложения труда. Полы паркетные были плохие, надо было их циклевать заново и покрыть лаком. Бетонный пол лоджии надо было железнить. Антресоли и подобные «сооружения» надо было создать. Да еще заложить кирпичом и оштукатурить большую дыру над входной дверью, которая стыдливо была скрыта картоном и побелкой. Ну и строители!

Как говорится, дом невелик, а спать не велит. Приступил.

Для проведения домашних работ мне необходим был инструмент. Из Омска кое-что я привез. В Красногорске и в Москве, в магазинах, на рынке в Тушино тоже кое-что приобрел (явно ворованное, но зато дешевое).

Много инструмента было у меня, но дрель электрическую я так и не купил, ручной все время пользовался, а это отнимало немало времени.

Зато хорошая физкультура была от моего хозяйничанья по дому.

жем воевала в Чапаевской дивизии. Вместе с ним жила в разных местах, перед самой войной - в Вольске.

Она пережила не только Гражданскую войну, но и репрессии, затем - тяжкую войну за возвращение своего дома после ее высылки в Казахстан, где она овдовела.

Правда, если бы не помощь Иды - и финансами, и непосредственным участием в тяжбе с человеком, вселившимся в родительский дом, вряд ли победила бы ее мать. Хотя доходила (точнее, доезжала) теща и до Президиума Верховного Совета СССР, настойчивая была женщина.

Не раз отдыхали мы в отвоеванном доме, ели вкуснейшие яблоки разных сортов прямо с деревьев садовых, срывая их свежими. Увозили варенье в огромных количествах.

Но стала слабеть теща и уже не могла нормально хозяйствовать в доме, который построили до войны, а также в надворных постройках и в огромном саду своем. Ей было за восемьдесят. Соседи Марии Григорьевны написали Иде в Красногорск, что мама ее плоха стала, и Ида продала дом родительский задешево, а старушка стала жить с нами.

И вот теща живет в большой комнате с лоджией (мы - в спальне). Она готовит вкусные обеды.

Она все лучше ко мне относилась, особенно после того, как я раздобыл ей тибетский гриб для улучшения здоровья и для ее долголетия. Она употребляла его систематически, молоко в пакетах покупала и пила его в большом количестве, и это, видно, оказалось полезно для нее.

Во всяком случае, прожила она девяносто шесть лет.

Я не раз помогал ей при недомоганиях, вызывал «Скорую помощь», когда ей плохо было, и ее спасали.

Она даже стала называть меня *своим доктором*.

Преподаватель нас многократно предупреждал: надо быть все время внимательным, иначе обнаружишь вдруг, что «сидишь в чужой машине». Он часто шутил, но самый сильный хохот был, когда один из нас сказал, что знак, на котором изображен «перечеркнутый» инвалид, означает «конец инвалидам».

Пришлось после теории постоять также и на шоссе рядом с автоинспектором.

Практическая езда давалась не просто. Инструктор мой был молодой парень. Он хорошо ездил, но не умел толково передать свои знания. Трудно было трогаться: глох мотор.

- Почему у меня получается? Почему у вас не получается? - возмущался инструктор.

Как-то мне пришлось ехать не с ним, а с пожилым инструктором. Тот мне сказал:

- Когда трогаешься, надо медленно и плавно выжимать сцепление и добавлять газ.

- Знаю.

- Когда машина тронется, надо остановить движение ног, пока не проедете несколько метров, а потом продолжать выжим сцепления и подачу газа.

Я сделал так, как он сказал - получилось отлично!

Потом мы поехали по Красногорску. Инструктор предлагал остановиться то у одного магазина, то у другого. Сам уходил в магазин ненадолго. Снова ехали. И я догадался: он просто учит меня трогаться с места и останавливаться.

- Вы трогаетесь лучше всех, - сказал мне потом мой молодой инструктор.

При подъеме на горку, покрытую льдом, я замедлил ход, увидев «Скорую помощь», едущую навстречу. Меня тут же занесло и я, вращаясь вместе с «Москвичом», едва не врезался в машину «Скорой помощи».

Полметра разделяло нас, если не меньше, когда я остановился.

Добираться туда надо было либо электричкой, а затем автобусом, либо на своей машине.

Построил он хорошую дачу, вложив в нее немало труда и отдав ей немало здоровья. Посадили там кусты и деревья, но ездили туда редко.

БУДНИ ПЕНСИОНЕРА

МОЙ УХОД НА «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ»

Последний год моей работы был очень тяжелым. Я перенес тяжелый сердечный приступ прямо на работе, вызвали «Скорую помощь», я был дома месяц по больничному листу, кое-как пришел в себя. Думал, не дотяну до ухода на так называемый заслуженный отдых.

Но дотянул. Помогли врачи Троицкий и Кременская.

Доктор Троицкий, человек судьбы интереснейшей и тяжелой, прописал мне капли Вотчела, без которых я на улицу не выходил много-много дней, а кардиолог Кременская, курировавшая меня, чуткая, добрая, отзывчивая, учила правильно вести себя и правильно питаться. Я воспрянул духом.

Однажды, когда уже поправлялся, я на приеме бодро доложил ей:

- Доктор, мне лучше, я сегодня даже ходил с внуком на Баньку (так речушка называется в Красногорске) и поплавал ...

- Что-о?! У вас же предынфарктное состояние, что вы делаете?! - встала со стула врач, предельно взволнованная. - Я лишу вас больничного листа за такие фокусы! Соблюдайте режим!

Я не знал, что мое состояние - предынфарктное, об этом впервые из ее уст услышал.

Спустя год после ухода на пенсию я был приглашен ассистентом на государственный экзамен по основам философских знаний в училище.

Увидел, что от моего стенда не осталось ничего, кроме дерева, да и весь кабинет выглядел неуютно. Обшарпанным он мне показался.

И я вспомнил, что однажды уже было нечто подобное, когда я в Таре купил фортепьяно для школы за наличные деньги и меня едва не посадили за это, но простили: новый директор школы ничтоже сумняшеся променял фортепьяно на баян.

Как бы плюнув мне вслед.

C'est la vie ...

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ «ПОДМОСКОВЬЕ»

Я был знаком с художественным руководителем великолепного дворца культуры «Подмосковье» Натальей Демьяновной Пучковой, обаятельной женщиной. От нее узнал, что требуется руководитель в детский театральный коллектив. Предложил свои услуги, меня приняли.

Начал я работать. Но выяснилось, что буду получать только половину пенсии, так как новая работа - не производственная. Половина пенсии - это же полная зарплата руководителя кружка!

Недолго я раздумывал. Уволился. Хорошо, что не успел привыкнуть к ребятишкам, как-то безболезненно расстался.

В это время я не оставил еще свой любительский театр «Поиск», артистами которого были в основном мои бывшие учащиеся.

По приглашению главного режиссера Овчинникова я стал на общественных началах ассистентом режиссера в театре «Зеркало» при дворце культуры «Подмосковье». Работал в основном со

Мне выдали темно-синий халат, мою спецодежду. В кабине лифта был стул, можно было сидеть, когда нет вызова.

Эта работа полностью сохраняла мою пенсию. То есть я получал 120 рублей пенсионных и 90 рублей трудовых, те же 240, которые зарабатывал как преподаватель медицинского училища.

Первое время было трудно: с восьми утра и до восьми вечера я открывал и закрывал двери лифта, на миг присаживаясь на стул, стоявший в углу кабины.

Правда, был часовой обеденный перерыв, когда я мог пойти в офицерскую столовую и там недорого пообедать. Кроме того, мы со сменщиком работали через день, а в случае надобности подменяли друг друга. Этот лифтер был человек моего возраста и моей комплекции. Он был добр и отзывчив, и это радовало меня.

Иногда в столовой продавали мясо и другие продукты, я покупал. Нес домой. Но чаще мне не доставалось почему-то.

Я подвозил в лифте врачей и сестер, больных и официанток. Внизу, на первом этаже, было приемное отделение, на самом верхнем этаже - реанимация, на остальных этажах - лечебные отделения.

Постепенно я ко всему привык - и ко мне все привыкли.

Тут я начал приносить с собой двойной (англо-русский и русско-английский) словарь и читать его. Время проходило от этого намного быстрее. Иногда приносил небольшую книжицу на английском и почитывал урывками.

- Собираетесь *улепетнуть* в Америку? - спросил с улыбкой один военврач, увидев это.

- Нет, пока не собираюсь. Это - старое хобби, - ответил я, не думая еще о том, что улепетну, но не в Америку, а к иному языку - к ивриту.

Другой военврач убеждал меня в том, что физик Сахаров - это «Цукерман», еврей. Я с ним спорил, но безрезультатно.

Я принимал пипольфен, но для глаз нужны были еще и капли. С приближением середины мая, когда пыльца райграса и прочих аллергенов попадала мне в глаза, я терял оптимизм.

Иногда не выдерживал, расчесывал глаза яростно.

И после этого веки краснели, вздувались, как шея индюка, почти закрывая взор, зато зуд при этом уходил. Такая вот загадка.

Вспоминаю и сейчас со смехом, как на приеме у директора Омской кордной фабрики Ивана Ильича Подковки я сидел под вентилятором, дувшим на меня через цветок герани, захватывая пыльцу. Через двадцать минут распухла и побагровела левая сторона моего лица к удивлению и ужасу Ивана Ильича.

Официантки возили в лифте обед больным в свои отделения. Как тяжело им было с этими ведрами и кастрюлями, я догадывался.

Одна из них пригласила меня поесть в ее отделении.

Я пошел было, но ел, давясь, так как это было не в мое обеденное время, а в рабочее, лифт мог в любой момент зазвенеть вызовом, а я мог и не услышать звонка.

Уволили бы нарушителя дисциплины трудовой.

Поблагодарил добрую женщину - и отказался от обедов навсегда.

Мне вручали некоторые официантки и сестры-хозяйки то яблоко, то целую буханку хлеба, то кусок мыла, еще какой-нибудь мелкий подарок. Меня это трогало, а дома всех радовало и веселило.

Официантка средних лет с короткой стрижкой крашенных в черное седых волос входила ко мне в лифт с гневными словами:

- Все мне остох.....ло, все мне остоп.....ло, все остое...нило.

Надо сказать, что действовал персонал быстро и споро, без паники и по-деловому, хотя видно было по лицам, как все напряжены.

Я много раз поднимал ребят в отделения. Один из них, как я узнал, скончался еще в кузове грузовика. Он оказался внизу, когда машина перевернулась.

Бедняга, ему оставалось совсем немного до «дембеля».

«Афганец» К., любимец персонала, перенес жуткое ранение: мина взорвалась у него под ногами, он потерял ноги, ему оперировали не раз область живота, было и лицо поражено. Но он оставался оптимистом. Жена его, красавица, навещала героя часто.

Другой «афганец», богатырь, потеряв обе ноги, не хотел жить. Так он мне и говорил:

- Зачем жить уродом беспомощным, безногим?

Я его пытался переубедить, говорил о хороших протезах, которые он получит, о том, что он не так уж и беспомощен, у него сильные руки и трезвый ум. Его тоже навещала любящая жена, но он не мог примириться со своим новым состоянием. Хочу надеяться, что он сумел преодолеть кризис сознания и наладил жизнь свою.

А один парнишка не хотел больше служить и наглотался бритвенных лезвий. Его прооперировали, но было ясно, что психика его нарушена: на такое нормальный человек не может пойти.

Я его жалел, он был добрый, улыбчивый.

Мой театр «Поиск» продолжал свою работу, мы теперь репетировали в госпитале. Спектакль «Осеннее интермеццо», о котором я уже упоминал, мы готовили довольно долго. Финал - абсолютно неожиданный, трагический.

пробился к кассе сквозь толпу лиц не русской внешности, протянул сообщение о смерти Лии и купил два билета.

Через несколько часов мы были в Омске.

Это было жутко: на сдвинутых стульях в комнате стоял гроб с набальзамированным телом еще так недавно заразительно хохотавшей и по-детски плакавшей тети моей. Лицо ее было спокойно. Не верилось, что она ушла навсегда. Вот сейчас она встанет и что-то скажет!

Нет, не встала.

На похороны пришло немало людей. С ее последней работы пришла ее ученица, ныне ведущий экономист, со своим мужем, другие сотрудники, соседи. Все было организовано добрыми людьми, мне оставалось только предаваться своему горю.

Я был этим славным людям бесконечно благодарен.

Тетю похоронили рядом с моими родителями. Я был как во сне.

После похорон на тризне в какой-то большой комнате мы выпили много, я встал и произнес речь - горькую и благодарственную. Я сказал в частности, что именно в Московской области (да и в самой Москве) я смог по достоинству оценить сибиряков, настоящих людей.

Когда я вышел на лестничную площадку, ко мне подошел муж тетиной ученицы, высокий симпатичный мужчина, и сказал:

- Я понял то, что вы говорили. Да-да. Я ведь и сам раньше не любил евреев. Потом мне пришлось с евреями работать. И я узнал их в деле. И стал уважать. Меня еще ни разу ни один еврей не подвел.

Потом мы с Андреем стали приводить в порядок квартиру, чтобы сдать ее государству. Интерьер был в отличном состоянии, поэтому домоуправление претензий не имело.

Узнав, что я отдал квартиру домоуправлению, кто-то надомной посмеялся, кто-то на меня обозлился, кто-то одобрил мой поступок ...

Когда я вернулся в Красногорск, жена мне рассказала, что ушла на работу, как всегда, а днем прибежала домой и застала Марию Григорьевну мертвой.

Теща ушла навсегда в первый день православной Пасхи.

- Она была еще теплая, - говорила Ида, плача. - Я так виновата перед ней. Так виновата.

Я подумал о том, что Ида для матери сделала немало.

В последнее время теща потеряла понимание обстановки и последствий своих неадекватных действий (подчас опасных, особенно - с газом).

Телом же она на диво была еще не стара. Возможно, это от молока и молочного тибетского грибка. Даже толстые узловатые вены на ногах спрятались.

Но рассудок эти волшебные продукты ей не сохранили.

- Она спросила меня, где ты, - рассказывала Ида, - и я ей сказала, что ты улетел хоронить тетю Лизу (тетю Лию в семье мы называли Лизой). Она ужасно расстроилась, ведь Лиза на пятнадцать лет моложе ее. И она ее так любила, ты ведь знаешь.

- Неужели от этого сообщения умерла она? - поразился я.

- Я виновата, я виновата, - твердила Ида.

Похоронили Марию Григорьевну на кладбище в Нахабино.

Я побывал у ее скромной могилы.

Было жаль ее, хотя она прожила почти сто лет, в то время как муж ее, отец Иды, Шандор Фориго, ушел из жизни в пятьдесят два года ...

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

милиционер, а сегодня, когда вспоминаю это, возникают новые мысли. Тяжелые.

И увидел я тоскливо сквозь те грязные, злобные и лживые строки газет: где-то прямо и грубо, а где-то тонко и умело, но широко ведется духовный натиск зрелой юдофобии на сознание великого русского народа.

И пораженно слышал я вокруг себя, как хвалят эти газеты, газетки и газетенки, эти журналы и листовки хорошие русские люди - люди, которых я все еще уважал, которым симпатизировал, которые и ко мне-то все еще хорошо относились. Даже очень хорошо ...

Вот такая загадка ломала мозг мой.

Это были годы 1989-1992.

Ельцин резко критиковал руководство партии. Это было нечто небывалое. Начался массовый выход из КПСС. Из Конституции убрали статью о ее руководящей роли. Революция? Предвестие? Переворот?

Национализм и шовинизм росли в «союзных» советских республиках невообразимо быстро. Естественно - и в России.

Был создан империалистический по сути концерн «Газпром».

Возникла странная ЛДПР во главе со странным В.В. Жириновским.

Одна медицинская сестра в госпитале, честная и добросовестная, кстати, актриса моего театра «Поиск», первая в госпитале заявила на партийном собрании о своем нежелании продолжать членство в рядах коммунистов. Все, я в том числе, были потрясены ее героическим (честным) поступком.

Другие, я - тоже, не торопились с выходом: десятки лет верно служили партии. Да и слишком уж неожиданно было все проис-

Все инстанции и в СССР, и в Израиле знали, что нет никакой связи между мною и незнакомкой Гитой, но так надо было. Мне, впрочем, было все равно - каким способом уехать.

Покупая багажные сумки, наполняя их вещами, которые мне советовали бывалые взять непременно, я испытывал сильнейшее волнение, душа моя, кровотока, разрывалась между родиной изгоняющей и родиной призывающей.

Несколько раз я едва не отступил от принятого решения.

В посольстве Израиля серьезный и мудрый человек Александр Либин, с которым я разговаривал через окошко, не советовал мне ехать одному, советовал подождать, когда вся семья решит подняться.

Я всех внес в свои документы: жену, дочь, зятя, внука. Но они не торопились.

- У вас будут большие сложности, трудности. Возьмите хотя бы внука с собой, - говорил он сочувственно, - вдвоем будет легче намного.

Внука родители не отпустили: он заканчивал институт.

В ОВИРе ко мне отнеслись очень тепло, я был тронут. А в очереди на получение документов выяснилось, что не только в Израиль выезжают люди: чуть ли не половина собралась в Соединенные Штаты, кое-кто намылился в Германию. Объясняли: там для иммигрантов нет таких экономических трудностей, какие ждут меня в Израиле.

Предостережения Либина меня не пугали. Но страшно было вырвать себя из Почвы. Продолжались колебания. Последний толчок к исполнению моего решения дала мне сцена в парикмахерской, куда я зашел подстричься.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Он успел эмигрировать в США, стал бизнесменом, а провожал в Израиль своего дядю.

Я познакомил его с Андреем, а он меня - с дядей.

Поразили глаза таможенников и служащих аэропорта: добрые и как бы сочувствующие. Этими глазами матушка Россия прощалась со мною ...

В последний раз подумал вдруг, не остаться ли.

Здесь моя Родина!

Все силы души и тела ей отданы.

Я думаю и пишу стихи по-русски!

Я не овладею ивритом в этом возрасте, буду человеком без языка в Израиле. Это значит, что буду чужой если не всем, то многим-многим ...

Но вспомнил, что швартовы уже отданы, якорь вытасчен, а винт корабля Судьбы вращается все быстрее.

Поздно размышлять.

Вперед, только вперед!

Будь что будет!

И да поможет мне Вс-вышний, на Которого я уповаю!

Тревожные и радостные взоры улетающих, сильный акцент в вопросах представителя службы безопасности «Эль-Аль».

Мое опасение, что он вдруг откажет мне в посадке.

Не покидающее меня чувство нереальности происходящего.

Кресло у иллюминатора.

Темень снаружи.

Ощущение общей напряженности.

Но вот, наконец, самолет оторвался от земли поздно ночью и взял курс на юг.

Впереди - Израиль.

**ШЕСТЬ ЛЕТ
НАДЕЖД**

- Not every man in Russia is anti-Semite!

Они плакали. Я не выдержал и тоже заплакал.

Мы с Карлосом Линенфельдом-сыном (его ли это имя или имя его отца, я так и не уточнил, не до того было) обнялись.

И стало так тепло на душе! Надолго ли, я не знал еще.

Когда они спросили, к кому я еду, я сказал, что «к сестре». Это их успокоило. Не смог я им сказать, что Софа - кузина, сестра троюродная, что с ней и ее дочерью я познакомился проездом через Киев совсем недавно. Что живут они в тесной съемной квартире втроем. Впрочем, сие вряд ли что-то изменило бы.

Мой визит к Софе Трубовой и ее дочери Аллочке мог бы состояться и раньше, но так уж получилось, что я почти не общался с родней, живущей на Украине, хотя отец то и дело навещал родичей, чуть ли не каждый год. До сих пор жалею я о том, что «не роднился» с теми немногими.

Ведь отпуск у «шкрабов» - целых два месяца, успел бы съездить и на юг, к морю, и к родне.

Еще при визите в Киеве я обнаружил, что довольно пожилая кузина моя Софа весела, добродушна и гостеприимна. Ее дочь Алла, полненькая, пухлогубая, была как-то осторожна в общении с нами, как бы закрыта, но она тоже понравилась, я чувствовал в ней человека славного. И не ошибся.

Но запомнился мне тот наш приезд в город моего рождения не родичами, а посещением Бабьего Яра.

Мы с Идой подошли к Бабьему яру. Это было утром.

Туман стоял.

Холод пронизывал меня, но холод особый - не от тумана, а от черной жути этого места. Я как бы (или без «как бы») общался с душами тех тысяч и тысяч, которые лежат здесь, несчастные братья и сестры мои, невинно погубленные по воле маньяка,

Тиюль. На фоне кнессета

Вышли из здания. Долго пришлось ждать транспорта в образовавшейся очереди. Было жарко, и пот пропитал не только белье, но даже костюм.

Развозил нас шофер маршрутки довольно долго. Высаживал пассажиров в разных местах. Моя очередь была последней.

Когда мы въехали в Рамат-ашарон, он спрашивал прохожих, где улица «Штифтей Израэль». Меня это удивило, ибо «шивтей Израэль» - это колена Израиля, а штифты никакого отношения к ним не имеют.

Возможно, шофер был мало знаком с ивритом, а уж с ТАНА-Хом - и подавно. Он мог быть таким же репатриантом, как и я.

Из какой-нибудь иной страны - не из России.

Еще более она скукожилась, когда мне выдали в аэропорту только 350 шекелей, так как я приехал один, а не с супругой.

Я еще не знал, что мне постепенно будут выдавать неплохие суммы для поддержания жизни.

Я не на шутку обеспокоился. На что жить буду? Выживу ли вообще? Неужто стану бомжом?

Тиюль. На просторах морских

Красавица Фира стирала мое белье, выделила значительное место в холодильнике, подсказывала решение бытовых проблем. Володя помогал мне с компьютером (даже тогда, когда я позже жил с Идой не у них, а в подвале), Ника приносила мне скрепки для листов с моими произведениями и дарила свои рисунки, Марина рассказывала мне много полезного о стране, о Рамат-ашароне.

Эта милая девушка всегда находила слова, чтобы успокоить, когда я чересчур сильно нервничал из-за новых проблем.

Надо сказать, что я намеревался поселиться у ивритоязычных хозяев и тем самым волей-неволей *погрузиться в язык*, чтобы успешно овладеть им, но так как благодаря заботе моих родственников получилось иначе, я сразу же пошел в ульпан, расположенный в матнасе (что-то типа дома культуры) Леви.

Там поступил в группу работающих, где занятия проходили гораздо чаще, чем в группе пенсионеров, да и сами уроки более интенсивны были.

Однако мой словарный запас пополнялся медленно, так как я главным образом стремился овладеть морфологией и синтаксисом.

Галья Ашкенази, преподаватель в моей группе алеф, оказалась человеком добрым, чутким и понимающим новых репатриантов.

При случае я готов был всегда выступить на любом форуме от имени олим хадашим мэрусия (репатриантов из России).

Покупал газету с огласовками (специально для овладевающих языком), но прочитав несколько строк, уставал.

В домашних заданиях я выполнял только половину, иногда чуть больше, тратя на это часы и часы. Правда, я слушал с удо-

вольствием прекрасные уроки Цили Клепфиш по радио «РЭКА», конспектировал их.

А вот повторял пройденное не систематически и - увы! - не часто. Поэтому получалось, что работал почти вхолостую.

Я все еще хотел погружения в язык, но это не получалось ни в те дни, ни позднее. Конечно, виноват я сам, потому что мог бы погружаться и не на месяцы, как планировал в мечтах, а на часы, но ежедневно. Мог бы и в кибуц (нечто вроде колхоза или коммуны в СССР) обратиться, пожить там, что-то делая полезное для коллектива и одновременно язык изучая.

Ида до операции.
Рядом - наш друг Йосеф.

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ПОПЫТКИ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМ

Поскольку я до репатриации успел окончить курс интенсивного изучения английского языка, начальный курс экстрасенсорики по школе Джуны (так утверждается в документе), курсы классического массажа, а также актерский и режиссерский факультеты в ЗНУИ, то мне казалось, что в Израиле я найду всему этому применение как доброволец-митнадев. Буду полезен!

Но не тут-то было!

Потерпел фиаско по всем направлениям.

Первое направление.

Чтобы укрепить собственное знание английского и одновременно дать что-то желающим его изучать, я выбросил объявление в матнасе Леви. Объявил и о символической плате - десять шекелей в месяц (это мне посоветовали «бывалые»: так тебе скорее, мол, доверятся, и придут).

На первое занятие пришло около пятнадцати человек, в центре первого ряда сидела пожилая женщина, улыбаясь, дама обратилась ко мне по-английски.

Я ответил по-русски, Понял: меня проверяют. Желание заниматься с осторожными учениками испарилось мгновенно.

Позже я помогал старшему сыну Ольги, приятельницы: он в школе отставал по языку. Конечно, денег я от друзей не брал.

Но когда мальчик всех догнал, они привезли мне его старый компьютерный стол, за которым я и сейчас работаю. За что весьма благодарен Ольге Перепелицкой.

Да и в хостеле обращались ко мне с просьбой перевести какой-нибудь документ с английского (с иврита - тоже), я никому не отказывал.

Второе направление. Заниматься лечением людей на базе моих знаний «школы Джуны» я не стал: мне серьезно отсоветовали ватики (старжины). Все же как-то - просто в доказательство - снял головную боль местному экстрасенсу, молодой даме, чем ее удивил несказанно. А во второй раз я при снятии напряжения обнаружил что-то очень злое у племянницы Аллочки на уровне груди - она, бедная, как выяснилось потом, была поражена раком.

Если бы она обратилась ко мне раньше ...

Третье направление. Драматический коллектив я готов был создать, и Дима, сын моего друга Льва Алкина, учившийся в школе, набрал уже группу русскоязычных ребят. Но уперлось все в

*О святая земля! О загадка Вселенной!
В этой нежной и грозной полнотной тиши
Я не гость — я твой сын, льется гимн дерзновенный
Из глубин потрясенной свиданьем души.*

Тиюли особенно ярко усиливали эйфорию. Мы побывали в Иерусалиме, на Голанах, в пустыне Негев, в пещерах, на горячих источниках, в Хайфе и во многих других местах.

Поражало все: и экскурсоводы-риторы, и символическая плата за тиюль, которую с нас брали, и роскошные обеды в пути (все включалось в оплату).

Удивляла полная обеспеченность экскурсий санитарными узлами - и постоянными, и перевозными (деталь немаловажная для путешествующих старцев).

Случались в те дни и малые, и крупные террористические акты, но мы были уверены, что нас хорошо охраняют, и не только вооруженные автоматами охранники (почти при каждой поездке был с нами охранник), но и сама судьба наша на Святой земле.

Рассказывая нам о местах, через которые мы проезжали, гид говорил о войнах Израиля за независимость и за свое существование. Говорил гордо о героизме солдат, сражавшихся с превосходящими по численности и вооружению агрессорами. О тех молодых, которые уже никогда не станут пожилыми. Об их осиротевших родителях.

Сердца наши переполнялись чувствами сложными, таящими в себе боль - и гордость, восхищение - и благодарность.

расстроенный, - и увидел жену сидящей во дворе с вещами. Радость встречи была крепко испорчена.

Зато квартира Иде понравилась. У нас были две спальни (одну я превратил в свой кабинет). Салон с телевизором, лоджия, кухня, ванная и туалет были общие с Эстер, матерью хозяйки.

Эта женщина имела проблему с ногами, большую часть дня сидела и читала классическую литературу на русском языке. Она, как и мой отец, была дочь раввина. Иногда она рассказывала о своей былой жизни.

По договору мы должны были присматривать за ней, когда *метапелет* (что-то вроде синтеза кухарки и няни) не приходит к ней. Метапелет была женщина интеллигентная и очень порядочная, но она приходила только на три часа в день, готовила завтрак для Эстер. В выходные дни и сама Фаня приходила, чтобы помыть свою маму, убрать в квартире. Готовила питание старушке на неделю.

Мы и с Фаней, и с ее мамой подружились. Еще я подружился с Аликом, сыном Фани, высоким, сильным, смелым и красивым молодым человеком, отчаянно гонявшим на мотоцикле и пользовавшимся большим успехом у лиц женского пола.

Подружились и с мужем Фани, славным Наумом.

Платили мы за жилье сравнительно мало, у нас получалась экономия. Ида и сама почти сразу стала трудиться в качестве метапелет (о работе по специальности без знания языка не могло быть и речи, да и возраст ее - пенсионный - мешал).

Потом нашлась ей еще одна должность: убирать подъезд (заодно - и двор, хотя по положению об уборке двор исключался).

Этот период, первые шесть лет в Стране, я спроецировал в фантазмагорический опус «Ахиня Аарона», где действие длится лишь один год. Главная причина создания книги - накопленные впечатления и стремление показать нашу алию в ее «пенсионной» составной части в период абсорбции.

роль переводчика не допустили. Мы пошли домой, расстроенные и безмерно оскорбленные.

А через некоторое время пришло письмо из прокуратуры Тель-Авива, где сообщалось, что дело о краже изучено и обвинение с Иды снято.

Быт нас не особенно тревожил, мы привыкли в Союзе к трудностям.

Овощи и фрукты почти всегда удавалось покупать со скидкой, особенно перед субботой.

Иногда мы ездили в Тель-Авив на шук (рынок) Кармель, там удавалось еще дешевле купить повседневную пищу: фрукты, овощи, рыбу, мясо.

Кроме того, на шуке намного дешевле, чем в Рамат-ха-шароне, были носки, платочки носовые, кошелек или шапка.

Как-то мы поехали с Идой в гости к Мише Бритвану, моему бывшему ученику, а затем - другу. Миша был весьма талантлив, он окончил консерваторию по классу скрипки, прекрасно работал как кутюрье. Ида привезла в Израиль дивное платье, которое он ей сшил в Омске.

В Зихрон-Якове с Мишей жили жена и две дочери. Мы с удовольствием там погостили и ждали их в гости к нам - и вдруг позвонил Михаил Загоренко и сообщил, что Миша со старшей дочерью Майей погибли в автокатастрофе.

И это в то время, когда его бизнес обещал продвижение, когда открывались серьезные перспективы талантливому кутюрье!

Тем временем и у нас самих жуткая беда надвигалась. Ида стала заметно худеть, хотя мы еще не думали о той страшной болезни, которая уже **съедала ее кишечник**.

Последствия рентгеновского облучения на работе ...

С ним отношения складывались намного лучше, чем с его сыновьями. Жена Яира окончила Оксфордский или Кембриджский университет, оставаясь при этом, ультраортодоксальной иудейкой.

В подвале я продолжал овладевать компьютером. Писал стихи, рассказы и пьесы. Купил дешевенький игольчатый принтер - и печатал свои опусы. Потом стал учиться переплетать книжицы. Хорошие люди помогали в приобретении приборов и в обучении пользованию компьютерной техникой. Не раз приходил добрейший Володя Порхунов, он уже неплохо справлялся с компьютером сам и мне помогал.

Неоценимую техническую помощь оказывал (и позже - также, неоднократно) бывший сосед Фани - Лев Алкин, который стал моим добрым бескорыстным другом. Я ему дарил мои «самиздатные» книжонки (те, что я сам набирал, печатал и переплетал).

В подвале я написал автобиографические повести «Первый тайм» «Блудный сын», «Мышонок», «Еврейчик», «Аннигиляция», «Судьба», «Одиннадцать ночных рассказов», - много рассказов и стихотворений.

Здесь же, в подвале, я писал фантастику, сброшюровал и переплел книжки-самоделки «Его звали Боб», «Сиреневое поле», «Сигнал».

Я также рисовал в компьютере, тщетно пытаясь одолеть компьютерную графику. Карандашом получались лучше.

СТРАШНАЯ БОЛЕЗНЬ ИДЫ

Ида легко находила работу. И не одну. В те дни много было заявок на *домашних чернорабочих*. Сначала она работала в центре города у очень милой женщины-писателя. Эта женщина пыталась

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

щи дарил. То и дело подвозил меня на своей телеге, если нам с ним было по пути.

Работала Ида и у Варды, сравнительно молодой женщины. Чистота в квартире была идеальная, но тем не менее Варда приглашала озерет (помощницу). Ида проработала у Варды недолго, но за это время женщина подарила ей две пары ручных часов и еще всякой всячины.

Жена стала жаловаться на тошноту, по утрам начались рвоты. Я забил тревогу, мы пошли к гастроэнтерологу Рону Ишаю, он сделал колоноскопию и обнаружил опухоль кишечника.

Она оказалась злокачественной. Рон Ишай, собравшийся уже в отпуск, тем не менее добился срочной операции для Иды. Добрый человек! Славный врач! Спасибо тебе!

Диагноз нас ошарашил. Это было ужасно. Я поехал вместе с Идой в клинику «Вольфсон». Там дневал и ночевал, пока ее не прооперировали и не разрешили забрать ее домой.

Когда везли жену с операции, она открыла глаза, но не узнала меня. Она стонала - громко, тяжело, трагически, это было непривычно и страшно: такая сильная, волевая, Ида впервые была жалка и беспомощна.

Я молился все дни Вс-вышнему, я просил, умолял.

Я выл, когда на несколько часов приезжал за чем-нибудь из клиники домой - до самого возвращения любимой жены моей. Волком выл ...

Прибегала на этот вой добрая соседка Софа Басс, снимавшая с мужем большую квартиру на верхнем

Мы с Идой. Танго. Клуб.

Те, кто проходил химиотерапию, говорили об одном вливании в неделю или в полмесяца. Я был обеспокоен.

Ида стала стремительно терять в весе, ее качало, она слабела, волосы выпадали. А надо было, по словам доктора, после этого интенсивного курса лечения еще год проходить химиотерапию! Правда, один раз в неделю. Стало ясно, что она не выдержит.

Пошли к Даниэлю Ландсбергеру, семейному врачу. Он сказал, что «фифти-фифти»: может быть, надо продолжать, но может быть, лучше бросить химиотерапию.

Подумав, склонился к мнению Иды: прекратить.

Но состояние ее продолжало ухудшаться стремительно. Настал день, когда ее, как говорится, к смерти погнало.

Нас посетил в нашем подвале Ландсбергер, и Иду сразу же направили в ту же больницу «ШИБА» на стационарное лечение.

Я ее отвез в приемное отделение - и был поражен не столько тем, что ее, тяжелую, весь день продержали в переполненном приемном покое (потом я убедился, что это - вынужденная традиция), сколько тем, что ее принимала-оформляла молоденькая практикантка ... из другой страны.

О, я еще не знал всех особенностей организации здравоохранения, особенно - приема больных в Израиле, которые я и на себе испытал, став онкологическим больным. Но хочу жарко поблагодарить персонал больниц, перегруженный огромным объемом работы и при этом в большинстве своем остающийся внимательным и заботливым спасателем больных, слабых и беспомощных людей.

Утром позвонил в больницу, ожидая услышать об улучшении, но узнал с гневом и страхом, что Иду положили не в онкологию, а в гериатрию.

Хотя набрать свой прежний вес (80 кг) она уже никогда не могла, лишь однажды было 58, а то все время - от пятидесяти двух до пятидесяти четырех килограммов.

Она начала снова работать!

Едва на ногах держась, качаемая ветром, работала ... Возможно, именно этим, шаг за шагом, укрепляла она свое здоровье.

Удивительная сила воли!

Удивительное мужество! Удивительное жизнелюбие!

Героизм повседневного бытия!

Я ей делал бесконтактный массаж. И классический массаж тоже делал - сначала ежедневно и продолжительно. Потом, год от года, все реже, короче и слабее (уставал все быстрее, руки зажимались до судорог).

Иде мой массаж помогал. Она как бы обновлялась.

Я радовался.

Не зря учился я!

Я ругал себя за то, что не писал в Омск.

Вот где я действительно был виноват! Особенно перед Владимиром Николаевичем Юргенсоном.

Почему не писал? Да потому что не был уверен в том, что мою репатриацию поймут ... Я ведь еще до репатриации слышал о том изменении в отношении сотрудников и даже приятелей, которое происходило при решении того или иного семейства еврейского выехать и Советского Союза.

Как я был не прав по отношению к моим омским друзьям, выяснилось гораздо позднее, когда друзья эти сами меня нашли в Интернете, через других репатриантов или каким-то еще путем.

И я начинал переписку с ними.

Но Володи Юргенсона, моего дорогого друга, к тому времени уже не было.

ПИСЬМА ХОСТЕЛИАНА

Я не раз в те дни заходил на склад, где работали митнадвим (добровольцы). Я восхищался ими. Один из них, Эдуард, оказался художником. Я напросился к нему в кружок при одном из клубов.

Этот человек был очень нервный. И причину я понял, когда он стал рассказывать о прошлом. Так, например, при отступлении в первые дни Великой Отечественной войны Эдуард вместе с другими попал в окружение - и свой же советский офицер хотел его расстрелять. Только немецкая атака спасла еврея-солдата от офицера-жидоненавистника.

И таких случаев много было в жизни старого художника.

На складе был хороший духовный климат, там грели душу. Чарли Берман, главный человек на складе, не говорил по-русски, мы с ним объяснялись на иврите и на английском.

Он хотел создать клуб для нас, олим хадашим (новых репатриантов).

Предлагал мне возглавить «борьбу» за создание этого клуба.

Еще была на складе Рахель, черноглазая пожилая женщина с очень симпатичным лицом чуткого человека. Мягкая, душевная.

Я удивился, когда увидел ее на праздничной улице с оружием: она и здесь была митнадевет, добровольно охраняла запруженную народом веселую улицу.

Я проникся бесконечным уважением к ней.

Но вот в Израиль поднялась супружеская чета - Кальман (Колман?) Фрид и Софа (Соня) Сойфер. Мы познакомились. Фрид сразу мне понравился.

Веселый, жизнерадостный, открытый, этот высокий крепкий еврей в свое время, как он говорил, мог убить быка одним ударом кулака. Его биография, начавшаяся рядовым трудом в крымском еврейском колхозе и завершившаяся должностью директора сов-

хоза в Пензенской области, внушала уважение.

Первая жена его ушла навсегда в связи с онкологическим заболеванием, поэтому он меня так понимал, как никто другой.

Вторая жена приняла под крыло его четверых сирот. И у нее самой была дочка по имени Рита. Вместе, дружно, воспитывали они всех этих детей.

Меня избрали председателем совета клуба. Но подлинной душой совета и всего клуба был Моше Луфер.

Мало на белом свете таких добрых людей, таких отзывчивых, всегда готовых помочь ближнему, таких открытых и честных, каким был он. Моше чинил нам обувь и водопроводные краны, ремонтировал электроприборы - и брал деньги только за материал.

Голосом мощным пел «Лом мир алэ ин эйнем, ин эйнем» и «Гумбалалайк»...

Он почти дожил до ста лет, уважаемый и любимый всеми.

Благословенна память о нем!

Поскольку мы готовили мероприятия тщательно, то и жизнь в клубе была ключом.

Одно мое новогоднее поздравление членам клубам я завершил словами:

Мы с Идой. Танго. Клуб.

*И руки дружбы
пусть в пожатье
Врагов былых соединят,
И на планете люди-братья
Пусть мир любви соорудят.*

Иногда я читал на вечерах свои стихотворения (не поздравления) и рассказы. Они тоже, как мне казалось, людям нравились.

Потом талантливая Вера Саркисова стала мне помогать своими стихами, и я был рад этому. Вера и песни писала, и сайт в Интернете свой создала, и Маре активно помогала готовить материальную часть вечеров (от расстановки мебели до закупки подарков и приготовления угощений).

Проработав в качестве председателя три с половиной года, я устал, меня мучили приступы стенокардии (я все принимал близко к сердцу, особенно меня выбивали из колеи столкновения с моими товарищами, когда я затруднялся внести в деятельность клуба очередное новшество или встречался с неверным поведением кого-либо).

Подчас приступы были так сильны, что приходилось принимать не одну таблетку нитроглицерина (хорошо, что привез с собой), а две и даже три подряд. Позднее мне объяснили, что это - **опасно и вредно** ...

Особенно страшно мне бывало, когда сильнейшей кинжальной болью в груди приступ начинался во тьме ночной.

После такого приступа я долго не решался снова лечь в постель: боялся, что лягу - и не встану.

И поэтому я подал в отставку и с двойственным чувством успокоения и сожаления ушел со своего поста, оставаясь в то же время активным участником всех мероприятий клуба. ***

Потом я послал несколько своих статей о славных людях, которые жили в хостеле знал. Статьи печатались в той же газете (в рубрике «Еще не вечер»).

Когда я узнал о неизлечимой болезни Владимира, а затем - и о его уходе из этого мира, я сильно переживал.

Благословенна память о нем!

ПИСЬМО ВТОРОЕ. СИНАГОГА

Здравствуй, дорогой друг!

Прежде чем рассказать тебе о нашем переезде из подвала в приличную квартиру в хостеле, я должен тебе отдельно рассказать об еще одном изменении в моем мировоззрении после СССР.

Кольман Фрид привел меня в синагогу «Морешет авот» (наследие отцов), расположенную недалеко от нашего полуподвала, а к его дому - еще ближе. Мы стали ходить молиться по субботам к восьми часам утра.

Потом Фрид стал ходить ежедневно два раза: утром и вечером.

Вот почему. Взрослый сын Риты, его приемной дочери, способный компьютерщик, утонул. Надо было в соответствии с иудаизмом читать кадиш (заупокойную молитву) в течение года утром и вечером в синагоге. Или заплатить кому-то за чтение кадиша большую сумму. И Кальман ради семьи мужественно сам взялся за это.

Молиться в будние дни начинают в шесть тридцать утра. Поэтому я хожу только в субботу. К восьми часам.

Первые дни мне в синагоге было до того хорошо, что я как бы заново объявился на планете Земля. Все здесь было священо, все изливало таинственный невидимый свет Космоса. Я чувс-

- Говорят, что ты не обрезан.
- Хочешь, покажу? Прямо сейчас! - взвинтился я.
- Нет-нет, не надо. Я тебе верю, - отступился от меня друг.

Узнав, что в нашем клубе весело отмечают новый год, Шломо взволновался необычайно:

- Это же день рождения папы Сильвестра, губителя евреев. Как можно?

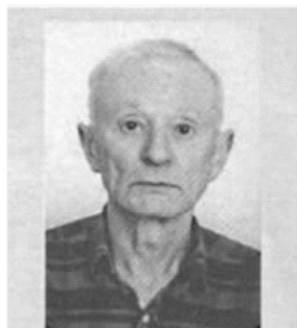
Позднее я узнал в интернете, что было пять Сильвестров, а врагом евреев, губителем, объявлен лишь первый (жил во время императора Константина), бывший по сути не папой, а епископом Римским.

Кроме того, ни один из этих Сильвестров, на мой взгляд, не был лицом исторически важным, хрестоматийным.

Однако Шломо стоял на своем: Сильвестр - губитель, в день его рождения нельзя устраивать праздник радости.

Габай (староста) синагоги, высокий и худощавый Яков Гилады, обладал сильным тенором, гибким, способным трогать сердца глубоко. Этот мой ровесник побывал в Освенциме, откуда его освободили истощенным до 29 килограммов (а рост его примерно 180 сантиметров) ...

Яков не раз помогал мне, объясняя те или иные моменты в молитвах и ритуалах. Он подарил мне мешочек для

לטייל ברמת השרון ולכתוב על זה שירים

אלכס גרזון - בן 70, עלה ארצה מרוסיה לפני 6 שנים. היה מורה להיסטוריה של התרבות, האמנות, הפילוסופיה והלוגיקה. כיום אלכס מכהן כיו"ר ועד במועדון הנימלאים "התקווה" הפועל במתניס לוי. במסגרת תפקידו הוא יוזם ושותף פעיל בתכנון ובארגון פעולות חברה ותרבות במועדון למען ציבור העולים הפנסיונרים. אלכס מעודד שילוב העולים בקרב הוותיקים במסגרות שונות ביישוב - בטיולים, בימי כיף ובמסיבות.

Из журнала "Дорот" 1998

Когда меня первый раз вызвали к Торе, я едва не лишился сознания от волнения, а когда я произносил благословения, я чувствовал, что общаюсь с Ним, с Повелителем Вселенной. И кроме слов на иврите и арамейском я обращался к Нему еще и по-русски мысленно и просил прощения за свои прегрешения, просил здоровья семье моей, просил мира и процветания стране Израиля, стране моих предков (теперь - и моей стране).

Просил помощи всему еврейскому народу в борьбе с юдофобскими заблуждениями многих людей все еще прекрасной, но жутко терзаемой человечеством планеты Земля.

В йорцайт (годовщину ухода из жизни) моих предков благодаря будильнику я вставал в пять часов утра и приходил в синагогу в шесть часов с минутами: мне ведь надо было успеть к шести тридцати наложить правильно тфилин, произнеся при этом положенные молитвенные слова.

Не сразу научился я накладывать тфилин на руку и на голову, мне помогали мои товарищи, которые, конечно, были настоящие иудеи, не мне чета. Особенно один из них, Авраам, - невысокий, худенький, говорящий на иврите с французским акцентом. Мне сказали, что он работал в свое время в системе то ли Моссада, то ли МИДа. Я сидел и стоял рядом с ним, и он опекал меня.

Однажды я спросил его:

- Авраам, ты ходишь в Интернет?

- Почему бы нет? - удивился он как бы сердито даже.

Я хотел с ним общаться по Интернету, но постеснялся своего бедного и не всегда верного иврита: знаю по себе, как тяжело общаться с человеком, который слова из себя выдавливает, как остатки зубной пасты из тюбика.

Авраам довольно рано ушел из жизни - и что-то внутри меня опустело.

Я его уважал безмерно, благословенна память о нем.

Одно время я был охвачен желанием создать новую религию - религию любви и братства между людьми всех рас и национальностей. Она, по моей мысли, должна была бы не исключать, а дополнять все существующие ныне религии. Языком ее, по моему мнению, должен был стать язык английский, которым владеет в той или иной мере половина человечества.

Конечно, по большому счету, лучше был бы простой и логичный язык эсперанто, но прагматически, рассуждал я, стоило бы начать с английского (хоть половина человечества тогда стала бы на путь общей истины одновременно, при этом не изучая дополнительного языка).

Храмов особых, думал я, не нужно, обрядов - тоже. Молитвы должны быть свободны по форме, главное - *взывать к Вс-шей Силе с верой в ее добрый отклик, с надеждой и благодарностью за все то, что есть у тебя. И понимать при этом, что пути Вс-вышнего неисповедимы.*

Что им не свойствен человеческий характер реакции на то или иное явление.

Нелепо искать «логику» и «справедливость» человека в деяниях Господина Вселенной.

Возмущаться Его «несправедливостью» так же нелепо.

Достаточно позитивно действовать в реальной жизни на благо всего человечества.

Я полагал, что люди могут и должны собираться в больших залах изредка и слушать проповеди мудрых активистов новой, дополнительной, веры.

Потом я понял маниловский характер этого прожекта своего, отказался от него.

Разве можно убедить примитивного фанатика-атеиста или такого же по сути маньяка-фанатика любой веры внять голосу **истинной души своей** - *глубинному, единственно верному голосу?! От Высшего Добра идущему?*

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

Я свидетель ее работы с новичками по изучению языка, я видел, как она готовит ребят по математике, я сам не раз к ней обращался в трудных случаях. Она всегда была внимательна, чутка и безотказна.

Русский язык Шуламит Моэнблат был не очень правильным, но вполне достаточным для понимания нами - по объему лексики и по синтаксису, с ней легко было объясняться на русском. Если же ты переходил на свой несовершенный иврит, она говорила с тобой на иврите, тактично поправляя твои ошибки.

Помню, еще до приезда Иды, у меня были серьезные трудности финансовые. Шуламит пригласила меня вечером в клуб на улице Азаит, где она преподавала математику, и дала мне конверт с крупной банкнотой.

Я спросил, от кого эта помощь, но Шуламит сказала:

- Один хороший человек пожертвовал. Он не ждет благодарности.

А я подумал о том, что есть пути неисповедимые. Потому что именно тогда, когда мне бывало туговато с деньгами, я находил то и дело купюры в пятьдесят шекелей. Так и сейчас, когда стало весьма туго, именно сейчас Шуламит помогла мне через *незнакомаго* благотворителя.

И вот что интересно: едва мы с Идой обустроились в хостеле, с того момента я ни разу не нашел даже пяти шекелей.

Шуламит Моэнблат

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

пешком немало километров под страхом обнаружения и под бомбами.

Мне объяснили: *тем* людям приходит ежемесячное пособие в связи с их трагедией. И я решился, написал прошение, приложил те документы, которые сохранили мои покойные родители, и через некоторое время пришел положительный ответ.

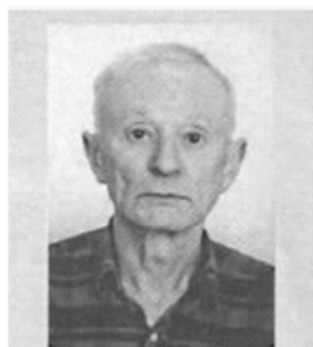
Отдав адвокату, как положено, десятую часть полученной суммы, я положил четыре с половиной тысячи марок в банк «на черный день». Правда, нет-нет да и снимал какую-то сумму для оплаты издаваемых книг моих. Уйму денег ухлопал на издание!!!

Вместо того, чтобы отправиться в круиз, как делали и делают люди более умные и более практичные, чем я. Вместо того, чтобы слетать в Омск и поклониться могилам предков, встретиться со старыми друзьями ...

Случалось и мне попадать на полосы газет и журналов в качестве информационного объекта. Опять Шуламит?

Так, например, обо мне коротенько написала в журнал «Дорот» (поколения) одна дама, взявшая у меня интервью на иврите. От кого она обо мне узнала? Полагаю, от Шуламит.

Даме понравилось, видно, что есть такой чудак в городке: ходит, ходит, стихи на ходу сочиняет. Попросила прислать ей мою фотографию. Я пос-

לטייל ברמת השרון ולכתוב על זה שירים

אלכס גרזון - בן 70, עלה ארצה מרוסיה לפני 6 שנים. היה מורה להיסטוריה של התרבות, האמנות, הפילוסופיה והלוגיקה. כיום אלכס מכהן כיו"ר ועד במועדון הגימלאים "התקווה" הפועל במתניס לוי. במסגרת תפקידו הוא יוזם ושותף פעיל בתכנון ובארגון פעולות חברה ותרבות במועדון למען ציבור העולים הפנסיונרים. אלכס מעודד שילוב העולים בקרב הוותיקים במסגרות שונות ביישוב - בטוילים, בימי כ"ף ובמסיבות.

Из журнала "Дорот" 1998

Нам сказали, что сначала квартиры в этом здании местные власти распределяют между пенсионерами и предпенсионерами города Рамат-ашарона. Полагаю, на таком решении настоял наш славный мэр Эфраим Хирам (Пехотка). Он искренне любил нас.

Нам сказали, что когда мы заселим свою четверть площади (столько лишь набралось нас в Рамат-хашароне), будут вселять сюда и пенсионеров-репатриантов из других городов.

Мы еще не подозревали, что этим делом будет заниматься только наш отдел Министерства абсорбции. Что именно там будет происходить распределение квартир в здании ...

Ида присмотрела себе квартиру в углу верхнего этажа и стала составлять список кандидатов на жилье с учетом их пожеланий.

Список отнял у нее много времени и нервов.

К ее радости, не нашлось претендентов на ее желанную квартиру. Зато было много споров и скандалов. Наконец, все пришли к согласию, и список желаемых квартир был представлен местному отделению Министерства абсорбции в Раанане.

Какова же была досада моей супруги, когда в Раанане сказали, что сей список - пустышка: **положена жеребьевка - и только так и будет**. Я же не удивился, я был изначально **уверен**, что ее список - фантазия. Просто не сумел ее отговорить.

- Хорошая наука *инициативным добровольцам*, - мрачно процедил я, в душе жалея практичную, но на сей раз оказавшуюся наивной и неудачливой жену свою Иду.

Настал драматический день: мы тянули жребии при распределении квартир между жителями нашего города.

Сначала я от волнения вытянул сразу две бумажки и ахнул, положил их скорее обратно в урну.

На меня при этом мрачно и злобно посмотрела дама из Министерства абсорбции.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

ния злобных эмоций. И все происходило здесь, в этой фантазматической лотерее, как бы **по закону**.

Не раз я встречался с агралой (жеребьевкой) и никогда никто - из народа - не контролировал этот непонятный мне процесс!

Социальный работник Мара делала мне какие-то мимические знаки, которых я не понимал. И от этого еще сильнее нервничал.

По моему телу (не от решения дамы, а от ее злобной ненависти), огненно разливалась черная желчь унижительной придавленности, меня сжигало ощущение несправедливости.

Я задышался, боль в сердце нарастала ...

Уйти! От этого живого сосуда злобы и ненависти.

Хостель в Рамат-ашароне. Вид с улицы Дов Оз

Я в тот миг едва не разразился отказом от всякой квартиры, Я едва не поломал в помещении все, что можно руками и ногами сломать.

С трудом унял яростно, нетерпеливо подергивающиеся агрессивные руки и ноги.

Пойти бы к мэру, попросить его помощи. Но я **ничего уже не хотел, ничего уже не мог. Я ни во что уже не верил ...**

Откуда никто не может выгнать, никто своевольно не повысит плату! Правда, нельзя никому передать это жилье, так ведь не купили его, просто арендуем и арендную плату вносим.

Арнону (плату за аренду земли) город не берет с нас, а это - 200 шекелей экономии в месяц примерно! Спасибо городу!

Потом мы купили кондиционер. Правда, при его установке монтажник изгадил стену в спальне накладным жёлобом для кабеля, идущим посреди нее почти во всю ее длину - от двери до наружной стены дома. Я решил что-то поставить на этот желоб, чтобы как-то компенсировать уродство стены. И поставил позднее живописные этюды, подарки друзей. Получилось почти красиво.

Шкафы-антресоли в салоне, спальне и кухне, стенной шкаф, кухонные шкафчики нам сделали русскоязычные мастера из Германии.

Удивительно, как мы сумели все эти емкости заполнить ненужным барахлом до предела, да еще и комнаты захламили.

А нам все дарили и дарили добрые люди.

Не выбрасывать же ... Квартиру изгадили, можно сказать.

Мы понимали абсурдность своего поведения. Нет-нет да и говорили друг другу:

- Надо распрощаться с барахлом!
- Да, надо выбросить девяносто процентов!
- Пора начать очистку квартиры от лишнего!
- Да-да, пора.

И все оставалось, да и остается до сих пор по-старому. Окончательное захламление было достигнуто с помощью моих книг, которые (половина тиража) после издания были доставлены на

теля г-н Сарусси оказался заботливым человеком, эм-байт (буквально - «мать дома») Ольга, жившая на нулевом этаже, и днем, и ночью была готова прийти на помощь.

Ав-байт («отец дома») Леонид Швайбель, инженер-сантехник, решал быстро все бытовые технические проблемы.

Вся команда была хорошей, все работали честно и красиво.

Среди нас, жильцов, оказались и парикмахеры, и врачи, и слесаря, и электрики, готовые помочь любому бесплатно или за символическую плату.

Приезжали на своих машинах продавцы овощей и фруктов, мясных и молочных продуктов, одежды и обуви, посуды и косметики.

Мы чувствовали себя, как в санатории. В чем-то даже лучше.

Когда Ида уходила на работу, я позволял себе петь.

Как когда-то. Правда, без аккомпанемента. Не было рядом Фирочки, которая в Красногорске не раз мне аккомпанировала и даже что-то записала на магнитную ленту.

Что я пел? Да весь свой старый репертуар. Арии. Иногда я пел «Аве Мария» Франца Шуберта, но потом решил, что как иудей не должен петь громогласно эту прекрасную по форме и по духу песнь. Не в концертном же зале нахожусь! Ты улыбаешься, мой друг? Мне и самому смешновато.

Пение мое было, как мне казалось, достаточно терпимым для тех, кто слышал из-за двери или из окна. Правда, если спали во время сиесты, то мое пение могло только возмущать соседей ...

Стал работать хоровой коллектив, в котором и я поначалу принимал участие. Даже сохранился фотоснимок.

Потом я для сохранения нервной системы ушел из хора, которому тем не менее помогал: сочинял что-то, печатал на принтере тексты песен, аплодировал в зале и кричал «браво» на концертах.

берг, нашего нового культработника, режиссера театра кукол по специальности.

Ее любили все - за искренность, за доброту.

До Лены была культработником Таня Устинова из Герцлии. Она тоже работала интересно, но почему-то ушла от нас.

Проявили себя активисты общественной жизни. Большинство из них участвовали одновременно почти во всех кружках и мероприятиях. Это положение сохраняется все время. Есть актив - и есть пассив. Актив самовыражается, пассив - сопереживает. Все довольны.

Был вскоре избран домовый комитет. О нем можно было бы рассказать немало драматического и смешного. Но это не входит в мои задачи. А сам я возражал против внесения моей фамилии в списки при голосовании, хотя всегда мог и посоветовать что-то, и помочь в меру сил своих просто как рядовой активист.

Я все еще не забыл страшные приступы стенокардии в бытность мою председателем совета клуба «Надежда».

ПИСЬМО ПЯТОЕ. БОЛЕЗНИ

Друг мой бесценный!

Это мое письмо будет довольно грустным. Возможно, и занудным. Речь пойдет о здоровье. Сколько я себя помню, я либо болел, либо выздоравливал, чем-то заболел надолго, а чем-то и навсегда. И почти каждый раз - по собственной вине.

Так, ребенком я жадно подбирал груши-падалицы в Фастове, обижая свой желудочно-кишечный тракт. В Алушке, взобравшись на деревья, ел незрелые яблоки, груши и сливы, ел всякие травы прямо с земли.

мученичества всевозможные потери, после чего, махнув рукой, удалил оставшиеся зубы и заказал съемные протезы.

Испытал ли я облегчение?

Ничуть. Начались новые муки.

Подтачивали мне то и дело протезы (хорошо, что хоть это - бесплатно), заказывал я новые, полоскал рот всякими средствами, но чаще снимал пластмассовые орудия пытки и с удовольствием жевал деснами кашу и простоквашу. Да, дорогой друг мой, я и сейчас так поступаю.

В хостеле я продолжал писать, редактировать и переплетать книжицы (чтобы дарить их близким людям). При этом много сидел за компьютером, усиливая болезнь вен (как выяснилось позднее - и артерий тоже) в ногах (и не только в ногах). Летом я пил много пепси-колы вместо воды.

Ида меня отговаривала от этой вредной привычки, но тщетно.

И тогда случилось ***это***.

Возможно, оно случилось от сидения за компьютером, возможно, от пепси-колы и панорамных снимков нижней челюсти, возможно, от жесткого облучения опухоли языка еще в Омске. Или сказалась наследственность. Или - все вместе взятое сработало.

И вот однажды днем я увидел, что в унитаз из меня льется не соломенно-желтая струя, а кровь. Я оцепенел от ужаса. Хотел прервать струю, но опомнился - дождался конца.

Прошел день, второй. Крови не было, но страх погнал меня к врачам. Сначала проверили ультразвуком простату. Обнаружили аденому и взяли восемь(!) проб на биопсию.

Это было болезненно, но лишь когда кончилось действие местного наркоза, я познал **настоящую** боль.

Не говорю уже об окровавленности белья.

не поднимать шума, поскольку стерильность показалась не нарушенной. Но обратился к Вс-вышнему за помощью еще раз.

Сутки после центура я пролежал еще там. Тяжелые были сутки: нельзя было приподнимать голову, не то, что вставать. Но я приподнял дважды - и получил здоровенные гематомы на животе и на ноге. Хорошо, что Ида была со мной неотлучно, помогала. Ей даже разрешили ночевать в моей палате.

Затем я пришел в больницу «ШИБА» для удаления опухоли.

Меня приняли в урологии, положили в палату, сказали, что завтра *будут оперировать первым*. Утром я рано помылся, приготавлился.

Ждал. Ждал. Ждал.

Мне принесли завтрак.

Я позавтракал.

Потом принесли обед.

Я пообедал.

В пять часов вечера объявили, что **отпускают домой**. Вот так я был «первым». Велели прийти снова послезавтра. Я был возмущен, раздосадован. А Ида (как врач) - еще больше.

Послезавтра я объявился, доложил о прибытии в регистратуре. Сел ждать. Ждал-ждал, Ида - рядом. Наконец, я не выдержал, так как видел, что других, пришедших позже, помещают в палаты. Подошел к регистратору и начал громко возмущаться.

Шум вызвал появление человека, говорящего по-русски. Это был Соломон, фельдшер. Он устроил меня в конце коридора у окна. Оттуда дуло, на улице было холодно. Я дрожал, просыпался, засыпал ... Наконец, утром меня повезли на каталке куда-то. Там было темновато, рядом стояли другие каталки, люди тоже, видно, ждали операцию.

Наконец, я плохо знал иврит, еще хуже - идиш, а рав не знал русский.

Но он принял меня тепло. Мне сразу стало легко. Просто. Ясно. Я ему сказал, что именно мне нужно, рассказал о себе, получил необходимую консультацию. Потом, приходя в мою синагогу, рав Эдельштейн всегда узнавал меня, называл по имени и фамилии, улыбался мне, и это было мне дорого. Когда же он молился, я удивлялся силе могучего голоса старого раввина.

И вот, снова так же волнуясь, как и в тот первый мой визит, пришел я к человеку, который, как я уже хорошо знал, пользуется огромным (и заслуженным!!!) авторитетом среди населения.

Рав отнесся ко мне сочувственно. Он задумался на минуту. Потом снял с полки книжного шкафа «Тэилим» («Псалмы»), поцеловал книгу и подал ее мне. Я тоже поцеловал эту книгу, поблагодарил Эдельштейна и, придя домой, поставил ее в книжный шкаф (точнее, в большую этажерку) - туда, где стоят тома «Зоар» и Танаха. Открывая книгу, я читал несколько строк соответствующего раздела, чувствуя прилив сил и энергии.

К стыду моему, я не сделал это чтение системой: трудно с ивритом, а об арамейском и говорить не приходится ...

Знаю, что это меня не оправдывает. Знаю ...

Потом еще не раз я обращался к раву - и всегда с добрым его ответом.

Рав Яков Эдельштейн - образец человеколюбия и благочестия!

Первая химиотерапия длилась полтора месяца. Я приезжал раз в неделю и два часа лежал с наполненным «отравой» мочевым пузырем, но не было положительного результата.

Сменили жидкость на более сильную, провели еще одну химиотерапию - еще шесть недель. На сей раз помогло!

Тем не менее, меня сбил с ног автомобиль.

Обнаружив себя на капоте, лицом к лицу с водителем, весьма пожилым человеком, я (в состоянии шока?) начал яростно изрыгать матерную брань. Затем спустился, чувствуя боль в левой ноге (всегда - левая ...) и продолжая изрыгать брань.

Водитель молча поехал дальше, а я пошел на почту, злой ужасно. Отправил заказное письмо, захромал в поликлинику.

Меня принял вне очереди ортопед, мне сделали перевязку раны и рентгеновский снимок ноги, и я двинулся в полицию. Женщина-дежурная сообщила весело, что виновник («человек весьма приятный») уже сам явился к ним и оставил свои данные.

Началась эпопея: компьютерная томография, физиотерапия, адвокат (Александра Лезгишвили, которую я давно знал и потому ей доверял), допросы в полиции, три тысячи шекелей компенсации от страховой компании сбившего меня водителя - и боли в позвоночнике, правда, начавшиеся позднее. Да и раньше у меня были проблемы с позвоночником, еще со времен Тары. Так что это могли быть и вернувшиеся старые боли.

Наконец, не могу не рассказать о случае недавнем и абсолютно *диком*.

Я не хотел падать.

Не хотел. Но упал.

С табурета.

Это случилось 3 сентября 2010 года. Я постирал вручную (экономия электроэнергии) немного своего белья и пошел его развешивать на балконе. Я уже сообщал тебе о том, что двери на балкон наши конструкторы-архитекторы не предусмотрели.

Для того, чтобы повесить что-то на дальнюю верхнюю веревку, надо стать на табурет. Стоя на табурете, можно потянуться - и повесить майку на дальнюю веревку.

Не буду описывать всех перипетий, я и без того утомил тебя, друг мой. Каюсь, поддался искушению старческому - о болячках болтать ...

Лишь через полгода рана затянулась.

В последний период я, презрев оковы просвещения, мыл ее водой с мылом, после чего сам делал перевязку по всем правилам. Мне помогала на этом этапе заботливая и добрая медицинская сестра из нашей поликлиники. До сих пор с благословениями и благодарностью вспоминаю эту энергичную, быструю, худощавую женщину, внушающую бесконечное доверие.

Долго встречные, увидев мою ногу (я ходил в шортах), отворачивались или непроизвольно меняли выражение глаз. А когда, наконец, я перестал думать о ноге, на нее упала подготовленная на выброс доска, стоявшая у двери, и ранила голень чуть ниже старой раны.

Но у меня уже был опыт и были материалы, и я в течение двух недель привел рану в состояние, позволяющее спать без повязки.

Снова после долгого перерыва начало прыгать артериальное давление. Причем - значительно: верхнее - до 185, нижнее - до 44! Головная боль, головокружение, тошнота сопровождали это явление.

Все же как-то все временно утряслось почти до нормы.

До поры до времени, как говорится.

Впереди было еще кое-что.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.РОССИЯ

Долго, даже очень-очень долго я не восстанавливал свою связь с Россией (исключение - родные, живущие там). Это была

русских людей, в юности слышанную и восторженно мною воспринятую:

Б-г один, а вера - разная.

О если бы два наших народа могли дружить столь же искренно, с той же симпатией и с тем же взаимопониманием, как Александр Бутюгов и я!!!

Но не в моих силах и не в моей власти свершить это ...

Ида первая стала получать пенсию из России. Я некоторое время колебался: я же получаю пособие в Израиле! И вообще ...

Жена ругала меня, возмущалась:

- Ты столько лет там проработал, все силы отдал Советам!

Я узнал, что другие жильцы хостеля, репатрировавшиеся из России, оформили документы и получают пенсию. И решился. Оформление оказалось не очень сложным. А деньги помогли при издании моих книг и при моих «зубных делах».

К сожалению, ежегодно приходилось проходить процедуру получения справки о нахождении в живых. А это требовало не только затрат, но времени и нервов.

Постепенно дело облегчалось: открыли еще одно консульство в Хайфе, поток уменьшился вдвое; установилась форма нашей связи с консульством через Интернет для получения очереди.

Ида все возмущалась: почему она не получает надбавки к пенсии за вредность, которую получала в России?

Написали мы в пенсионный отдел, и жена стала получать чуть больше, чем я.

Нашлись друзья-омички: Анна Радзивилловская и Елена Акелькина, Александра Чурина и Маргарита Чулковская, Лариса Чуйко и Галина Егорова.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ. ХОСТЕЛИАНЕ

Среди хостелиан появлялись все новые друзья. Обо всех я вряд ли смогу рассказать много, но все они помогали мне находить смысл в повседневном существовании моем. Все помогали бороться с силами Зла. Хотя не смог я среди них найти такого друга, как ты. Это не удивительно: старый друг, гласит народная мудрость, стоит новых двух. Да и трудно сблизиться в этом возрасте настолько, насколько мы были близки с тобой ...

В синагогу мы стали ходить вчетвером, когда я переехал в хостель. Ко мне и Фриду присоединились Фима (Хаим) Лейзеров и Шая Сенник, инженеры (бывшие). Мы и к нашему дорогому другу и учителю Шломо Розмарину заходили после молитвы вчетвером.

Еще до переезда в хостель Кольман Фрид серьезно заболел. Ему делали уколы в живот каждые три месяца, он принимал лекарства, но грозная болезнь прогрессировала.

Однажды он позвал меня на прогулку. Вдруг его зашатало, я попытался удержать друга, но он был намного тяжелее, имы оба рухнули.

Я до кости ободрал руку об ступень лестницы. Помог Кольману подняться, проводил его и поспешил домой, где залил рану йодом, перевязал ее. К счастью, все обошлось без заражения, но шрам остался навсегда.

- Ты только Софе не говори об этом, - попросил Фрид.

Я сдержал слово, и рассказал о нашем падении только Иде.

- Ребята, как я вас люблю, - говорил нам друг с доброй и ласковой улыбкой, когда мы его навещали в доме престарелых, где он провел последние беспомощные дни свои.

Плакать хотелось, глядя на его угасание.

Он продолжал работать и в Израиле - рядовым рабочим на предприятии. В хостеле все его уважали и любили.

Он лучше всех нас знал молитвы. Ходил в синагогу по субботам к восьми часам утра, к началу, а не так поздно, как я.

Фима помог мне с приспособлениями для переплета моих книг-самodelок, я был ему благодарен, подарил свою первую изданную в настоящей типографии книгу.

Но что-то стало с ним не так. Прежде всего, его настроение показалось иным. Каким-то грустным. Даже - тоскливым. Спрашивать я не решался.

После моей операции по удалению раковой опухоли как-то сказал мне Фима, когда шли домой из синагоги:

- А ведь я болен хуже, чем ты.

- У тебя тоже рак? - удивился я.

Он не ответил. Шли дальше молча.

Потом он начал худеть. Все быстрее. Стало ясно, что дело плохо. Сердце мое болело, когда я видел это угасание. Угасание доброго, умного и нравственного человека.

Я заходил к нему, но мне становилось так тяжело, что я сам поражался. Иногда, идя из синагоги, я находил его во дворе сидящим на скамейке, подсаживался, мы беседовали. Я всячески его подбадривал, сам надеялся на его поправку, ему даже и в самом деле становилось лучше.

Но потом снова резко и быстро все ухудшилось, и наш друг ушел от нас. Навсегда. Потому, что пока добивались разрешения на получение необходимого дорогого лекарства, стало поздно.

Когда такие, как Фима Лейзеров, уходят, всегда как бы часть самого тебя уходит. Все жалели о том, что нет его больше с нами.

В хостеле я познакомился и с четой геофизиков Кофсман. Сеня и Люся оказались трудолюбивыми, интеллигентными, добрыми и отзывчивыми людьми. Мы подружались.

Когда она умерла, они долго не могли прийти в себя. Потом завели сразу двух кошек вместо ушедшей навсегда умницы.

Люся не только интересный художник, она, как и муж ее, - добрый человек: жалеет и людей, и растения, и животных, помогает всем, кому и как может. Сене и ей я благодарен за постоянную бескорыстную помощь, а Люсе - еще и за иллюстрации к моей книге «Глаза любви».

Как хорошо, что есть рядом такие люди, как супруги Кофсман!

Мы с Кофсманами навещали Левенберга в бейт-авоте, точнее, в маонот «Маккаби», в дорогом доме престарелых, после его злосчастного падения в собственной квартире (особенно часто бывала у него Люся Кофсман, благодарная ученица его в рисовании). Борис - оптимист, он не падал духом. Но жить среди старых людей, многие из которых уже воспринимают реальность не адекватно, а то и вовсе не воспринимают, - ой как не просто!

Когда наш друг упал вторично (уже в бейт-авоте) и получил тяжелую новую травму, его стали одолевать новые болячки.

Он до конца был светел умом. Старался сохранять оптимизм. И юмор. Благословенна память о нем, самом, пожалуй, интеллигентном мужчине из нашей рабат-ашаронской алии.

Мы с Кофсманами посещали также в больнице общего друга Сашу (Самуила) Кацера, помощника Шмуэля и лучшего солиста нашего хора.

Причина визитов в его палату была трагична: онкология .

Саша был убит горем:

- За что?! - горестно спрашивал ветеран труда и войны, бывлой разведчик, кавалер ордена Отечественной войны второй степени. - Я же никогда никому ничего плохого не сделал! За что мне это?!

Липа Киракозова - преподаватель по классу фортепьяно. Она организатор многих наших вечеров встречи с хорошей музыкой. Она концертмейстер спектаклей. И сама выступает с докладами.

У ее мужа Бориса был приятный голос. Не раз он пел на клубных вечерах. Он и готовить умел не хуже супруги. И шутить - тоже. Мы дружили с самого вселения в хостель. И вот совсем недавно - трагедия: внезапно ночью Борису стало плохо - и он ушел навсегда.

«Скорая» явилась сразу же, но помочь не смогла уже.

Все мужчины в хостеле 1926 года рождения и старше - фронтовики.

Я писал уже о Саше Кацире. О Борисе Левенберге - тоже (хотя он и не жил в нашем хостеле).

Чудеснейшая пара ходила в наш клуб до последнего времени: это - Изя и Ева Гудис. Он на фронте корректировал огонь артиллеристов. Там и достал его вражеский снайпер. Но выжил воин, много лет спустя репатриировался на историческую родину.

А здесь фанатик-араб зарезал дочь Гудисов, осиротив ее ребенка, едва не убил и самого ветерана. С трудом пережили старики страшное горе, навсегда осталась печаль в их добрых глазах. О! Эти трагические глаза Гудисов!

Ева Гудис вызывала у всех не меньшее восхищение, чем Изя, своей скромностью и отзывчивостью. А уж торты ее - верх мастерства. Там, в СССР, она была главным бухгалтером солидного учреждения. Здесь - домохозяйка.

Напротив нашей двери в хостеле - дверь семьи Гороховских. Михаил - человек воспитанный, интеллигентный. Был он командиром взвода противотанковых орудий на фронте. Прошел с боями Украину, Румынию, Австрию. Имеет орден Отечественной войны второй степени и медаль «За боевые заслуги». Путь героя к

много хорошего о нем до его репатриации. Хотя это подготовило почву, наверно.

Мы с Наумом часто беседовали о внутренней и внешней политике Израиля. Он полюбил страну праотцев, но часто, очень часто вспоминал родную Беларусь, где оставил часть своей души. Возможно, даже главную часть.

Ему нравились мои литературные опусы, и, честно признаюсь, для меня это было радостью. Ибо я верил и в его вкус, и в прямоту его высказываний.

Благословенна память о тебе, друг мой Наум Портной!

Элинора Кирснер - человек незаурядный.

В хостеле организованы курсы иврита, и одна из учениц, женщина из Индии, не всегда понимала речь учителя, а ее язык общения былой - английский. Преподаватель Галья Ашкенази (к слову, прекрасный преподаватель) не успела повторить слово, сказанное на иврите, по-английски: Нора опередила ее.

Из беседы, последовавшей за этим фактом, я узнал, что несколькими языками может пользоваться Элинор.

Мы ее зовем просто Нора.

В зале хостеля есть отличный бильярд, который мы, любители, купили вкладчину. Я несколько удивился, когда увидел там Нору. Еще более удивился, проиграв ей партию.

В годы войны наша Нора была санинструктором, а затем переводчиком в стрелковом полку. Воевала в районе Ленинграда. Дважды ранена. Награждена орденом Отечественной войны первой степени, медалью «За боевые заслуги».

Ее муж Феликс весьма мастеровит. Его жизненный путь был не прост. Как-то в беседе с ним я узнал, что этот скромный и немногословный человек рос сиротой, служил в военной авиации на ТУ-4 и много лет проработал в одной из шахт Донбасса.

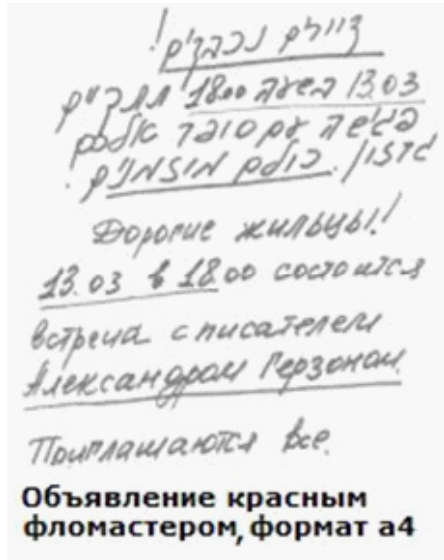
Феликс однажды отремонтировал наш бойлер. Я был серьезно тронут его добросовестностью и бескорыстием. Любой мастер взял бы вдвое больше за такую работу.

Усатый Иосиф Фрадкин, скромный человек с добрым и мягким характером, успел повоевать, хотя родился в 1927 году. И именно его постигло страшное горе: **юная внучка погибла в теракте.**

Иосиф замкнулся. А жена его, милая общительная женщина, лишилась рас-судка.

Все сочувствовали несчастной семье, жалели их внуку. Но чем можешь? Ушла милая девушка, ушла навсегда. Раньше деда и бабушки.

Лев Певзнер. Небольшого роста, плотного телосложения, с лицом интеллигентным. Я его впервые увидел в Герцлии, где он играл на баяне, получая вознаграждение от прохожих. Потом я узнал, что он в прошлом был преподавателем в музыкальной школе, а во время войны был снайпером и уничтожил тридцать шесть захватчиков. Однажды сутки пролежал в ожидании, промерз, но дождался выхода цели и поразил ее.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Узнал я и о том, что скромный Левушка был трижды ранен, награжден орденом Отечественной войны второй степени и медалью «За боевые заслуги».

Он всегда улыбался, всегда был приветлив.

- Пишешь? - спрашивал меня бывало при встрече.

- Пишу, Лева.

- Молодец, - улыбался он удивленно и поощрительно.

Увы, совсем недавно ушел славный музыкант навсегда.

Иосиф Слуцкий за символическую плату (сто шекелей в месяц) готовил здание к ночи: запирал ворота и входные двери, проверял наличие автомобилей во дворе и закрывал актовый зал.

Был пунктуален и суров.

Мастер по ремонту вычислительной техники, он жил в Ташкенте, много перенес в своей жизни. На фронте - заместитель командира расчета крупнокалиберного ДШК.

Повоевал в Белоруссии, Польше и Померании.

Награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалями «За отвагу» и «За освобождение Варшавы».

В хостеле жил с женой, верной подругой. Медсестрой бывшей. Слуцкий любил пошутить, задать задачу или загадку, разыграть. Но лжи терпеть не мог.

Народ еврейский Иосиф любил беззаветно, но в то же время тепло, как и многие евреи здесь, как и я сам, относился к великому русскому народу.

Не так давно он стал не выходить во двор, а выезжать на кресле-каталке: подышать воздухом ... и покурить. Его вывозила жена, верная подруга. Иосиф по-прежнему улыбался, шутил.

Так и ушел он в мир иной: мужественно, с улыбкой, без жалоб. Благословенна память о нем.

Много удивительного можно было бы рассказать и про других фронтовиков. К сожалению, я не успел. Жалею сильно об этом. Ведь было бы поучительно написать, например, про Пет-

Благодаря навыкам помогаю и соседям в случаях неполадок в работе телевизора или компьютера. Даже удовольствие испытываю, когда удается решить проблему: доброе дело сделал.

Спина моя временно распрямляется. Легкой (тоже временно) походкой иду домой по длинному коридору хостеля.

Я приобрел слуховые аппараты. Прошел проверку в лаборатории, получил огромную скидку от больничной кассы «Маккаби» - и несколько дней радовался, используя новинку. Потом слуховые аппараты надоели, так как надо менять батареи, чистить наушники, регулировать громкость и так далее - и я положил ценный прибор в шкаф. Прикладываю ладонь к уху ...

Я надеялся, что хоть какие-то мои фант-рассказы опубликует газета «Новости недели». Владимиру Добину я подарил два самодельных сборника: «Кот в сапогах» и «Сиреневое поле».

Там же, в «Новостях недели», работала женщина, фамилию которой я уже забыл. Я послал (подарил ей) все три сборника (включая и «Сигнал»), которые потом вошли в московского «Боба».

Подождав немного, снова позвонил - и ... оказалось, что она уже ушла из редакции. Она была на сносях в те дни, оказывается. Искать ее я, конечно, не стал.

Рукодельные сборники я дарил разным людям в Израиле и за рубеж посылал родным и близким.

Первой была издана официально в 2006 году в Москве, в типографии ЗАО «Тиссо», книга фантастики «Его звали Боб». Правда, пришлось вести интенсивную переписку по Интернету с типографией по тексту и по рисункам, зато книжка получилась красивая, удобочитаемая. Я был в восторге.

берегу», так как Шая Сеник впервые выступил как актер, а Лена Алленберг репетировала сцену, даже не прочитав пьесу целиком.

Текст ведущего для Лены я написал тоже, а она его творчески переработала.

Не везде я добился желаемого результата: не все мои чтецы время тратить на шлифовку и полировку привыкли.

В назначенный день зал был заполнен.

Лена открыла вечер. Рассказала обо мне эмоционально, дикторски полноценно, артистично. Затем почти перед каждым номером давала краткую к нему аннотацию

А я сидел поначалу рядом с фортепьяно, поглядывая в сценарий. После Лены я туго вышел к микрофону, одернул галстук, вздохнул почему-то. Поблагодарил всех тех, кто готовил вместе со мной вечер, и тех, кто пришел в зал. Прочитав свои стихотворения «Мой Пушкин» и «Джоконда», пригласил Леву Вишневецкого.

Мое «Возвращение» он декламировал очень эмоционально, искренно.

Израиль Левин прочел «На вечерке». Тоже эмоционально. В характере.

Саша Кацир (он еще был полон сил) спел «Песню моряка» на музыку Александра Бутюгова. Мелодию певец заметно изменил, но не к худшему. Эффектно завершил песню. В общем, работал.

Кацир был веселый и добрый человек, ухаживал за большой женой, делал все по дому при этом. Только позднее мы поняли, как трудно и опасно для его здоровья все это было.

Рая, жена Льва Вишневецкого, читала мою басню «Сам и Зам». Читала превосходно. Увы, уже и Раи нет с нами.

За ней Таня Балтер красиво читала «Голоса птиц».

Шая и Лена исполнили сцену из «Статуи на берегу» в концертном варианте.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

ли все, кто знал. Он послужил прообразом самого симпатичного героя моей повести «Ахиня Аарона» - Хайкина. Он жив в моей памяти, герой с душой юноши.

Потом я зачитал некоторые свои четверостишия.

Таня Балтер читала «Хаелет» («Солдатка»). Ей я указаний не давал: она имеет и талант, и опыт.

Мы с ней понимаем друг друга очень хорошо.

Встречаемся на творческих серверах и порталах в Интернете.

В заключение я прочел стихотворение «Голос».

Все взялись за руки, кланялись. Нам вручали букеты.

Затем я пожал всем участникам презентации руки.

И тут вышла Ольга, эм-байт, сказала спасибо одному человеку за этот вечер.

- Одному! - подчеркнула она.

«Сейчас, конечно, назовет меня», - подумал я и покраснел.

Бойкая распродажа книги "Его звали Боб". Впереди - продавец Лариса Луфер, сидят - Липа Киракозова и я, ждет очереди Таня Балтер.

Однако Ольга не меня назвала, она сказала, что это Лена Аленберг.

- Все было вокруг Лены, - процитировал Ольгу, потому что думал, что и в самом деле вокруг милой Лены все было.

Ида была на вечере. Она почему-то всплакнула.

15 февраля 2007 года в хостеле прошла презентация первой моей книги, изданной в типографии, - сборника фантастики «Его звали Боб» (Москва, «Тиссо»).

Читали отрывки, говорили о моей книге. Была музыка в соответствии с отрывком, в записи (ее готовила и регулировала Рая Ходакова, наш музыкальный работник). Все прошло неплохо, хотя не без «накладок».

К моему удивлению, было в тот вечер раскуплено много книг. Надписывал их я дрожащей рукой: волновался шибко. Поэтому буквы получались, мягко говоря, не очень красивые.

А уж подпись ...

Я был всем благодарен, хотя (как всегда) не сумел это выразить.

К сожалению, этот вечер не удалось записать на кассету.

Со своей книгой фантастики я приехал и в другой хостель.

Здесь на встречу со мной пришли только три человека.

Потом они силой приволокли еще двоих. Возможно, причиной было то, что я не сделал хорошую афишу, а повесили небрежно написанную красным фломастером бумажку. Но, может быть, причина была в том, что никто не знал имени автора.

Я рассказал о себе, о своей книге. Меня слушали внимательно. Но никто, конечно, не купил «Боба». Я подарил один экземпляр библиотеке этого хостеля.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Теперь о моей странной книге «Ахиня Аарона, или искушения старого грешника». Замысел возник еще в 1992 году, когда я сидел на скамье в Тель-Авиве, усталый и голодный. Я просто записал то, что видел в это время перед собой, что чувствовал, о чем думал.

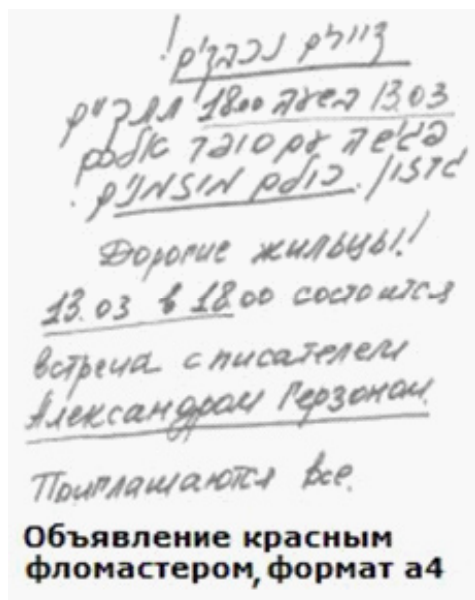
Работа над книгой заняла около семнадцати лет. Все изложено весьма правдиво, если отвлечься от фантастической составляющей текста.

Мысль о ведьмах-кошках явилась мне от общения с одноглазой кошкой, которая, вызывая у меня рвотный рефлекс хвостом, до середины лишенным кожи и шерсти, прокралась в наш подвал, прыгнула на стол и стала пожирать теплые котлеты.

И по мере реализации фантастической идеи я придумал перевоплощение ведьм в разных людей, окружающих меня, я даже вывел Аарона вместе с ведьмой-кошкой за рамки Галактики, в другое измерение.

Никак не мог я придумать книге устойчивое название. Наконец, Михаил Штереншис, редактор, предложил: «Ахиня Аарона». На этом и остановились. Правда, после запятой добавили:

«или искушение старого грешника». К этой книге сделал я также

Я думаю, что сильная жара и неизвестное имя автора - трудно сказать, что больше - повлияли на мизерную явку публики.

Зато я познакомился благодаря библиотеке с Леонидом Юнивергом - основателем и руководителем издательства «Филобиблон», председателем Иерусалимского клуба библиофилов. Леонид переслал мои книги в библиотеку Гарвардского университета, чем я весьма доволен и горд.

В мой милый Омск я отгрузил книги, которые подарил с автографами дорогим друзьям: Елене Акелькиной, Ларисе Чуйко, Галине Егоровой, Маргарите Чулковской, Александре Головковой, Климентию Югаю.

Также подарил книги (через Елену Алексеевну Акелькину) Омскому Государственному Университету и Омской библиотеке имени А.С. Пушкина.

Конечно, Иерусалимской русской библиотеке и Национальной библиотеке Израиля я подарил все изданные книги. Дарил и библиотеке Российского культурного центра в Тель-Авиве, где я принял участие в групповой презентации, не продав, естественно, ни одной книги ...

Мой внук, узнав о неудачах в реализации продукции, помог мне организовать сайт в Интернете, который я строил долго, но с большим удовольствием. Туда я сгрузил изданные и не изданные книги, рисунки свои, воспоминания.

Записывал в блокнот, который всегда со мной, родившуюся вдруг строку. Вспоминал эту строку в тот же или в другой день, идя по улице. Вдруг рождалась к ней вдобавок еще одна. Потом - еще, еще ... Зачеркивал, искал слова, менял рифмы, переставлял строки.

Легко и как бы не от меня, а откуда-то добавлялась заключительная строка. И вот уже есть первое четверостишие:

Я иду по Рамат-ашарону ночному.

Непривычно и странно повисла луна.

«Нет, не забыл я» (стихотворения, «Исрадон», 2007).

«Ахинея Аарона» (фантазмагория, «Исрадон», 2009).

В 2010 году «Исрадоном» издаются малоформатные: «Еврейчик», «Аннигиляция», «Одиннадцать ночных рассказов», «Глаза любви».

В 2014 году вышли «Статуя на берегу» (сборник пьес), «Голос по телефону» (проза), «Два ангела» (стихотворения разных лет).

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ. «НАДЕЖДА»

Друг мой, хочу сообщить тебе также и о работе клуба «Надежда» в хостеле. Кстати название клубу придумал я.

Мне оно нравилось и нравится по сию пору.

Теперь клуб стал собираться не в матнасе Леви, а в зале хостеля.

Мара, социальный работник, задумала охватить клубом как можно большее количество жильцов хостеля, мы же, ветераны клуба, не очень торопились бы с его расширением.

Некоторые члены клуба и вовсе перестали посещать его.

Думаю, только активизация всех участников клубных вечеров могла бы их удерживать вместе подобно электронным оболочкам и ядру в атоме. Но сдвинуть человека в солидном возрасте с привычного (или врожденного) пассивного состояния не так легко, а подчас - невозможно.

Однако же, когда отмечались дни рождения, когда люди принимали некую дозу алкоголя, ели вкусные блюда, большинство активизировалось, проникалось добрым отношением к окружающим. Шли в круг танцевать, подходили к микрофону сказать добрые слова товарищам.

Почти до конца дней своих весьма активен был Моше Луфер, незабвенный друг мой.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

ее, Сеня, только на большие праздники приходит - так же, как и Павел Саркисов, муж Веры).

За этим же столом и Липа Киракозова.

Раньше она сидела рядом с мужем Борисом (увы, его нет уже среди нас). Здесь же сидит умница Давид Шейнкман, с женой своей, Машей, и Арон, славный человек, всегда готовый помочь любому по электрике.

Присоединяется и Лариса Луфер, которая недавно стала бабушкой, поэтому оставила работу: помогает Юле, дочери, и ее мужу.

21 октября 2009 года в клубе состоялась встреча с социальными работниками из США. Мне поручили выступить от имени хостеля.

Я подготовил речь и перевел ее на английский язык. Но все же дал текст на проверку грамматики Лее Орен, заведующей социальным отделом горисполкома.

Она сказала, что опечаток почти не обнаружила.

Конечно, я волновался сильно.

Прорепетировал свое выступление.

Когда начался вечер, я уже ни о чем другом не мог думать, ни с кем за столом своим не разговаривал.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Поэтому согласился сделать доклад о творчестве Пастернака. Этот доклад тоже получился неплохо.

С Пастернаком я был знаком и по «Доктору Живаго», и по стихам его. Работа доставила удовольствие.

И симпатия моя к поэту возросла. Конечно, я и здесь пользовался Интернетом, не только книгами типографскими.

И понял при всем при том, что Борис Пастернак мне ближе, чем Иосиф Бродский.

К обоим докладам я сам сделал афиши цветные на своем принтере. Сам же их и прикрепил к доске объявлений. И не потому ли зал был полон?

Будучи членом клуба, я также не забывал и свою синагогу: по субботам ходил молиться. Возвращаясь оттуда, Фима, Шая и я останавливались около скамьи напротив хостеля, где сидел старый Яков, живший в бейт-авоте (доме престарелых) напротив хостеля.

Этот человек прекрасно знал иврит и идиш, он был богат и потому жил в этом небольшом, но весьма дорогом бейт-авоте. Беседы с ним были интересны, участвовать в них активно всегда мог и Шая, который хорошо знал идиш.

Яков ждал нас, а побеседовав, уходил обратно в бейт-авот. Рядом со скамьей нередко сидела женщина в коляске, которую возила таиландка - милая молодая девушка. Женщина тоже присоединялась к беседе, она возносила горячие слова мольбы ко Всевышнему о здравии своего народа и государства Израиль.

Нас встречала, как близких людей.

Вскоре Яков стал болеть и через некоторое время уже не встречал нас.

- Я с этим деревом разговариваю. Как с человеком. Оно понимает, и оно мне помогает.

Не одна Лора разговаривает с растениями. Есть и другие женщины, сообщавшие мне о духовной (или иной по характеру?) связи с растениями. Особенно те, кто добровольно ухаживают за растениями на этажах. Они мне даже рассказывали, что растения чувствуют тех, кто им добро делает, и тех, кто вредит им. Даже увядать могут от одного только присутствия недоброжелателей. Я верю.

Мужчины такими сведениями не делятся. Хотя вполне возможно, что и среди нас, «мужиков толстокожих», есть общающиеся с растениями.

А с животными общаются некоторые мужчины охотно.

Кошек дворовых радостно подкармливают.

Например, Иосиф Слуцкий одно время прикармливал красивую кошку дымчатой масти. Когда она погибла, он переживал. Потом завел такую же густошерстную кошку, назвал ее Юлей. Он ей даже подстилочку сделал. Эта пушистая рыжеватая кошка ласкова, приветлива. Но, как все кошки, гуляет сама по себе.

Ждет как-то у двери Юлька.

- Что, Юлька, войти хочешь?

- Мяу.

Открываю дверь. Ждет.

Я держу дверь - и Юлька входит. Важно, чинно.

Большие споры были у нас по поводу прикармливания кошек. Не всем это нравится. А когда появляются котята, многих умиляют веселые и резвые новички Жизни. И как не умилиться?!

Потом котята, которые вначале весьма осторожны, подрастают, смелеют, и многие из них погибают на дороге от транспорта или по иной причине. В хостеле несколько кошек прижились,

Решил его заделать! Облепил ватой, но ... без толку. Тогда я обклеил вату бумагой, «загерметизировал» пластырем этим отверстие в стене.

Почти тот же самый результат ...

«Аמידар» делал нам подарки: то масло оливковое, то - одеяло зимнее (!), то еще что-то. Неужели это дешевле, чем починить систему оповещения? ... А университет будет делать подарки? Сомневаюсь: если выиграли конкурс на хозяйничанье в хостеле, то жесткий режим экономии будут соблюдать ...

На первом собрании жильцов представитель компании «Университет» говорил с нами холодно и твердо ...

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ. «СТРАШИЛИЩЕ»

Друг мой дорогой, здравствуй!

Случилось весьма неожиданное.

Я стал лауреатом Международного конкурса в Москве. Да-да!

Впрочем, все по порядку.

Путешествуя в сентябре 2012 года по интернету, я узнал о Международном литературном конкурсе имени Виктора Шнитке, посвященном его 75-летию. Увидел, что есть и номинация на лучший рассказ о российском немце, человеке искусства.

И вспомнил я о своем рассказе «Страшилище» из сборника «Глаза любви» («Исрадон», 2010).

Рассказ, который я писал с особым волнением, ибо он был посвящен памяти о Вильгельме Яковлевиче Шпете, человеку удивительно скромном и при этом не менее удивительно талантливым, который много лет работал в Омске преподавателем детской музыкальной школы №1 по классу скрипки, был создателем и руководителем ансамбля юных скрипачей.

Затем я получил письмо от Елены Полкопиной, проект-менеджера, где она просила меня заполнить документы для полета в Москву и обратно, проживания в гостинице и других расходов, которые будут оплачены Ассоциацией общественных организацией «Международный союз немецкой культуры», пригласившей меня на свой одиннадцатый форум для награждения.

Узнав о том, что я пенсионер, нигде не работаю, ни в каких союзах и обществах, которые меня командировали бы, не состою, а плюс к тому проживаю в Израиле, Полкопина посоветовалась со своим руководством и сообщила, что ничего мне не надо оформлять. Просто надо сесть в самолет и прилететь. Я вздохнул глубоко. !

Получил вскоре от Елены Полкопиной письмо, были приложены электронные билеты на самолет и инструкция, как найти в аэропорту Домодедово встречающих, а также номер ее сотового телефона и прочие необходимые данные. Казалось, все ясно, но я заволновался: что за электронный билет, как с ним обращаться? И вообще - как я «буду быть».

Позвонил снова Елене Полкопиной, она сказала, что просто к кассе надо подойти с распечаткой этого билета - и все будет в порядке.

Тут же я распечатал три экземпляра этого билета (на всякий случай). Но у меня же два гражданства, какой из загранпаспортов нужен? Или оба нужны?

Позвонил в МВД Израиля. Там сказали, что надо взять на всякий случай оба паспорта и на всякий случай тэудат-зеут, израильское удостоверение личности.

И все это мне пригодилось в аэропорту имени Бен-Гуриона. Моя обеспокоенность тебе понятна: 20 лет никуда из Израиля не

Пленный мадьяр воевал в интернациональном батальоне Чапаевской дивизии, это говорит о захваченности молодого будапештского сапожника заманчивой идеей Всемирной революции и коммунистического рая.

Ида училась в школе на «отлично», домашние задания в начальных классах выполняла ... по пути домой.

Они с братом Владимиром читали хорошую литературу: брали пример с детей из интеллигентных семей. Когда Ида была в четвертом классе, отец купил полное собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина, дети их читали и цитировали.

Отец любил беседовать с ними о жизни, Ида и сейчас вспоминает его поучения. В то же время он был требователен к их дисциплине дома.

В Казахстане, куда их сослали в 1941 году, Иде пришлось работать в колхозе на тяжелых работах, что позднее сказалось на ее здоровье. Ей не давали возможности получить аттестат зрелости, она яростно боролась - и поступила в Омский медицинский институт. Там училась блестяще несмотря на голод. Работала в то же время медсестрой в детской больнице, чтобы получить дополнительные средства к студенческому питанию.

С одеждой было хуже. Приходилось носить годами одно и то же платье, зимой - одну и ту же шубу (из отцовской перешитую). Это усиливало стремление к бережливости, которое позднее стало идеей фикс, принимая подчас болезненную форму.

В старости это, к сожалению, усиливается.

В нашей семье Ида была и остается главным человеком. Она сильная, чего о себя я сказать не могу.

Я бываю сильным только тогда, когда у меня появляется четкая жгучая цель, к которой я устремляюсь неукротимо. Так, когда я работал директором школы и директором музея, я четко знал, к чему стремлюсь.

Мне тоже почему-то сердце давит жалость и к дочери, и к внуку, и к его детям, правнукам нашим. Всем им очень-очень трудно.

Но больше всех жалею я удивительную женщину, жену мою: она могла бы гораздо лучше прожить жизнь, если бы вышла замуж за иного, чем я, человека. С горечью признаю это.

Прости мне это длинное отступление, но я не мог не сказать тебе о моем восхищении этой удивительной женщиной.

Итак, я надел теплые ботсы. В них и проходил все эти незабываемые дни в Москве. Думал было взять также и туфли. Но не хотелось сдавать вещи в багаж, решил взять с собой только ручную кладь. Почему? Да чтобы не ждать в Москве багаж и не искать его, чтобы никого не задерживать. Сумка уже была битком набита, для легкой обуви места в ней не осталось ...

А когда был уже совсем готов, потерялись все документы!!!

Я помнил, что вложил их в правый внутренний карман пиджака, но их не было там! Много раз обыскали мы всю квартиру. Нет. Нигде. Пришла добрейшая Людмила, эм байт хостеля, где мы проживаем, активно подключилась. Нет документов ...

Я позвонил Полкопиной, что, видно, не смогу прибыть, но она предложила снова связаться утром: вдруг пропажа обнаружится.

И не ошиблась: я подошел к пиджаку, стал ругать его, провел ладонями по рукавам. Правый рукав был какой-то толстый. Там-то и оказались застрявшие документы.

Как бы радость, но **давление поднялось небывало высокое**. Выше 200 - систола!

Ида тоже плохо себя чувствовала из-за моих приключений с документами. Отказаться от полета? Нет, нельзя, - решил я.

И вызвал утром такси. Таксист, житель нашего города, взял мне тележку на перроне, а то я так и тащил бы на горбу красную сумку весом в семь с половиной кило до самого самолета.

А путь тот - не ближний.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

об Омске не успели поговорить, так как она все время была занята).

Водил машину Александр, умный и толковый шофер. По образованию - инженер. Он меня встречал в Домодедово, он же после форума отвез в аэропорт. Беседовать с ним было интересно и приятно.

Он сказал, что его заработок как шофера - стабильный и надежный, а будь он инженером, то все наоборот ...

Мне, как делегату, выдали светлую матерчатую сумку с документами для работы на форуме, не забыли и авторучку вложить.

Я ходил по Российско-Немецкому Дому в Москве на улице Малой Пироговской, дом 5, с этой сумкой на одном плече и моей привычной рабочей мужской сумкой (документы, деньги, лекарства) - на другом.

Табличку-визитку с моими «позывными» надел я не сразу: как бы стеснялся, что ли. Потом надел все же. Носил ее смущенно.

Завтракали мы в гостинице по талонам (никто не проверял эти талоны, мы их выкладывали на столик). В буфете самообслуживания можно было наесться до отвала. Но я был умерен в пище.

Обедали в ресторане «Хамовники», расположенном в подвале, но очень тепло и с отличным дружественным обслуживанием.

Однако Москва встретила и неприятными сюрпризами.

Гостиница в те дни ремонтировалась, на верхних этажах круглосуточно шла работа, ночью шум работ мешал спать, не помогали и беруши.

Вышел из строя телефонный коммутатор, и нельзя было дозвониться до города. Хорошо, что у меня был с собой сотовый.

В номере трещал паркет, трещала постель, перегорела сразу же лампочка в коридоре. Выключатель настольной лампы лежа нельзя было выключать: рука не дотягивалась.

Меня предупредили о том, что я должен говорить не более четырех минут, и я, кажется, уложился в этот жесткий регламент.

Начало и завершение моей речи были на немецком, середина - на русском.

Начал я как бы спокойно. Но потом эмоции победили. То же было и когда я читал отрывок из рассказа «Страшилище».

Мне вручили приз и диплом лауреата в застекленной рамке. Я подумал: не разбить бы стекло в пути. Нет, сохранилось все в целости.

Подошла ко мне Екатерина Георгиевна, вдова Виктора Шнитке, мы обнялись и расцеловались, и слезы вот-вот уже собрались выступить на глазах моих. Надо было что-то сказать, и я сказал, но что именно - не могу вспомнить.

На прощальный ужин я не смог пойти: давление угрожало. Весь вечер меня опекали мои дети. Фирочка уложила мои вещи, так как сам я не смог это сделать впервые в жизни ...

Спал скверно, проснулся рано, но Александр уже был на месте. И мы поехали в аэропорт.

Я с помощью симпатичного молодого полицейского нашел то место, где должна была состояться регистрация. Были две очереди: крошечная - и побольше. Я пристроился к крошечной. А та, что побольше, стала быстро расти. И милые люди, стоявшие передо мной, спросили:

- Вы летите бизнес-классом?
- Нет, эконом-классом.
- Тогда вам не сюда. Вам в ту очередь.

Я прошел к другой, сильно выросшей очереди, что так недавно была лишь чуть побольше.

- Саша, расскажи там, на форуме, как меня вместе с моими родителями и младшим братом впахнули в переполненный телячий вагон в сорок первом и повезли в Казахстан «навечно», - просила жена, провожая.

Я не успел об этом рассказывать на форуме. Хотя желание было. О этот национальный вопрос! Скольких бед могло бы избежать человечество, если бы сумело правильно решить его в прошлом веке! Но не смогло. Почему?

Национальный вопрос в жизни Человечества может быть решен только действительно цивилизованными нациями!!!

А когда все нации станут цивилизрованными? И случится ли такое прежде, чем Земля сгорит в атомном пламени? Не ведомо ...

Об этом тревожно думали мои покойные друзья Вильгельм Шпет и Лев Андреевский. Об этом думают все люди планеты, мыслящие и чувствующие острее других.

Об этом думают передовые политики, люди науки и искусства. На это надеются все-все-все!!!

И поэтому я верю в то, что душа Вильгельма Шпета витала над жюри во время принятия решения по моей номинации. Возможно, и душа Льва Андреевского - тоже.

Давление между тем никак не могло нормализоваться.

В прошлом 2014 году «Скорая помощь» увезла меня в больницу «Меир», где проверяли и лечили три дня. Сделали при этом компьютерную томографию не только груди, но и головы (подозревали опухоль). Приятели сказали, что это было опасно ...

14 мая 2014 года меня снова госпитализировали в «Меир» по тому же поводу. В карете «Скорой помощи» мне по пути в больницу вкатали какое-то лекарство внутривенно и впрыснули спрей

$x^2 + y^2 < 4$
 $2 \times 2 = 4$
 $\Delta ABC \sim \Delta EFG$
 $x^2 + y^2 < 2$
 $2 \times 2 = 4$
 $\Delta ABC \sim \Delta EFG$
 $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$
 $2 \times 2 = 5$
 $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$
 $2 \times 2 = 5$
 $\Delta ABC \sim \Delta EFG$
 $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$
 $2 \times 2 = 5$
 $\lim_{n \rightarrow \infty} \left(\frac{1}{n}\right)^n$
 $y = 0$
 $\frac{\partial}{\partial x} = \frac{\partial}{\partial x}$

**ДВА
 ПРЕРВАННЫХ
 ПОЛЕТА**

Все быстрее двигалось чтение: я как бы пробил стену и шел по волшебному дворцу, все богатства и красоты которого видит только посвященный в тайну.

То же было с дифференциальным и интегральным исчислением. Я был сама радость. Я словно заново родился.

Преподаватель математики не любил лодырей, прогульщиков. Хотя на экзамене я быстро справился с билетом, экзаменатор ко всеобщему изумлению еще около часа гонял меня и в конце концов убедился в том, что лодырь знает материал превосходно.

Я считал, что преподаватель обрадуется, похвалит меня, а я скажу о том, что понял красоту мира математики. И он простит меня от души.

- Вы ленились, прогуливали. Хоть вы и отвечали на «отлично», в наказание за лень я ставлю вам «посредственно». Ваши знания улетучатся быстро. Как вошли, так и выйдут, - сказал экзаменатор сухо.

Возможно, он был прав, но я испытал шок. Я вопил в душе. Желание глубже погрузиться в мир математики было убито.

Я ушел на берег Иртыша и долго пытался понять, что же произошло. Ведь экзамен я сдал превосходно. Ну вывел бы общую оценку «три», но не за экзамен же ...

Я страдал, потеряв нечто новое, важное и ценное в своем сознании. От этого нокаута я уже не пришел в себя. Полет был прерван. Дверь в науку захлопнулась с визгом, скрежетом, грохотом ...

Работая после техникума на заводе, я поступил в машиностроительный (позднее - политехнический) институт. Трудно было учиться и работать. На лекциях нередко так хотелось спать, что невольно глаза закрывались. Но я учился, сдавал зачеты, экзамены.

Однако же во втором семестре понял, что сильно запустил начертательную геометрию. Не верил, что сумею ее одолеть.

Но взял себя в руки, в течение зимы и весны 1948 года вечерами изучал страницу за страницей, решал задачу за задачей,

Помню, как поразил главного конструктора, предложив абсолютно новый способ подачи смазочного масла в этот насос, решавший тяжелую проблему, возникавшую при росте числа оборотов ротора.

Мог бы!

Мог бы ...

Да не смог!

Не захотел!

И стал гуманитарием ...

Теперь мне уже не одолеть никаких математик, никаких черчений, но вдруг нет-нет да и появится крамольная мыслишка:

- А не взять ли в руки учебник аналитической геометрии и не попытаться ли одолеть его?

И мысль эта смешит меня и в тоску повергает в одно и то же время. Потому что не овладел я по-настоящему ивритом, уходят из памяти не употребляемые слова языка, а уж английский и вовсе скукожился в памяти ... Без словарей бессилён я и тут, и там.

Да и «текучка заела», то есть оплата счетов, споры с фирмами из-за брака, всякие анализы крови, ультрасаунды, рентгены, томограммы и прочее-прочее отнимают массу времени.

Ты только не подумай, дорогой читатель, что я жалуюсь.

Нет и нет! Я просто с тобой делюсь ситуацией.

Но есть, друг мой, еще и такие обстоятельства, которые я тебе не открою. Есть, есть. И они тоже мешают хоть немного полетать, пусть и не в математике, а в литературе.

Или в декламации.

Или в вокале.

И последнее: никого ни в чем не виню.

Кроме себя самого.

Вот и все, что я хотел сказать в этом плаче о двух моих прерванных полетах.

МОЯ МАМА

Во время эвакуации мама устроилась в поликлинику и вскоре стала известна в Вольске как вдумчивый и толковый невропатолог. Вскоре ее мобилизовали как военврача.

В госпитале она одно время заведовала хирургическим отделением, будучи невропатологом. Сумела разоблачить вражеского агента с огнестрельным ранением.

Мама даже на фронте отказывалась от алкоголя! Она сказала однажды товарищам-офицерам, обвинившим ее: мол, не уважает их она.

- Если уважение измеряете количеством совместно выпитого, то позвольте мне не уважать вас, товарищи мои, - сказала она и вышла из укрытия, где отмечали праздник.

Войну закончила в Инстербурге, демобилизовалась. Не привезла домой ничего из Германии. Только велосипед мне купила у кого-то.

По дороге домой она заехала в Киев. Дом был цел, но в квартире - только посмотреть на родные стены - ее не пустил инвалид, захвативший площадь, он грозил ей костылем и кричал: «Уходи! Убью, жидовка!»

Когда отец вместе со мной слушал «Голос Америки» и другие станции, прорывавшиеся временами сквозь глушители, мама не слушала. Она оставалась пламенным коммунистом, на нас с отцом смотрела, как на наивных детей (чем бы ни тешились, лишь бы не плакали).

Тяжело переживала она смерть моего отца. Когда стали забрасывать гроб, мама стонала:

- Как глубоко, как глубоко ...

После смерти отца она стала таять, она уходила. Целый месяц в санчасти КГБ, где она работала после фронта и откуда ее выгнали во время «охоты на врачей-отравителей», ее возвращали

к жизни. Она вступила в кооператив, уже будучи вдовой, и жила в однокомнатной квартирке рядом с гремящим лифтом.

Она, как и прежде, проявляла добрую заботу обо мне, я старался отвечать ей сыновней взаимностью.

Не раз приходилось мне несколько дней жить там, когда ей было плохо. Даже в эти дни она, несмотря на мои протесты, готовила что-нибудь вкусенькое.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

В один из моих визитов мама сказала мне:

- Человек не вечен. Близится и мое время уйти. Я хочу тебя ввести в курс моих дел. С квартирой. Со сберкассой. Со всеми документами.

Мама у нас в гостях в Таре

Однажды ей стало совсем плохо. Нужно было длительное стационарное лечение в кардиологическом отделении. Я поспешил к Поляковой, руководителю областного отдела здравоохранения, где мама стояла на партучете и где ей давали поручения, не задумываясь о состоянии ее здоровья (врачи ...).

Где там?! Не помогла Полякова. Ходил еще по здравницам. С тем же успехом. Я недоумевал: мама - врач, войну провела почти всю на фронте, пенсионер медицины - и такое отношение коллег!

Ида обращалась к Шехурдиной, главврачу областной больницы, где работала. Безрезультатно. А положение мамы было жуткое: тахикардия (двести ударов в минуту), аритмия (выпаденый больше, чем ударов сердца), слабое наполнение сосудов наощупь.

МОЙ ОТЕЦ

Мой отец, Абрам Герзон, родился в 1889 году в местечке Кошеватое Таращанского уезда Киевской губернии в семье раввина Исаака Герзона и ребени Дворы (Двоси), урожденной Гуревич.

Семья раввина Герзона была ужасно бедной. Там только в субботу ели чуть побольше, и то не всегда. Дедушка, по рассказам, был человек прямой, щепетильно честный, бескорыстный и бескомпромиссный.

Из-за его прямоты, не взирая на лица, и бескорыстия, возможно, и голодала его семья.

Бабушка Двося приторговывала: покупала оптом дрожжи и продавала в розницу, шла по улицам Кошеватого и кричала афидиш: «Ну, кому еще дрожжи свежие нужны?»

Те крохи, что она зарабатывала, спасали жизнь семье.

У деда-раввина была сестра по имени Уделе, я ее помню: веселая, добрая, смешливая. У нее и ее мужа Лейба по фамилии Беленький было семеро детей. В этой веселой дружной семье часто бывал мой отец в молодости. Они рассказывали, что он всегда был голоден, но в то же время восхищались его способностями и незаурядной эрудицией.

Моя кузина Софа, дочь Уделе, рассказывала, что они все отца моего очень любили, особенно Уделе, родная сестра моего деда, зверски убитого раввина. Уделе пыталась заменить моему отцу родителей. Мечтала увидеть его профессором.

Кроме отца моего, у ребе были еще три дочери: Гинда, Рахиль и Эстер (Фира). Рахиль стала медсестрой, Гинда - воспитателем детского сада.

Гинда рано овдовела и больше замуж не выходила.

Рахиль тоже рано овдовела, у нее осталась дочь Двося (Дуся), и Рахиль вторично вышла замуж за Або-Лейба Белявского, кузнеца, также имевшего одного ребенка, Шурика, погибшего в 1942 году на фронте. Через несколько лет снова овдовела Рахиль - и больше замуж не выходила.

Гинда и мой отец страдали диабетом и на этой почве в пожилом возрасте оба ослепли. Даже в молодости оба они были ужасно близоруки.

Во время Гражданской войны дед мой раввин был зарублен в своем доме вместе с женой буденовцами (некоторые утверждают, что это были зеленые в буденовках), специально искавшими раввина, войдя в Кошеватое.

С евреем, который их привел к дому деда, потом никто не здоровался, как рассказывали мне люди.

Волею судьбы ни папы, ни Гинды, ни Рахили в это время вместе с родителями не было, и они поэтому остались живы.

Шестилетнюю Фиру родители успели спрятать под кровать, наказав молчать, и их кровь текла под оцепеневшее дитя, слышавшее дикие крики разрубаемых саблями своих папы и мамы. Их не только зарубили, их зарубили эти звери на куски.

Гостившую у Герзонов шестнадцатилетнюю племянницу из Киева изнасиловали, но все же не убили. Она рассказала об этом жениху и «дала ему свободу». Но он не принял свободу, так как любил невесту. Они прожили долгую счастливую жизнь.

Фиру вырастили Беленькие, она вышла замуж за русского, родила девочку Лилию, оставшуюся к началу Отечественной войны сиротой: родители умерли от туберкулеза.

Отец увлекался не только физикой, математикой и астрономией, он знал десять языков: русский, украинский, идиш, иврит, английский, немецкий, французский, латынь, древнегреческий, эсперанто. Естественно, не все языки в равной мере свободно. Меня он языкам не учил, с мамой говорил по-русски. Лишь когда хотел, чтобы я не понял, говорил на идише.

Кроме того, как мне рассказала одна из родственниц, москвичка, он довольно хорошо разбирался в изобразительном искусстве, при любой возможности посещал в Питере Эрмитаж, ГРМ, в Москве - Третьяковскую галерею и другие музеи.

За границей он не бывал, во всяком случае, я о таком не знаю. В двадцатые годы он и его сестры попытались перейти границу Страны Советов, ждали всю ночь проводника, но тот все не шел, и они перед рассветом вернулись.

Позднее узнали, что через несколько минут после их ухода проводник прибыл на место, но больше попыток не делали.

Учился отец на физико-математическом и одновременно на медицинском факультетах, а в 1924 году окончил первый медицинский институт в Киеве и стал врачом-терапевтом.

В 1923 году он женился на дочери Давида и Эстер-Либы Гильскер, квартирохозяев, у которых снимал угол. Маму звали в детстве Хаей-Сарой, а впоследствии назвали Софьей, это имя было и во всех ее документах, сколько я помню. Она была на десять лет моложе отца моего, обожала мужа преданно всю жизнь.

Отец презирал любые попытки ассимиляции евреев где бы то ни было. Для него слово «еврей» было гордым, светлым. Он любил свой народ, что не мешало ему критиковать многое, казавшееся устарелым, тормозящим, нелепым.

Создание государства Израиль было для него праздником, как, впрочем, и для всей моей родни.

В то же время Абрам Исаакович Герзон мог дружить с любым человеком независимо от национальности. Одним из его лучших друзей был завхоз санатория в Алупке Василий Гаврилович Щербаков. После его смерти от туберкулеза в 1942 году дети Щер-

Иначе - гроб тебе, доктор.

Он работал над диссертацией, но в связи с моей тяжелой болезнью по совету специалистов для моего спасения в 1937 году выехал в Алупку (Крым). Тем самым погубив собственную научную карьеру. В Крыму он работал врачом в санатории до мая 1941 года.

С мая по июль он был помощником начальника санатория НКВД в Пуще-Водице под Киевом. Оставался таким же немногословным и суровым. Но беседы наши были праздником, он умел в немногих словах выложить огромную информацию. Это его умение в какой-то степени было мною усвоено и пригодилось в преподавании и в публичных выступлениях.

Он помогал мне всегда, если возникали трудности в учебе, особенно в математике, и я поражался его умению сделать понятным и как бы простым то, что казалось только что абсолютно непостижимым.

Сталина он ненавидел, презирал, называл «Йосэлэ», а также - «дер гройсэр Ребе», а однажды, когда я восторгался ботинками, которые отец мне купил, он саркастически произнес:

- Ну да, конечно, спасибо товарищу Сталину?

К стыду моему, я был восторженным поклонником Иосифа Виссарионовича очень и очень долго. Но папе прощал его «непонимание» величия вождя.

После эвакуации из Киева отец был начальником санчасти в Тюменской колонии №9, где буквально пачками комиссовал заключенных, осужденных по ст.58 УК СССР, а также - бедняг, подбравших колосок на поле и за это осужденных.

Мне об этом рассказал один заключенный, казах огромного роста (мне разрешалось ходить по зоне), который остановил меня и спросил, кто я. Он сказал, что мой отец - хороший человек, но я и без него знал это.

Как он не боялся быть сам осужден за свои гуманные, но противозаконные действия, я не представляю. Возможно, он дейс-

Не имея возможности читать книги и газеты, он слушал радио, где ему нравились детские передачи. Он говорил, что в них меньше лжи. Потом я раздобыл хороший приемник, и мы тайно слушали Би-би-си, голос Америки, Ватикан, радио «Свобода». А с каким волнением слушали Израиль, когда его голос прорывался сквозь глушилку!

Благодаря заботам мамы отец мой прожил до января 1965 года. Мог бы жить еще и еще. Но его поразил инсульт. Приходили врачи. В том числе - светила. Подбадривали елейными голосочками.

Он холодно возражал им, что знает диагноз и понимает ситуацию прекрасно. Все время хотел встать, просил меня поднять его, но врачи запрещали это делать, и мы с мамой не решались. Он умер от отека легких.

Если бы послушали его, а не специалистов!

Отец до конца вел себя мужественно.

Он умер 14 января на моих глазах. Я думал, что сойду с ума после жуткого зрелища агонии любимого отца. Мама упала на колени перед кроватью, обняла его, казалась невменяемой.

Я не мог заснуть. Винил себя, и до сих пор виню за то, что не дал ему встать: он был **Врач**, а лечили его, как мне кажется, не такие, как он, хоть и титулованные, медики.

Мама начала угасать, она не хотела жить. Пришлось положить ее в клинику, в течение месяца ее поддерживали коллеги, она постепенно приняла новую судьбу одиночества и прожила еще десять лет.

Она ушла от болезни сердца в том же возрасте, что и муж ее (была на десять лет моложе). В благоустроенную квартиру въехала одна, вдовою, и все говорила о том, как был бы рад Авраам этой квартире на берегу Иртыша.

Отца моего уважали все, кто знал.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

Он был более требователен к себе, чем к подчиненным или к членам своей семьи.

Подхалимов презирал. Хвастунов - тоже. И уважал людей честных и трудолюбивых.

Он гордо пронес сквозь нелегкую и честную жизнь свою принадлежность к великому (да не убоимся мы этого слова) и много-страдальному народу - евреям. Но не было в сердце его ни шовинизма, ни расизма, ни тщеславия.

Благословенна память о нем.

**МАЛАЯ САГА
О САНАТОРИЯХ**

Дуси во время моего визита не было, а я так хотел ее увидеть!
Я ходил один купаться на тихую речушку Рось с прозрачной водой. Там слышалась музыка из чьего-то радио или магнитофона:

*Вот как бывает на свете,
Парень был бойкий и смелый,
Но вдруг цыганку он встретил,
А цыганка песню пела ...*

Слышались и другие песни, но эта меня почему-то взволновала больше других. Я загорел около реки, отдохнул хорошо. Но ни малейшего желания жить здесь постоянно у меня не появлялось. *Я был сибиряк.*

Начал несколько рассказов в Белой Церкви, но ни одной строки стихотворной не внес в свою тетрадь. Да и рассказы те отложил в ящик.

И вновь приехал к тетушкам, но уже в Измаил, когда дочери моей было пятнадцать лет. В небольшой квартирке в тихом дворе жили мои родные. Во дворе играли дружно и лениво кошка с собакой.

Лето было жаркое.

Тетя Гинда была совсем слепа, беспомощна, мне ее было жаль до боли. Тетя Рахиль переживала климакс, ее охватывал жар, были и другие симптомы, она из-за этого была в смятении, быстро и много ходила. Я в то время еще не знал, что такое состояние - великая мука для женщины.

Дусю, сестричку мою любимую, и в этот раз не застал я.

Мы с Идой приехали в Измаил к осиротевшей Дусе спустя много лет. Дуся вышла замуж за Айзика Енчу, он был рачительный хозяин, крепкий мужчина, но стряслась беда, ему сделали

Я познакомился с руководителем торгово-промышленной палаты СССР, прекрасно владеющим испанским языком (он отдыхал в соседнем санатории, а к нам в гости приходил). Мы беседовали не раз, это было для меня весьма интересно.

Он внезапно спросил меня:

- Вы какой нации?

- Той самой, - ответил я с ухмылкой.

Он как бы расстроился. Позднее я думал, что в отношении меня у него могли быть какие-то планы, которые рухнули из-за моей «нации».

Познакомился я здесь также с великолепным актером Георгием Павловичем Менглетом, поразившим меня: он буквально лучился добротой. Познакомился с неповторимой Марией Владимировной Мироновой, с другими интересными людьми. К Мироновой приходил ее сын Андрей, которого я обожал как актера, вместе с Раймондом Паулсом, моим любимым современным композитором. О как хотелось мне с ними познакомиться! Хоть десять минут поговорить, в глаза талантливые глядеть!

Хотя боль в позвоночнике в области шеи заставляла вкладывать вечером подушку между головой и плечом, я хорошо подлечился.

В последний день моего пребывания в санатории я встретился с парой омичей, приятелем со времен Тары Юрием Блиновым и его милой женой Валей. Посидели в буфете за коньяком, я стал пьян невероятно.

Утром еле встал с постели, кое-как добрался до Риги, лишь в самолете с превеликим трудом пришел в себя.

В июле 1984 года я приобрел курсовку в Ейск. Принимал грязи и ванны. Здесь нас клали по пятьдесят или даже шестьдесят человек в ряд и шли вдоль ряда сестры, забрасывая каждого из

«пельмени», например, оказались безвкусной теплой водой, в которой плавало несколько пленочек жидковатого теста.

Ида возмутилась - не ими, а мною:

- Ты наврал про столовую! Такой гадости я не ела со времен войны!

Тщетно я объяснял супруге, что раньше здесь было не так, что здесь все изменилось, видимо, после отъезда практикантов. Она была сам гнев ...

Такая вот невезуха всегда у меня с женою.

Словно кто-то злой наколдовывал мне провал.

Или в самом деле кто-то гадил по-черному?

На концерте в Таре я не взял верхнюю ноту именно в тот день, когда она пришла.

В школе она появилась лишь раз, но именно в тот день и час, когда я после заключения договора с рабочими и воздаяния «уважения» к ним сидел поддатый, спрятавшись от всех, в сторожке с головой, опущенной на руки.

Вот и в Крыму так же получилось ...

Ида устроилась на квартиру над шоссе, повыше санатория. Мы встречались ежедневно, но это были встречи обвиняемого с пострадавшей.

В санатории было несколько иностранцев. Один американец споткнулся, взбегая по лестнице. Я крикнул ему:

- Be careful!

Он вздрогнул, взглянув на меня, я весело помахал рукой, но он как-то натянуто улыбнулся в ответ. Мне стало стыдно: зачем орал?

А на ингаляции был довольно смешной инцидент. Я сидел и ждал своей очереди. Назвали мою фамилию. Я встал и быстро пошел ко входу в процедурную.

Это была правда, мой приятель был еще и инвалид.

В Евпатории мы одну ночь провели в гостинице, а на второй день к моим знакомым поехали. В автобусе Ф. из-за пустяка поругался с одним пассажиром, я еле унял его.

- Я не трус, - кричал мне кандидат наук.

- Ты, парень, может и не трус, да глуп, - процитировал я «Гусара».

Знакомые мои помочь с жильем не смогли, надо было что-то искать. Тогда Ф. предложил отправиться в другое место, где он планировал устроиться врачом временно, на отпуск. Но я решил остаться. Я перешел в другой номер гостиницы, так как этот надо было освободить, и сказал «напарнику», что отныне каждый из нас устраивается сам.

Ф. обиделся, но я уже устал от него.

Я же отдохнуть приехал, а не опекать кандидата наук!

В моем новом номере остановился также офицер МВД из Симферополя, мы поболтали с ним на разные темы, выпили пива, а утром я пошел по совету дежурной устраиваться - и устроился во времянке с двумя другими «дикарями». Придя в гостиницу забрать чемодан из камеры хранения, застал страшную картину: некий хромой мужчина бил палкой по голове Ф., за которого я немедленно заступился, еще не зная, в чем дело.

Мужчина кричал что-то непонятное, кричала его жена, вызвали милицию.

И молоденький милиционер разобрался, увез ... Ф.

Я тут же сел в транспорт и прибыл в милицию. Там допрашивали беднягу кандидата наук. Я вошел в кабинет прояснить ситуацию, но офицер меня прогнал. Тогда я двинулся к начальнику. Его не было, заместитель же меня внимательно выслушал. Я напрягся, собрался с духом и старался строить речь свою основательно, убедительно и логично.

- Зачем тебя понесло в бывший номер? Он же не наш теперь!

- Но мы же только что ушли оттуда! Я только фрукты помыть хотел!

В этот момент мы увидели молодого милиционера, арестовавшего злополучного кандидата наук. Он шел навстречу нам.

Ф. вскинулся, подбежал к парню и закричал, стоя почему-то боком к оппоненту и криво улыбаясь:

- Вот из-за таких, как ты, вас всех и не любят!

- Не обращай внимания на этого психа! - подмигнул я сержанту, схватил чуть ли не в охапку бедного смельчака и увел подальше.

И простился с ним, почувствовав огромное облегчение.

Ф. отплыл в тот же день. Он сумел устроиться врачом в какой-то здравнице и хорошо отдохнул.

Я - тоже.

Без него.

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Затем Герзон работает на военном заводе токарем и слесарем по 12 часов в дневную и ночную смены, перевыполняя нормы. Но вскоре его увольняют в связи с тяжелым заболеванием.

Он едет в Омск, к тете Лии, поступает в авиационный техникум, где учится средне, но руководит концертной бригадой, участвует в спектаклях. Влюбляясь, дарит девушкам любовные стихи, эти экспромты уже через день не может вспомнить.

Работает технологом, конструктором, экспериментатором.

В 1948 году женится на студентке Иде Фориико, увольняется с завода, бросив политехнический институт, и поступает в педагогический на историко-филологический факультет.

Учится хорошо. Еще будучи студентом, преподает логику и психологию в мужской школе.

В вузе участвует в театральном коллективе, выступает как конферансье и вокалист.

При распределении послан в Тарский район (север Омской области) директором семилетней школы. Школа - тяжелая, но новый директор полон оптимизма и энергии, и школа выходит на одно из первых мест в районе не только по успеваемости, но также и по спорту, по художественной самодеятельности.

В Тарской районной газете «Ленинский путь» печатают его стихи, рассказы, статьи и фельетоны. Звучит 27 минут по областному радио новелла Герзона «Раздумье» (под псевдонимом Александр Абрамов).

В Таре он встречается с Сергеем Павловичем Залыгиным, который дает анализ ряда рассказов, помогает молодому автору многое понять.

Герзон участвует в художественной самодеятельности Тарского Дома учителя как исполнитель романсов и оперных арий благодаря помощи концертмейстера (ссылный Михаил Николаевич Зенгбуш на общественных началах обучал вокалу несколько человек в Доме учителя, сам же им всем аккомпанировал).

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

В ЗНУИ Герзон оканчивает курс актера, затем - режиссера. Оба диплома - с оценкой «отлично». Создает самодеятельный театр «Поиск».

На пенсии он лифтер в госпитале, работает ассистентом режиссера и консультантом по декламации в народном театре «Зеркало» на общественных началах.

В сентябре 1992 года репатрируется в Израиль. Работает разносчиком рекламы, садовником, сторожем детского сада, моет подъезды, месяц преподает русский язык в «Джойнте».

До сорока стихотворений, семь рассказов и несколько статей публикуются в русскоязычной газете «Новости недели».

Пишет ряд одноактных пьес. Затем создает свой сайт в Интернете, где размещает как опубликованные произведения, так и не изданные.

Издано одиннадцать книг Александра Герзона.

Сборник фантастики «Его звали Боб», изданный в Москве («Тиссо»), включает фантастические рассказы из предыдущих трех небольших сборников. По сути это - напряженные размышления автора, серьезно обеспокоенного будущим сегодняшнего Человечества.

Остальные книги изданы в Израиле («Исрадон»).

Сборник «Контрасты» включает автобиографическую повесть о детстве еврейского мальчика Арика Гордона в СССР - «Первый тайм», приключенческую и одновременно детективную повесть о жизни и приключениях инженера Самойлова «Судьба», психологический детектив «Ведьма», а также ряд рассказов, написанных и частично опубликованных в разные годы в газетах.

В книге «Ахинея Аарона, или искушение старого грешника» действие охватывает всего один год: то ли 1990, то ли 1992, возможно, 1993 или 1994. Но при этом то и дело совершаются короткие экскурсы в прошлое и в будущее. В реальное напряженное повествование о буднях репатрианта Аарона Гордона внесены космические ведьмы, толкающие сопротивляющегося их натиску

ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. О КНИГЕ «ФРАГМЕНТЫ»

«... проследите иной, даже и не такой яркий факт действительной жизни, - и если только Вы в силах и имеете глаз, то найдете в нем глубину, какой нет у Шекспира...»

(Ф.М. Достоевский)

Книга, которая представлена читателю, называется скромно и информативно «Фрагменты». Мозаичная по своему внешнему построению книга А.А. Герзона является внутренне цельной и органичной, как своеобразное свидетельство очевидца о себе, о людях, с которыми свела судьба, и, разумеется, о веке двадцатом, итоги которому мы будем подводить еще долго.

Перед нами сочинение, которое несомненно относится к столь актуальной документальной прозе или, как её называют, «литературе non-fiction». Эта новая, родившаяся, в сущности, в двадцатом веке разновидность прозы появилась в культуре благодаря интенсивности современной жизни с её эффектом убыстрившегося спрессованного времени, когда факты личной и исторической действительности увлекательнее любого вымысла.

История жизни автора приобретает особые черты, своего рода «отметины» времени. Автобиографичность рассказа определяет разнородную пестроту названия частей книги от информационных до иронических и даже лирических: «годы становления, педагог в театре, в тресте не на месте, побывал и я чиновником, шесть лет надежд, малая сага о санаториях».

Неувядаемое обаяние этой книги в мудром авторском взгляде.

И еще одна редкая черта привлекает в книге А.А. Герзона – уважение к чужим точкам зрения и позициям, открытость сознания новому опыту и мудрое смирение перед логикой бытия. Это не всепринятие, а ясная уверенность в конечной победе добра над злом.

Спасибо автору за его энергию свободы, понимания, без которой нет будущего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Познакомилась я с Александром Абрамовичем Герзоном в 1970-м году, тогда я была студенткой 3го курса худ-графа и часто бывала в Омском музее изобразительных искусств.

Мои однокурсники очень запальчиво обсуждали экспозицию, выставки, спорили о современных художниках. Заканчивалась «оттепель», в Сибири (как и вообще в провинции) этот период продолжался дольше, чем в столице. В это время активно шло возвращение наследия мастеров начала XX века в культурное пространство. Термина «серебряный век» у нас еще не было, называли это возвращением искусства рубежа веков. В Омском музее о «рубеж веков» был представлен полно и интересно, мы этим очень гордились. Вот этот процесс и был в центре всеобщего внимания.

Хочу заметить, что художественной молодежи освоение наследия «мирискусников», авторов «Союза русских художников» (авангардом интересовались, но в советских музеях он почти не был представлен) давалось легче и безболезненнее, чем людям старшего поколения, у них продолжал действовать «внутренний цензор».

старшего поколения. Однако всё время работы А.А. Герзона в музее существовала уникальная атмосфера увлеченности, научного поиска, гуманности, бескорыстия.

Еще при А.М. Гольденблюме в музее доминировала просветительская тенденция, теперь же активизировалась тенденция собственно искусствоведческая, аналитическая.

После ухода А.А. Герзона она стала затухать, осталась историко-культурная доминанта.

Опыт Герзона убедил в том, что руководителем музея изобразительных искусств обязательно должен быть человек, владеющий двумя специальностями (историко-филологический факультет давал возможность большей широты кругозора и универсальности).

Эта черта особенно ярко проявлялась в работе на выставках из пушкинского лица, на выставках рисунков Нади Рушевой и на выставках современных художников.

На моей памяти Александр Абрамович - первый и единственный директор, воспитывавший своих сотрудников личным примером: он не просто организовывал работу, но сам читал лекции, при необходимости мог провести экскурсию по экспозиции, показывал, как работать над методическим пособием или статьей.

Его умения выделять главное делало его прекрасным редактором. Все, о чем пишу это, казалось бы, норма музейной работы, но её, увы, уже не было у директоров, которые пришли на смену Герзону. После него директорами музея изо. часто становились случайные люди (бывший сотрудник МВД, инструктор обкома КПСС, пишущий детективы и т.д.),

Только в последние годы у кормила музея встали историки, без примеси других интересов и специальностей.

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

.....

танию, больше всего – способности любить свое дело и от души работать. Разглядев в молодом сотруднике качества, соответствующие его представлению о том, «что такое хорошо и что такое плохо», директор Герзон заботливо воспитывал его в том же духе. Никогда не поучал, не распекал, умел вести серьезный разговор так, что провинившийся не чувствовал себя «на ковре», но глубоко переживал свои ошибки и по-настоящему стыдился.

В несерьезных же разговорах порой проступала глубокая мудрость притчи, неожиданная в нестаром еще человеке и тем более запоминавшаяся. Как творческий человек, Александр Абрамович ценил интеллектуальный потенциал своих музейщиков, а они ценили его уважение и старались соответствовать той человеческой мерке, которую он устанавливал естественно и тем не менее твердо.

Атмосфера в музее была замечательная – и деловая, и дружеская, и удивительно теплая.

И не однажды в разговорах с нынешними «зубрами» музея, молодыми сотрудниками тех лет, мне доводилось слышать, что это были лучшие времена в их работе...

*Лариса Владимировна Чуйко,
кандидат искусствоведения, доцент*

*ПИШЕТ МНЕ БЫВШИЙ СОТРУДНИК МУЗЕЯ
Г. ЕГОРОВА*

Дорогой! Драгоценный! Несравненный!
и Совершенно Обожаемый!
Александр Абрамович!

Помню, как я готовила свою первую лекцию в публичном лектории. Тема - «Искусство древней Греции».

Подготовка требовала не только перечитать материал по теме, знать его, но и иметь свой авторский текст, который необходимо было защитить на методическом совете.

Первая лекция - это как первый спектакль, как первая любовь, в которой ты должен признаться слушателям, - и чтобы они бы поверили тебе...

В затемненном первом зале генерал-губернаторского дворца ставили около тридцати стульев - и на большом экране демонстрировались слайды с видами греческой архитектуры II-III века до н.э.

Я волновалась, когда начала рассказывать...

Александр Абрамович стоял в проеме дверей второго зала. Я боялась смотреть на аудиторию, и поэтому смотрела на него, для меня важны были его глаза... как нить Ариадны... он одобрял, поддерживал, кивал головой - и я успокаивалась, чувствовала, что меня слушают.

Первые навыки работы с аудиторией мне были очень полезны и в последующей деятельности, когда стала преподавать в Омском государственном университете на факультете теологии.

Помню, как он учил внимательности, честности, ответственности...

«Музей - это храм...а музейщики - это последние святые люди», - говорил нам Александр Абрамович, - «... нельзя без доверия, без уважения нельзя...»

*Чернявская Анна Евгеньевна,
Главный хранитель Омского областного музея имени
М.А.Врубеля, Заслуженный работник культуры РФ,
эксперт Росохранкультуры,
член Международной ассоциации искусствоведов
«АИС»*

маску». В результате чего мы с ним вместе прошли школу драматургического мастерства.

Затем наши жизненные пути в силу различных жизненных обстоятельств на какое-то время разошлись. Но за это время произошёл любопытный случай, который вновь связал нас вместе. В пьесе «Сорви маску» есть песня «02», посвящённая сотрудникам милиции и написанная нами в содружестве с композитором Иосифом Тамариным.

Дважды эту песню транслировали по Центральному телевидению в исполнении Ансамбля МВД во время праздничных концертов, посвящённых Дню милиции. Называли авторов стихов – Александра Абрамова, Александра Зыкова и композитора Иосифа Тамарина. Возникает вопрос – а где же Александр Герзон?

Дело в том, что «Абрамов» - это был псевдоним Александра Герзона. И когда при встрече с Александром Абрамовичем я рассказал ему об этой истории, он сначала обрадовался, а потом немного расстроился: «Почему я вовремя не поменял псевдоним на свою фамилию. Так никто и не узнал, что Александр Герзон – один из авторов этой песни».

Я решил рассказать об этом случае в своих воспоминаниях, чтобы все знали – песня Александра Герзона «02» дважды звучала на Центральном телевидении Советского Союза.

*Заслуженный деятель искусств России
Александр Зыков*

А тут сразу - деление класса на группы по пять человек, внутри каждой группы идет дискуссия. А,А, по очереди подсаживается то к одной, то к другой пятерке, направляя дискуссию в нужное русло.

Самое главное - заставляя нас мыслить самостоятельно, а не заученными фразами из учебника. И что немаловажно - нестандартно, Хотя в ту далёкую брежневскую эпоху это было чуть ли не криминалом.

А вот на втором курсе началось самое интересное. Мы уже привыкли к училищной жизни и решили подготовить Новогодний капустник.

Вместе с нами в капустнике участвовали молодые преподаватели нашего ДХО - Лидия Марковна Хейфец и Вера Николаевна Перелыгина (Попова). А режиссером был А,А,Герзон. Это был триумф!

Долго потом в училище вспоминали тот Новогодний вечер.

На третьем курсе мы пошли дальше - А,А, и я написали сценарий Новогодней сказки. Жаль, что он не сохранился.

Помню, что Баба Яга и Кощей Бессмертный, решив переодеться Снегурочкой и Дедом Морозом, заявили на наш праздник, чтобы испортить нам всем настроение. Получилось очень забавно.

Из уроков помнятся «Беседы об искусстве» со слайдами - репродукциями картин великих мастеров.

Потом эти знания пригодились мне, когда я стала учиться в Ленинграде и у нас был предмет ИЗО, и при посещении Эрмитажа и Русского музея.

И позже, когда я сама стала преподавать в ДШИ предмет «Беседы об искусстве» по собственной программе.

Пусеп Елена Николаевна, выпускница Омского музыкального училища им. Шебалина 1978 года:

Уже давно окончила Омское музыкальное училище им. Шебалина, но если вспоминаю о нем, то очень часто мои воспоминания оказываются обращены к Александру Абрамовичу Герзону - преподавателю, который вел у нас предметы не связанные непосредственно с музыкой, но являются базовыми для любого культурно образованного человека: философию, эстетику, историю изобразительного искусства. Именно он смог значительно расширить наш общий кругозор, научить видеть мир во всем многообразии, научить понимать его. Запомнились занятия Александра Абрамовича интересной формой общения с нами, молодыми студентами. Он общался с нами, как с равными, непринужденно, доброжелательно, иногда с юмором. А мы увлеченно слушали его, восторгаясь его эрудицией, остроумием, и умением доступным языком с легкостью объяснить нам серьезные вещи.

И то, чем сегодня мы являемся в своей профессии, конечно, есть и заслуга Александра Абрамовича.

Головкова(Чурина) Александра (пианисты 1974-1978):

Я очень счастливый человек. На моем жизненном пути всегда встречались и встречаются замечательные люди. Но Александр Абрамович Герзон Занимает в моей жизни особое место.

Вы не просто преподавали мне историю, этику и эстетику, ИЗО в нашем музыкальном училище. Вы каким-то

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

Я была в Вас влюблена. Да что говорить, мне кажется, в Вас было влюблено все музыкальное училище. Вы Талантище, Вы Человечище, Вы просто удивительное уникальное явление в моей жизни-любимый педагог и обожаемый человек-Александр Абрамович Герзон!

Чулковская Маргарита:

Время учебы в Музыкальном училище им. Шебалина было самым счастливым в жизни. Дружба с сокурсниками продолжается более 40 лет. Тогда это была общая жизнь, общая работа. Сейчас осталась любовь друг к другу и огромная признательность к преподавателям, которые нас сплотили. Это Раиса Львовна Тевелева - вечная ей память, Владимир Васильевич Кузнецов, Александр Абрамович Герзон.

Благодаря Александру Абрамовичу Герзону я с годами поняла, что такое педагогический дар. Ему всегда были интересны ученики как личности и, возможно, степень собственного влияния на них. А она была очень велика! Он умел увлечь всем, что преподавал. Мы, музыканты, после его уроков ИЗО стали фанатами музеев и всю жизнь коллекционируем репродукции картин. Педагог должен быть артистом. Александр Абрамович и есть артист. Даже лекцию об очередном съезде КПСС он сумел превратить в увлекательный спектакль, который слушатели-студенты наблюдали с открытыми ртами.

Его отношение к ученикам стало для меня образцом. Недавно мама одного ученика сказала, что я для нее эталон педагога. Первой моей мыслью и словами было: «У меня

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово автора.....	5
Годы становления.....	9
Из воспоминаний директора школы.....	139
В тресте не на месте.....	231
Побывал и я чиновником.....	255
Лектор обкома КПСС.....	273
Педагог в театре.....	287
Из воспоминаний директора музея.....	301
Среди музыкантов.....	329
Среди медиков.....	373
Шесть лет надежд.....	425
Письма хостелианина.....	451
Два прерванных полета.....	543
Моя мама.....	549
Мой отец.....	557
Малая сага о санаториях.....	569
Об авторе.....	581
Послесловие.....	588
Оглавление.....	606